

Автор бестселлеров по версии *USA Today*

БЕЛЛА ДЖУЭЛ

* [VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/KN_BOOKS) *

*Он был там в течение одного ужасающего мгновения.
После он исчез.*

Мгновенные МГНОВЕНИЯ

Одно-единственное мгновение может изменить все.
Сначала у тебя есть все, о чем только можно мечтать.
Секундой позже это может исчезнуть.
Испариться навсегда.

Так произошло и со мной.
У меня было все.
Но по жестокой иронии судьбы, у меня это отобрали.
Прекрасная жизнь исчезла в мгновение ока.

Но он был там.
Он был там, чтобы подхватить меня, когда я упала.
Защитить.
Мой спаситель. Моя опора.

Он был просто незнакомцем.
Бескорыстным незнакомцем, лицо которого я не забуду никогда.
Не смогу забыть.
Не хочу.

И, как и все остальное, он исчез.
Будто его никогда и не существовало.
Но я должна найти его.
Мне необходимо его найти.
Он должен знать, что спас меня.

Должен знать, что в одно из мимолетных мгновений, я могла видеть только его.

МИМОЛЕТНЫЕ МГНОВЕНИЯ

Автор: Белла Джуэл

Жанр: Современный любовный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Вне серии

Главы: Пролог+31 глава

Переводчик: Юлия Ж.

Редактор: Каролина Р.

Вычитка и оформление: Таня П.

Обложка: Таня П.

ПРОЛОГ

Жизнь — череда мимолетных мгновений. Мгновений, которые проносятся мимо нас, и порой мы сами этого не замечаем. Мы позволяем этим мгновениям определять нашу судьбу и приносить страдания. Они могут быть значительными или незначительными. Могут принести любовь, веру и силу, но могут забрать с собой страсть, чувство собственного достоинства и счастье. Каждая частичка нашей жизни состоит из таких моментов.

Самый значимый момент в жизни каждого человека — день, когда он родился. Затем появляются другие: дружба, любовь, боль, предательство, счастье, брак, дети и смерть. В момент смерти мы делаем последний вдох и покидаем жизнь, чтобы передать ее кому-то другому. Наши моменты становятся нашей историей и наша история общая. Если мы не наслаждаемся этими моментами, то можем их навсегда потерять.

Что вы можете сказать о своих мгновениях? Гордитесь ли вы ими? Верите ли вы в них? Изменили ли они вас? Ограничили? Уничтожили? Замечали ли вы, когда они проходили мимо вас? Помните, когда в первый раз влюбились? Первую дружбу? Первое горе? Запах первенца, когда вы держали его на руках? Эти моменты стали частью вас, но помните ли вы их? Наслаждались ли ими? Вы позволили им пробраться в душу, чтобы стать маленькими частичками того, кто вы есть?

Мои мгновения определили мое я.

Они отняли так много, но и вернули столько же.

Они уничтожили меня.

Но главное: сделали той, кем я сейчас являюсь.

Я помню многое о своей жизни, но тот момент, когда влюбилась, запомнился сильнее всего. День, когда я встретила Джерарда Джейкобсона, изменил мою жизнь. Он стал частью моей души, а я даже не понимала, как нуждалась в нем.

Я была обычной девушкой, а он обычным парнем. Банально, знаю. Наши взгляды встретились в кафе, а остальное уже история. Влюбившись, я словно ожила, словно впервые начала дышать. Легкие наполнились воздухом, и я почувствовала, как он распространился по всему телу, оживляя каждую клеточку.

Быть влюбленной — это все равно, что жить.

Я и не предполагала, что наступит время, когда больше не захочу быть с Джерардом. И, конечно же, не предполагала, что любовь к кому-то другому может стать сильнее, глубже, более душераздирающей. Он подарил мне весь мир, и я приняла его, окунувшись в его жизнь, стала той женщиной, которой, как я полагала, должна быть жена. Моя любовь к нему была подобна воздуху, и он отвечал с той же страстью.

Я не думала, что может быть кто-то другой. Это было просто невозможно.

Конечно, я не представляла, что он может настолько измениться. Стать абсолютно

другим человеком.

Но жизнь забавная штука, не так ли? Она не предоставляет вам выбор. Она сама решает все за вас. Иногда мне кажется, что эти трудные моменты посланы для того, чтобы испытать нас; иногда — чтобы просто причинить боль. В конце концов, с чего бы в моем идеальном браке появился кризис без значимой на то причины? Почему человек, которого я любила шесть лет, вдруг стал мне совершенно безразличен? Почему мою жизнь и мои мгновения вывернули наизнанку так, что я не могу различить их?

Если у жизни есть насчет нас планы, почему, черт возьми, это так сильно причиняет боль?

Но прежде, чем я расскажу о пережитой мной боли, испытаниях, через которые прошла, и о том, как они изменили меня, вы должны знать, с чего все началось.

Я осторожно ступаю по полированному деревянному полу, когда иду на кухню. Не хочу будить Джерарда, пока не приготовлю ему завтрак. Сегодня наша годовщина, три года в браке и шесть лет вместе, поэтому я хочу сделать ему сюрприз. Напевая веселую мелодию, я открываю холодильник и набираю продукты, которые мне нужны, чтобы сделать свои знаменитые воздушные блинчики. Он их обожает. В последнее время Джерард много работал, впрочем, как и всегда, поэтому я уверена, он это оценит.

— Люблю, когда ты поешь.

Я поворачиваюсь, заставляя скрипеть половицы, и вижу у кухонного стола своего мужа, на котором нет ничего, кроме боксерских трусов. Его хоть и худощавая грудь мускулистая и загорелая, но что действительно заставляет мое сердце улыбаться, так это лицо — мужественный подбородок, голубые глаза, мягкие светлые волосы. Он по-мужски красив. Это не грубая мужская красота, но, безусловно, очень мужественная.

— Я собиралась сделать тебе сюрприз, — я улыбаюсь, обходя кухонный стол, и падаю ему в объятия.

— У меня была такая же идея, — бормочет он мне в волосы. — Только когда я проснулся, чтобы незаметно выскользнуть из постели, увидел, что ты уже меня опередила.

Я тихонько смеюсь.

— У дурачков мысли сходятся.

Он усмехается.

— Позволь мне приготовить завтрак. А ты отдохни и расслабься.

Я становлюсь на носочки и целую его в губы.

— Ни за что. Мне нравится делать блины. По крайней мере, позволь сегодня сделать их для тебя.

В его взгляде читается теплота, а руки спускаются к моему животу, где внутри растет наш семинедельный ребенок, наше творение, которое далось нам с таким трудом. У меня были проблемы, поэтому потребовалось много времени, чтобы зачать. В конце концов, нам удалось сделать его или ее самостоятельно, без помощи ЭКО. Я каждый день благодарю Бога за этот подарок.

— Можешь приготовить завтрак, но потом отдохай. Я подготовил тебе сюрприз, так что тебе еще понадобятся силы.

— Сюрприз? — лучезарно улыбаюсь я.

— Да.

— Ну, тогда я лучше займусь завтраком, чтобы ты скорее смог рассказать о нем.

Он усмехается и отпускает меня, а я возвращаюсь к приготовлению блинчиков.

— Ты идешь сегодня на работу? — спрашиваю я, наливая тесто в горячую сковороду.

— Надеюсь, что нет. Я попросил дать мне выходной, но ты же знаешь, как это бывает — может случиться что-то непредвиденное.

Я киваю. Джерард адвокат, и иногда его вызывают чаще, чем хотелось бы, и с этим ничего не поделаешь. Люди всегда попадают в неприятности, а значит, он не сидит без работы. Иногда меня это тревожит, но я стараюсь быть самой лучшей женой, насколько это возможно, и просто поддерживаю его. Это его мечта, но я уверена: когда ребенок появится

на свет, все изменится.

По крайней мере, надеюсь, что так будет. Я отбрасываю эту мысль прочь и продолжаю улыбаться.

— Что ж, надеюсь, сегодня обойдется без преступлений, — произношу я, переворачивая блинчик.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, намного лучше.

Вчера я некоторое время чувствовала себя не очень хорошо. Этот ребенок очень много значит для нас, и мы сделаем все, чтобы защитить его. К сожалению, даже малейший спазм вызывает у нас тревогу. Уверена, это пройдет, как только начнется второй триместр, но сейчас мы переживаем даже по незначительному поводу.

— Обычная простуда? — спрашивает он, направляясь к кофеварке и наливая себе чашечку.

— Скорее всего.

Он помогает мне подать блины, и мы садимся за маленький, деревянный круглый стол. Я накладываю ему, а потом себе. Мой желудок по утрам может быть немного чувствительным, хотя, кажется, за последние два дня самочувствие улучшилось. Может, все, наконец, прошло. Мне бы стало намного легче; кому бы понравилась тошнота по дороге на работу.

— Итак, что за сюрприз ты приготовил? — спрашиваю я в перерывах между глотками.

Джерард усмехается, наклоняясь вниз, и копается в своем портфеле. Он вытаскивает маленький конверт и протягивает мне.

— Знаю, это мелочь, но я вспомнил, как сильно ты хотела туда пойти.

Слабый стон срывается с моих губ, когда я открываю его, доставая два билета на бейсбол на сегодняшнюю игру. Стон перерастает в радостный возглас в тот момент, когда я встаю со стула и бросаюсь ему на колени. Я ярый бейсбольный болельщик, больше, чем большинство людей, с которыми я знакома. Мне всегда хотелось сходить на игру с Джерардом. В детстве я бывала там с родителями, но с тех пор прошло много времени, и я не могла представить ничего лучше, чем провести весь день с Джерардом на игре. Он так хорошо изучил меня. Что еще нужно для счастья.

— Ты достал билеты на игру!

Он смеется, когда я оставляю поцелуи на его лице, где только могу.

— Да. Мы не ходили на игру с тех пор, как переехали сюда, а я знаю, что ты всегда хотела пойти вместе. Не знаю, хороши ли места, но я старался.

Я взглянула на билеты.

— Места хорошие, но я была бы счастлива, если бы мы даже сидели на траве, ведь ты идешь вместе со мной и это бейсбол!

— После игры я приглашаю тебя на ужин.

Я счастливо вздыхаю.

Долго и жадно целую его, наши языки сплетаются, тела тесно прижимаются друг к другу. Счастье растет в моей груди, а где-то глубоко внутри зарождается возбуждение.

— Ты самый удивительный муж в мире, Джерард Джейкобсон.

— Для тебя все только лучшее, Люси.

— Когда игра?

— Во второй половине дня, так что у тебя есть еще несколько часов, чтобы отдохнуть.

Я крепко обнимаю его, прижавшись щекой к его щеке. В мире не может быть мужчины лучше, в этом я уверена.

— Ты же не серьезно сейчас? — орет Джерард, махая одной рукой в воздухе, в то время как второй прижимает телефон к уху. — Ты обещал мне выходной.

Я прислушиваюсь, как только могу, уже одетая для игры и настроенная на веселье.

— У меня годовщина, Том. Мы с женой собираемся на бейсбол. Не верится, что ты мог так поступить.

Он слушает, сжимая кулак.

— Скоро буду.

Джерард вешает трубку и поворачивается ко мне. Разочарование наполняет мою грудь, но я стараюсь не показывать этого.

— У меня появился клиент, которого только что арестовали за убийство.

Важное дело. Проклятье.

— Тебе нужно идти? — произношу я, и в моем голосе звучит неприкрытое разочарование.

— К сожалению, детка, но да. Мне за это платят.

А я? Как же я?

Я гоню эту мысль прочь из своей головы, но вместо нее приходит следующая. Это его работа. Я киваю, глядя на свои ноги.

— Хочешь, я позвоню другу, чтобы он пошел с тобой на игру?

Я пожимаю плечами.

— Не думаю, что кому-нибудь из них нравится бейсбол.

К тому же, у меня на самом деле нет друзей, которые согласились бы пойти. Я посвящаю все свое время работе или Джерарду.

На его лице отражается печаль, он выглядит абсолютно опустошенным, и я понимаю, что это его расстраивает.

— Не хочу, чтобы ты пропустила игру. Ты была такой взволнованной.

Я до сих пор очень хотела пойти, это правда.

— Я могу пойти одна, — предлагаю я. — То есть, не вижу в этом ничего плохого.

Он хмурится.

— Там будет большая толпа, тебя могут толкнуть.

— Со мной ничего не случится, — убеждаю его я. — Я, правда, хочу пойти.

Он изучающе смотрит на меня, а потом вздыхает.

— Я постараюсь разобраться с делами до ужина, обещаю. Почему бы тебе не пригласить мою сестру? Может, она пойдет?

Я фыркаю.

— Хизер ненавидит меня; она никогда не согласится.

— Она не ненавидит тебя...

— Ненавидит, — я улыбаюсь, протянув руку и касаясь его руки. — Со мной все будет

хорошо. Я, правда, хочу пойти. Я была бы намного счастливее, если бы ты был там со мной, но понимаю, что ты не можешь.

— Я разберусь с делами до ужина — ничто мне не сможет помешать.

Я киваю, укутываясь в его объятия. Он обнимает меня, и, кажется, это длится вечность.

— Хорошо, — он вздыхает, отступая назад. — Нет ничего важнее настоящего. Позвони, если возникнут какие-то проблемы, хорошо?

Я киваю.

— Я люблю тебя, Люси.

— И я люблю тебя.

Тогда я еще не знала, что это был последний раз, когда он говорил мне эти слова.

Меня охватывает радостное предвкушение, когда прохожу мимо службы безопасности, на ходу открывая сумочку, чтобы полицейские скорее осмотрели ее. Они проверяют мой билет, и я получаю указания, как добраться до своего места. Стадион достаточно большой, хотя и не такой, как в высшей лиге, но это не важно. Волнение от того, что увижу игру вживую, переполняют меня.

Я подпрыгиваю от счастья, когда нахожу свое место прямо рядом с большим кирпичным зданием, которое расположено посередине. Оно не заслоняет обзор, так что меня это не смущает. К тому же, кажется, там есть туалет, который, несомненно, понадобится мне позже.

Люди занимают свои места, и музыка льется из колонок, установленных на трибунах. Беззаботная болтовня наполняет мои уши, и я ерзаю на сидении, нервничая от того, что скоро увижу игру. Мужчина спускается по проходу и останавливается около сиденья слева от меня. То, что справа, зарезервировано для Джерарда, поэтому будет оставаться пустым. Я бросаю на него взгляд, и мои глаза округляются. Дыхание сбивается, образуя ком в груди в тот момент, когда я люблюсь самым красивым мужчиной, которого когда-либо видела.

Он смотрит на меня глазами, похожими на самый яркий вид серебра. В сочетании со светло-оливковой кожей, они, кажется, сияют. Темные волосы падают на мужественный лоб, спускаясь к подбородку и полным губам. Он довольно крупный мужчина, ростом, скорее всего, более метра восьмидесяти, с мышцами, которые просматриваются под плотно облегающей черной футболкой. На нем выцветшие джинсы и тяжелые черные ботинки. Интересно, есть ли у него татуировки под футболкой? Он выглядит, как человек, который любит их.

Поняв, что бесстыдно пялюсь на него, я быстро отвожу взгляд в сторону, снова сосредоточив все внимание на игре. Я никогда не обращала внимания на мужчин до брака и, конечно же, никогда не тарасилась на них. Просто этот совершенно неотразим. Мои щеки рдеют от стыда.

Он садится на место рядом со мной, не произнося ни слова, слегка махнув рукой молодому человеку, стоящему с тележкой с пивом. Тот вручает ему одно, а я продолжаю смотреть на поле, и внезапно ко мне приходит осознание. Неужели я дрожу? Вдруг он подумает, что его присутствие заставляет меня нервничать? Я веду себя слишком скованно? Я поправляю рубашку, не сознавая того, а затем понимаю, что делаю, и складываю руки на коленях.

Я сижу, уставившись на поле, пока не начинается игра. Слава Богу. Теперь мое внимание приковано к игрокам. Сердце колотится от волнения, когда громкий звук от удара заполняет воздух. Толпа ликует, и огромная улыбка расплзается по моему лицу. *Великолепно.*

Мужчина рядом не слишком подвижен; его не особо интересует игра. Глазами он сканирует толпу, и, кажется, что-то ищет, или кого-то. Он сидит глубоко в своем кресле, будто старается казаться незаметным. Странно.

Местная команда, за которую я болею, выбивает хоум-ран, и я вскакиваю и громко хлопаю. (*Примеч. Хоум-ран — удачное отбивание мяча бьющим игроком, после которого*

мяч покидает пределы поля над фэйр-территорией, что позволяет команде совершить побег к «дому» и с большой вероятностью набрать очки). Я подпрыгиваю несколько раз на месте, а затем сразу сажусь, понимая, что привлекаю внимание. Я бросаю взгляд на мужчину слева от себя и вижу, что он смотрит на меня без всякого выражения. Отлично. Ему, наверное, стыдно сидеть рядом со мной. Он даже не выглядит веселым. Я наклоняюсь вперед, хватаюсь за сидение перед собой и стараюсь не пропустить ничего, что происходит на поле.

Первый момент, который в последствии изменит мою жизнь, приходит из ниоткуда.

Игра идет полным ходом, толпа аплодирует; люди едят хот-доги, выпивают пиво. Я даже не сразу замечаю группу людей, одетых во все белое, пока не слышу громкие выстрелы в воздух. Паника сковывает мою грудь, когда я поворачиваюсь и вижу, по меньшей мере, десять человек, достающих оружие из штанов. Я чувствую, будто у меня сжимается сердце, когда смотрю на безликих боевиков. Они все в масках. Полностью в белом.

Весь стадион погружается в мертвую тишину. Единственные звуки, которые можно слышать — разочарованные крики детей, которые пытаются привлечь внимание своих перепуганных родителей.

Я не понимаю, что происходит.

Служба безопасности бежит из разных частей стадиона, но быстро останавливается, когда в ногу одного из них попадает пуля, выпущенная из пистолета террориста. Издав болезненный вопль, он падает на руки и колени, мучаясь от невыносимой боли. Кто-то кричит в толпе.

Это не розыгрыш. Нет. Это происходит на самом деле и прямо сейчас. Прямо здесь. Тошнота подступает к горлу и паника, которую я раньше еще ни разу не испытывала, охватывает тело. По коже пробегает дрожь, разум словно парализовало и все вокруг гудит, когда я пытаюсь разобраться, в чем же дело.

Но не могу ни на чем сосредоточиться, не могу ничего слышать сквозь нервную болтовню, плачь и шепот вокруг.

— Никому не двигаться, — произносит низкий пугающий голос в громкоговоритель. — Тот, кто двинется, будет тут же убит.

Это все, что они говорят.

Никаких объяснений.

Ничего.

Кто-то кричит, пистолет направляют в сторону этого человека, и крик прекращается. Слезы уже катятся по моим щекам. Это нападение? Протест? Здесь политик и они пытаются таким образом доказать свою правоту? Почему они выбрали бейсбольный стадион? Потому что это привлечет внимание? Из-за какой-то семьи, которая сейчас здесь? Зачем кому-то быть таким бесчувственным? В этом нет никакого смысла. Все кажется таким нереальным, но это происходит на самом деле. Я вижу все своими глазами, слышу своими ушами, но часть меня надеется, что это всего лишь розыгрыш.

Я смотрю на мужчину рядом и вижу телефон, который лежит на его коленях. Он, кажется, не боится; на самом деле, он очень сосредоточен на том, что печатает на экране. Его пальцы судорожно двигаются по клавиатуре. Затем он засовывает телефон в карман, практически не совершая движений.

Четырьмя рядами ниже четыре боевика расхаживают по рядам, их оружие наготове. Люди больше не кричат, но сквозь жуткую тишину можно слышать отчаянные всхлипы и

плач.

Я тихонько икаю, пытаюсь подавить рыдания, и мужчина, наконец, обращает на меня внимание, изучая лицо. Он берет меня за руку. Его кожа теплая, но грубая. Огромная рука полностью накрывает мою.

— Все будет хорошо.

Его глубокий низкий голос успокаивает меня. Я сжимаю его руку, и он позволяет мне держать ее, не одергивая. Я не знаю его, но сейчас он моя единственная опора. Он выглядит как мужчина, который может постоять за себя. Для меня этого достаточно, чтобы ухватиться за него и не отпускать.

— Как тебя зовут? — спрашивает он, глядя на боевиков, идущих по полю и тычущих в игроков своим оружием, чтобы построить в группы.

— Л-Л-Люси, — шепчу я.

— Люси, меня зовут... Хантер. Я не сделаю тебе больно, но хочу, чтобы ты доверяла мне, хорошо? Я не позволю причинить тебе боль, но ты должна делать так, как я говорю.

Женщина на другой стороне трибун подсакивает вверх, кричит, перелазит ограждения и бежит к безмолвным игрокам, стоящим в центре поля. Звучит выстрел, и она падает, свалившись на землю лицом в грязь. Болезненный крик вырывается из моего горла. Хантер сжимает мою руку.

— Люси, — говорит он, его голос очень спокоен. — Взгляни на меня.

Я смотрю на него широко открытыми глазами, слезы текут по щекам.

— Ты мне доверяешь?

Я киваю.

— Хорошо. Сиди тихо и не произноси ни слова, ладно? Мы выберемся отсюда, обещаю, но не сразу. А пока тебе нужно быть сильной.

Я снова киваю, подавив рыдания, но не в силах сдержать слезы.

Тупая боль пронзает низ живота. Я опускаю руку вниз и давлю на него. Леденящий страх пронзает сердце. *Мой малыш. Только не мой малыш.*

Взгляд Хантера следует за моей рукой.

— Что случилось?

— Я... Я... Я беременна.

Его челюсть сжимается.

— Почему ты держишь руку там?

— Мне больно, — шепчу я.

Он снова смотрит мне в глаза.

— Это, скорее всего, просто страх. Я хочу, чтобы ты постаралась успокоиться. Сделай несколько глубоких вдохов ради меня.

Я пытаюсь сделать так, как он сказал, но вопли человека в другом ряду с последующими выстрелами превращают мои попытки сделать вдох и выдох в неумолимое рыдание. Почему это происходит именно со мной? Не понимаю. Я просто хочу пойти домой.

— Люси, закрой глаза, — говорит Хантер, положив руку мне на плечо, притягивая ближе к себе и укутывая своим телом. Он такой большой, что я чувствую, словно нахожусь в коконе, где никто не сможет причинить мне боль. Он такой теплый.

— Теперь дыши.

Я закрываю глаза и дышу.

Боль не утихает, и паника усиливается.

— Не помогает, — хнычу я ему в грудь.

— Чем больше ты паникуешь, тем сильнее боль. Продолжай дышать, а я буду отвлекать тебя.

— К-к-как?

— Я положил телефон в задний левый карман, но они смотрят сюда прямо сейчас, так что я не могу просто достать его. Хочу, чтобы ты сделала вид, будто обнимаешь меня и вытащила его. Ты сделаешь это для меня, Люси?

Я киваю.

— Хорошо, милая.

Я никогда раньше не видела этого мужчину, но он такой спокойный, словно скала среди разрушительного урагана. Я прижимаюсь лицом к его груди и кладу руку ему на живот, будто обнимаю. Я тянусь к карману и обхватываю пальцами телефон, вытаскиваю его и провожу рукой по экрану, располагая между нами.

— Теперь я хочу, чтобы ты разблокировала его, код семь-ноль-семь-три.

Я перемещаюсь немного, чтобы видеть телефон, и нажимаю среднюю кнопку, чтобы экран загорелся. Ввожу код, а затем едва заметно киваю.

— Найди сообщения, и прочитай что там. Можешь сделать это?

Я киваю.

— Хорошая девочка.

Я захожу в сообщения и нажимаю на то, что не прочитано. Его номер не определен, а содержание непонятно для меня, но я все равно читаю.

— Здесь сказано: «Группа на месте. Ждем дальнейших указаний».

— Хорошо, Люси, можешь подержать его? Нам он еще понадобится.

— Ты полицейский? — шепчу я.

— Нет.

Тогда кто он, черт возьми?

И сможет ли на самом деле вытащить нас отсюда живыми?

Прошло пять часов. Уже поздно, и с наступлением ночи стало холодать. Моя легкая боль стала сильнее, а все тело болит от недостатка движения. Я до сих пор обнимаю Хантера, а он успокаивает меня в это отчаянное время. Я передаю сообщения, которые для меня не имеют смысла, но, очевидно, что-то значат для него.

Он не полицейский, так он говорит, но, по-видимому, работает с некоторыми очень влиятельными людьми. В любом случае, он держит меня на плаву, и я даже не знаю, что было бы со мной, если бы его не было рядом. Пронзительные звуки сирен снаружи нарушают тишину последние несколько часов. Но никто не приходит. Никто даже не пытается. И я не знаю почему.

Я даже не знаю, чего хотят эти люди. Почему они выбрали бейсбольный стадион? Потому что здесь много людей? Потому что из-за страха они могут причинить друг другу вред? Не понимаю.

Люди прекратили попытки сбежать. Кем бы ни были эти боевики, они не играют в детские игры и ясно дали это понять. Они поддерживают связь через телефон, но кроме этого пока не сказали толпе ни слова, за исключением требования выключить мобильные телефоны. У них есть оружие, и это все, что нам необходимо знать, чтобы выполнять их приказы. Независимо от того, зачем они здесь, у них имеется достаточно заложников, чтобы получить все, чего они хотят.

Я меняю неудобную позу и стону, когда еще одна острая боль пронзает мой живот. Я тихонько стону и тру рукой по все еще плоскому животу, пытаюсь облегчить боль. Страх проходит сквозь меня, когда я ощущаю, как что-то теплое бежит у меня между ног. Я сдвигаюсь и смотрю вниз. То, чего я боялась больше всего, стало реальностью. У меня выкидыш. Я подавляю рыдания, в то время как опустошение, которое я никогда не испытывала прежде, волнами проходит через мое тело.

Мой ребенок.

Только не мой ребенок.

Пожалуйста.

— Люси, — говорит Хантер низким голосом. — У тебя кровотечение.

— Я... Кажется, я теряю своего ребенка, — рыдаю я.

Он издает звук, похожий на рык, и осматривается вокруг, его взгляд падает на вооруженных мужчин, которые до сих пор ходят из стороны в сторону.

— Я должен вытащить тебя отсюда.

Я слегка отстраняюсь и обхватываю живот свободной рукой, рыдая, пока мои джинсы заливаются кровью. Мои всхлипы быстро превращаются в истерику, и рядом со мной возникает суматоха.

— Люси, знаю, тебе больно, но ты должна прекратить *так* плакать. Если ты мне доверяешь, то должна остановиться.

Я поднимаю глаза и вижу, как за мной наблюдает боевик. Страх сковывает мои рыдания глубоко в горле, и я смотрю на свои джинсы, пытаюсь перевести дыхание.

— Хорошая девочка, — подбадривает он меня. — Хорошая.

Взглядом он снова сканирует толпу, двигаясь от точки к точке. Яркий свет стадиона очень хорошо освещает нас, не позволяя двигаться. Хантер наклоняется и шепчет:

— Проход через пять мест от нас. Если мы будем передвигаться по ним, думаю, сможем добраться до здания позади нас, — он головой указывает в сторону красного кирпичного здания, мимо которого проходил боевик. Лестница ведет прямо туда, так что это, скорее всего, выход или, возможно, вход в помещения стадиона. Это небольшое поле, поэтому я молюсь, чтобы там был выход. — Если мы сможем медленно передвигаться, думаю, я смогу вытащить тебя.

Я смотрю на лестницу; кажется, она так далеко. Единственное, что в нашу пользу, так это то, что нет никого, сидящего на сиденьях, ведущих к проходу, и, слава Богу, с другой стороны от меня около шести человек, сидящих и обнимающих друг друга, как Хантер и я. К сведению, стадион заполнен всего наполовину. Я до сих пор сомневаюсь, сможем ли мы сделать это, не привлекая внимания.

— Даже если доберемся туда, как мы собираемся войти в эту дверь? Там все время ходят вооруженные люди, — спрашиваю я.

— Надо дождаться, пока их что-то отвлечет. А это обязательно случится, обещаю.

Я не спрашиваю, откуда он это знает.

— Просто доверься мне. Я не позволю тебе получить травму, — бормочет он.

Я киваю.

— Мы будем медленно, очень медленно, передвигаться от сидения к сиденью. Ты просто продолжай держаться за меня, и мы будем стараться двигаться, когда у нас будет шанс.

Я не отвечаю; просто киваю. Мои слезы заливают его рубашку, а сердце потихоньку разрывается на части. Может, кровотечение вызвано обычным стрессом? Я так старалась забеременеть. Я не могу потерять его. *Не могу*. Мое тело дрожит в руках Хантера, и я пытаюсь, я действительно пытаюсь остановить дрожь, но не могу ничего с собой поделать.

— Мы выведем тебя отсюда. Слышишь?

— Мне так больно, — хнычу я.

— Знаю.

Он перемещает нас немного, может, на два или три сантиметра влево. Это не так много. Он очень сильно рискует. Если на нас обратят хоть немного внимания, то заметят, что мы сместились. Но сейчас я рискну. Мне нужен врач. Может, это единственный шанс спасти ребенка.

— Хантер? — хриплю я.

— Да, Люси?

— Чего они хотят?

— Не знаю, дорогая.

— Ты лжешь, — не знаю, почему я говорю это; вероятно, потому, что это правда. Он здесь не просто так, я просто не знаю причины. Он явно не поклонник бейсбола и слишком спокоен. И еще эти сообщения в его телефоне.

Он издает странный звук, и я ощущаю его дыхание на своей щеке.

— Ты права, я лгу. Но это секретная информация, и я не могу поделиться ею с тобой.

— Так ты полицейский?

— Нет.

— А кто?

— Я не могу обсуждать это с тобой.

Я снова дрожу.

— Это... теракт?

— Нет. Больше... религиозное.

Тогда секта?

— Секта? — шепчу я.

— Не могу сказать больше. Прости.

Конечно.

Взглядом он постоянно сканирует толпу, и через каждые несколько минут перемещает нас.

Весь следующий час уходит на то, чтобы добраться до прохода. Бандиты, кажется, не замечают нас. Наверное, когда перед вами будет находиться так много людей, вы вряд ли заметите точное расположение их всех. Люди, сидящие рядом, следили за нашими движениями и ловко перемещались вместе с нами.

— Нам нужно быстро добраться до этой двери. Есть вероятность, что они увидят и начнут стрелять. Нам придется бежать. Сможешь сделать это?

Боль в животе усилилась и теперь пульсирует с каждым сделанным шагом. Я чувствую

себя нехорошо, кружится голова, но если добраться туда означает, что есть шанс спасти моего ребенка, я сделаю это.

— Да, — шепчу я.

— Хорошо, Люси. Когда придет время, я сожму твое плечо. Нужно двигаться быстро и тихо. Сможешь сделать и это тоже?

Я киваю. Он сосредотачивается на мужчинах, которые ходят рядом, некоторые до сих пор говорят по мобильнику.

Вокруг очень тихо, пока не начинается это. Хаос возникает, когда появляется группа людей за две секции от нас. Их около двадцати. Они двигаются оперативно, быстро, падают на колени и ползут, используя пластиковые сиденья, чтобы защититься. Кажется, у них та же идея, что и у нас, только они чрезмерно решительны.

Раздаются выстрелы.

Страх наполняет меня, когда я вижу, как летят пули. Я открываю рот, чтобы закричать, но Хантер зажимает мой рот рукой. Этот самый ужасный момент в моей жизни расплывается у меня перед глазами. Бандиты не сомневаются, они просто стреляют. Без разбора. Без оглядки. Снова кричат женщины и дети, и количество выстрелов увеличивается.

— Мы должны двигаться дальше, — отчаянно шепчет мне в ухо Хантер. — Сейчас.

Он тянет меня за собой, и мы словно воры в ночи направляемся к двери. Он практически несет меня, и мои ноги едва касаются земли, когда он бежит. Я стараюсь бежать так быстро, как только могу. Никогда за всю свою жизнь мне не было так страшно. Я жду выстрела, того, который пронзит мое тело и прикончит. Кожа покрывается мурашками, тело пульсирует от страха, а я вся превращаюсь в желе. Хантер достигает двери. Он протягивает руку, крутит ручку, но она не поддается.

Закрыта. Она закрыта.

Я начинаю паниковать.

Выстрелы продолжают.

Он протягивает руку за спину, достает пистолет и стреляет в замок. Мои глаза округляются, колени слабеют. Откуда у него пистолет? Звон от выстрела отдается прямо у меня в голове, и я кричу. Хантер перекидывает меня через плечо и бежит в открытую дверь. Выстрелы продолжают.

Здесь темно. Свет есть только снаружи, во всяком случае, сегодня он тут не горит, но я могу расслышать шум снаружи, крики, стрельбу, все. Я издаю сдавленный, страдальческий вскрик, который застревает в горле, и цепляюсь за Хантера, когда он бежит — не знаю, куда он направляется или как планирует выйти, но он просто продолжает двигаться дальше.

Гремят выстрелы и пули пролетают над нашими головами.

— Черт! — ругается он и ставит меня на ноги. — Можешь бежать? Нам нужно бежать быстрее.

Я киваю.

Страх, непохожий ни на одно чувство, что я когда-либо испытывала до этого, поселяется в моем горле, и я хватаю протянутую руку Хантера, заставляя ноги двигаться, чтобы не отставать, когда мы начинаем бежать. Хантер перемещает меня по левую сторону от себя и поворачивается, стреляя в темноту. От этого звука болят уши, это очень громко.

— Откуда у тебя пистолет? — отчаянно кричу я.

— Я не обижу тебя. Просто доверься мне, — рычит он и начинает тянуть меня сильнее и быстрее, поворачиваясь и стреляя. Мне не хватает смелости, чтобы оглянуться и

посмотреть назад.

Мы добираемся до двери, он направляет на нее пистолет и стреляет дважды в замок. Тот падает, и он ногой открывает дверь. Летят пули, и я слышу, как позади нас бегут люди. Я понимаю, что это те же люди, что сидели возле нас. Должно быть, они тоже рискнули и последовали за нами. Суматоха наверху до сих пор слышна, и я могу поклясться, что вижу силуэты, которые двигаются вокруг нас в темноте.

— Давай, — рычит Хантер, потянув меня за собой.

Здесь темнота.

Я ничего не вижу.

Он достает телефон из кармана, включая фонарик, и направляет его перед нами. Мы бежим. Два человека, бегущие за нами, уже близко, но Хантер не ждет их. Мы добираемся до еще одной двери и Хантер останавливается возле нее, поворачивается и направляет фонарик на тех двоих.

В следующий момент все происходит слишком быстро. Звучит выстрел и мужчина падает, пуля попадает ему в грудь с такой силой, что кровь разбрызгивается повсюду. Вторая пуля предназначена женщине, она падает в то же самое место.

Хантер следующий.

Он стреляет.

Двое мужчин, которые с легкостью убили тех невинных людей, падают на землю. Мои колени подкашиваются, и я вскрикиваю. Хантер подхватывает меня, одной рукой обнимает за талию и тащит обратно. Я борюсь с ним. Я кусаюсь и царапаюсь, толкаю его.

— Пусти меня, — кричу я. — Отпусти. Нет, нет.

— Люси.

— Отпусти меня!

— Посмотри на меня, — кричит он, и я вздрагиваю, делая шаг назад, и прижимаю дрожащую руку к груди. Я смотрю на него, точнее на его очертания в темноте. — Ты в порядке. Ты выберешься отсюда. Я вытащу тебя. Понимаешь?

— Они просто, они у-у-убили тех л-л-людей, а затем ты...

— Эй, — говорит он, подойдя близко. Он мельком смотрит на дверь, прежде чем сосредоточиться на мне. — У меня не было особого выбора. Лучше избавиться от них, чем позволить причинить тебе вред. Ты мне доверяешь?

— Я не знаю тебя и-и-и...

— Люси, ты веришь мне?

Я подавляю рыдание и киваю.

— Я вытащу тебя отсюда.

— Я не хочу умирать, — пишу я, все мое тело дрожит.

— И не умрешь. Я не позволю этому случиться.

Он снова обнимает меня за талию, такой большой, такой сильный, кажется, что он просто держит меня, не прилагая особых усилий. Он приносит спокойствие. Безопасность.

— Шаг за шагом, Люси, милая, — бормочет он.

Шаг за шагом.

Только один шаг за другим.

Хантер помогает мне. Он просто крепко держит меня, когда мы движемся по темным коридорам под стадионом. Звуки позади нас, в конце концов, стихают, и мы оказываемся у другого входа. Это обычная дверь, точно такая же, как та, через которую мы вошли. Не знаю, приведет ли она нас обратно или там выход. Фонарик не помогает. Я могу только молиться, чтобы эта дверь вывела нас из этого кошмара.

Хантер смотрит перед собой, затем стреляет, чтобы открыть дверь. Она широко распахивается и врывается прохладный, свежий ветерок, щекоча лицо. Я хватаю ртом воздух, и мы выходим на небольшую огороженную территорию. С одной стороны забора в линию под навесами стоит техника, и можно увидеть заднюю часть стадиона, возвышающуюся над нами. Забор высокий, колючий и окружает со всех сторон. Слева от нас можно увидеть мигалки. Полиция.

Мы выбрались.

— Давай же, — бормочет Хантер, лихорадочно сканируя территорию глазами. — Нужно выбираться отсюда.

Он тянет меня к воротам, которые закрыты навесным замком. Он гремит им, а затем крутит и снова смотрит на стадион.

— Не хочу рисковать и стрелять здесь. Это вызовет панику, а я обещал вытащить тебя. Я поклялся и сделаю это. Мне нужно позвонить, иди сюда.

Он тянет меня к технике под навесом и прячет так, что нас не смогут увидеть со стадиона. Холодный металл давит мне в спину, и я стараюсь сделать все, чтобы не упасть. Мое тело настолько пропитано горем, болью и страхом, что я чувствую, будто постоянно борюсь за то, чтобы оставаться в вертикальном положении.

— Я вышел. Со мной девушка, ей нужен врач. Мы слева, на складе с оборудованием.

Он отключается, поворачивается в мою сторону, и я изумляюсь, когда он тянется ко мне и дотрагивается до моего подбородка, отклоняя голову назад, изучая меня.

— Я обещал, что вытащу тебя, а я никогда не нарушаю обещаний. С тобой все будет в порядке, маленькая Люси.

Маленькая Люси.

Слезы текут по моим щекам, а он вытирает их большим пальцем. Этот незнакомец. Этот мужчина. Этот человек, который так неожиданно появился в моей жизни и рисковал всем, чтобы спасти меня. Мне неизвестно о нем ничего, за исключением того, что он оказался рядом в нужный момент, оберегает меня, обеими руками держит на плаву. Я обязана ему больше, чем просто жизнью. Я обязана ему всем.

— Спасибо, — шепчу я, мое тело слабеет.

Иногда пережитые потрясения забавно влияют на вас. Наступает облегчение, словно груз, что вы тащили на себе все это время, наконец, спадает. И вы ощущаете легкость, которая распространяется глубоко, так глубоко, что ваше тело просто оседает, все исчезает, оставляя вас абсолютно свободной.

Блаженная свобода.

Ворота гремят, и Хантер выходит и осматривается, затем бережно обнимает меня и помогает подняться. Возле ворот стоят семь человек: двое в костюмах, трое полицейских и

двое сотрудников скорой помощи. Хантер выводит меня, и ворота быстро открывают при помощи больших кусачек. Двое мужчин в костюмах смотрят на Хантера, и он кивает.

— Мэм, меня зовут Байрон, а это мой напарник, Джоэл. Сейчас мы осмотрим вас хорошо? — произносит красивый молодой сотрудник скорой помощи, высвобождая меня из рук Хантера.

Я не хочу покидать его объятий, поэтому своей крошечной рукой я прикасаюсь к его большой и сжимаю ее. Его красивые серые глаза встречаются с моими, и он улыбается.

— Теперь ты в безопасности, маленькая Люси. Позволь им позаботиться о тебе.

— Но...

Он делает шаг вперед и обхватывает мой подбородок ладонью.

— Позволь им помочь. Ступай домой. Береги себя.

Я открываю рот, чтобы ответить, но он отворачивается и смотрит на двух мужчин в костюмах.

— Я возвращаюсь.

Что?

Что он сказал?

— Ситуация выходит из-под контроля, — говорит человек с темными волосами и такими же темными глазами и низким голосом. — План тот же. Получить то, что нам нужно. И выбраться.

Хантер кивает головой.

— Что? — из моих глаз ручьем льются слезы, пока Байрон пытается заставить меня пойти с ним. — Ты возвращаешься?

Хантер изучающе смотрит на меня.

— Все нормально. Позволь Байрону помочь тебе.

— Нет, — кричу я. — Пожалуйста. Ты не можешь снова туда вернуться. Не можешь. Ты погибнешь, и... нет, — плачу я, мои ноги снова превращаются в желе.

Хантер смотрит на кого-то в толпе около нас. Я продолжаю бороться.

Он делает шаг вперед, очень мягко проводит тыльной стороной ладони по моей щеке, но мое тело жаждет большего. Мне всего лишь хочется оказаться в его руках, там, где тепло и безопасно. Я очень боюсь.

— Приятно было познакомиться с тобой, маленькая Люси. Позаботься о себе и просто оставайся такой, какая есть.

Я открываю рот, чтобы возразить, но мне что-то вводят в руку, и по телу распространяется тепло.

А затем я отключаюсь.

— Люси, дорогая, проснись.

— Хантер?

— Давай же, пожалуйста, просыпайся.

Мои веки открываются, и на мгновение глаза ослепляет яркий свет. Через несколько

секунд все проходит, и я могу сосредоточиться на человеке, склонившимся надо мной; его глаза красные и остекленевшие, волосы растрепаны. Это Джерард. Не Хантер. Грудь сжимается, а сердце с силой колотится о ребра. Где Хантер? Где он? Жив ли? Мертв? О, Боже. Что с ним произошло?

— Х-Х-Хантер, — хриплю я.

— Нет, дорогая, это Джерард. Я здесь. Ты в безопасности.

— Где я?

— В больнице, — говорит он, и слеза стекает по его щеке. — О, Боже, я был так напуган. Я ничего не мог поделать... — он делает паузу, и я пытаюсь сосредоточиться на нем.

— Джерард, — шепчу я. — Ребенок?

Он смотрит в сторону, и еще больше слез течет по его лицу.

Нет.

— Нет, — плачу я, с болью произнося слова. — *Нет.*

— Мне жаль. Тебя привезли в больницу слишком поздно.

Я резко сажусь.

— Те люди. Все те люди.

— Все кончено, Люси. Они все свободны.

Не все.

Сердце болит глубокой мучительной болью, которая, я знаю, скорее всего, никогда не прекратится. Еще вчера я просыпалась счастливой, а сегодня умираю от горя. Как быстро жизнь может измениться.

— Мне нужно... нужно поговорить с офицером, пожалуйста.

Мне *нужно* знать, жив ли он. *Нужно* знать, выбрался ли он.

— Они опросят тебя, как только тебе станет лучше, — говорит Джерард, убирая часть волос с моего лица.

— Нет, — говорю я, мой голос тверже, чем когда-либо. Джерард отодвигается немного назад, вздрогнув. — Нет, мне нужно поговорить с ним прямо сейчас.

— Люси...

— Пожалуйста, — прошу я. — Пожалуйста. Мне это нужно.

Мне нужно знать, что он в порядке.

— Ладно, ладно, я поищу кого-нибудь.

Он изучает меня с озабоченным выражением в глазах, затем поворачивается и уходит. Сердце колотится, когда я осматриваю комнату, вспоминая каждую пережитую минуту. Хантер спас мне жизнь. Хантер поддерживал меня. Хантер оставил меня в живых. А потом вернулся туда. Его последние слова все еще звучат в моей голове, и отчаяние тисками сжимает сердце. Мне нужно увидеть его снова. Мне просто... *необходимо* это.

— Мэм.

Я поворачиваюсь и смотрю на офицера, который стоит с Джерардом у двери. Это тот самый офицер, который был там, когда мы вышли. Я начинаю бессвязно говорить что-то, прежде чем он делает шаг в мою комнату.

— Мне нужно знать, в порядке ли он. Можете ли вы сказать мне это?

— Кто, мэм? — спрашивает он, когда заходит в палату и подходит к моей кровати.

— Хантер! — плачу я. — Он вернулся туда и...

— Простите. Я не знаю, о ком вы говорите.

Я моргаю. Что он имеет в виду, когда говорит, что не знает, о ком я? Он был там; он говорил с Хантером, конечно, он знает, о ком я говорю. Я закрываю глаза. Может, это не тот офицер. Я пытаюсь вспомнить, но все очень расплывчато. Я снова сосредоточиваюсь на нем. Это он. *Он.*

— Вы... он вытащил меня. Он был там. Вы говорили с ним. Он вернулся назад. Офицер качает головой.

— Мэм, вы были там одна. Никого с вами не было.

— Был! — кричу я. — Он был там. Он сидел рядом со мной. Спас меня. Вытащил оттуда. Он был там.

— Вы пережили стресс. Может, будет лучше, если вы отдохнете, и мы снова поговорим, когда вы почувствуете себя лучше.

— Нет, — я начинаю выть. — Нет. Мне нужно увидеть его. Он был там.

— Люси, — говорит Джерард, протягивая руку к моей руке. Я отдергиваю ее. Ему больно.

— Если офицер говорит, что он не был там, возможно, тебе это просто показалось. Иногда такое бывает при стрессовых ситуациях.

— Нет, — кричу я. — Нет, мне не показалось. Посмотрите камеры, проверьте билеты. Он был там. Он спас меня.

— Я позову врача, — говорит офицер, выходя из комнаты.

— Нет, — плачу я, пытаюсь выбраться из кровати.

Джерард руками хватает меня за плечи и легонько толкает обратно на кровать.

— Люси, успокойся. Ты себя не контролируешь. Я здесь. Я держу тебя.

Извиваясь, я стараюсь оттолкнуть его.

— Нет. Отпусти меня. Ты не понимаешь.

— Люси, успокойся.

— Нет! — я кричу так громко, что он отстраняется, ошарашенный.

Появляется врач, он смотрит на меня, а потом дает команду медсестре. Я борюсь со своим мужем, в отчаянии толкая его. Они лгут мне. Почему они все мне лгут? Слезы текут по щекам, когда я отчаянно пытаюсь пройти мимо Джерарда.

Игла попадает мне в руку, и по телу снова распространяется тепло.

— Хантер, — шепчу я, и мое тело резко падает назад.

Где ты?

«Пятеро убиты и двадцать человек ранены в самом беспощадном нападении, невиданном еще в истории города. По некоторым данным, бейсбольный стадион был захвачен религиозной сектой после того, как мэр отказал им в просьбе о предоставлении земли».

Я таращусь в экран телевизора, мое тело немеет. Религиозная секта. Пятеро убиты. Двадцать ранены. Был ли Хантер среди них? Он мертв? Ранен? В больнице? Я беру пульт и выключаю телевизор. Не могу на это больше смотреть. Не могу больше выносить этот ужас ни секунды. Где-то глубоко в груди притаилась невыносимая боль, такая, что я не могу ни чувствовать, ни дышать. Ничего.

— Ты должна перестать смотреть это. Только еще больше расстроишься, — говорит Джерард, вставая со стула, стоящего рядом со мной, и протягивает стакан воды. — Выпей немного воды. Ты бледная.

Я смотрю в его умоляющие глаза.

— Не хочу, — произношу я слабым скрипучим голосом.

— Тебе нужно больше пить.

— Зачем? — бормочу я. — Я больше не беременна, теперь мне не нужно беспокоиться об этом.

Он морщит лицо, словно от боли, прищуривается и сжимает губы.

— Нет, сейчас нет, но, может, скоро, если ты...

Я отворачиваюсь.

— Я устала, Джерард.

— Люси, знаю, ты пережила потрясение. Я знаю, но...

— Ты не понимаешь, — произношу я почти шепотом. — Ты понятия не имеешь, каково мне.

— Я смотрел новости, — слабо начинает он. — Видел все это. Мне ничего не оставалось, кроме как ждать, я вынужден был наблюдать, я...

Я поворачиваюсь лицом к нему.

— Ты видел, как они стреляли? Может, это показывали в новостях? Слышал крики беспомощных людей? Чувствовал страх? Нет, нет и нет. Я устала. Пожалуйста, уйди.

— Люси, не прогоняй меня. Знаю, прошло всего два дня, но скоро тебе станет лучше, станет...

Нет, не станет.

Я потеряла ребенка. На меня смотрят, как на сумасшедшую.

Человек, который спас меня, пропал с лица Земли.

Лучше не станет, и я устала слышать обратное.

— Люси?

Мягкий голос моего отца заполняет комнату, и я заглядываю за Джерарда, чтобы увидеть его, стоящего у двери с двумя чашками кофе в руке. Он слегка приподнимает их.

— Я принес твой любимый.

Папа единственный, кто пытается понять, выслушать.

Джерард вздыхает, наклоняется и целует меня в лоб.

— Я пойду домой, приму душ, а затем вернусь. Люблю тебя.

Я смотрю ему в глаза.

Я люблю его, но слова застревают в горле. Люси, которой я была три дня назад, совсем не похожа на ту девушку, лежащую сейчас на этой кровати. Я изменилась. Не знаю, насколько сильно, но я никогда не смогу стать прежней. Никогда не смогу забыть то, что видела. Никогда не смогу спасти своего ребенка. Никогда снова не смогу увидеть Хантера.

Я отвожу взгляд. Не могу вынести боль в его глазах из-за своего молчания.

Он уходит, и папа подходит ближе. Я изучающе смотрю на него. Мы с папой очень похожи — каждая частичка меня состоит из него. Мама всегда говорила, что я ничего не унаследовала от нее. И была права. Мои светлые волосы такого же оттенка, как и у него — мягкие, как мед, с проблесками золота. Глаза такого же изумрудно-зеленого оттенка, а кожа такая же сливочно-белая.

Он не очень высокий, как и я! Только я выгляжу милой и миниатюрной, а он просто невысоким. У него появляется ямочка на щеке, когда он улыбается, но только на одной, левой. У меня такая же ямочка. Мой папа нежный, любящий и милый. Он воспитал меня с любовью и состраданием и дал все, что отец обязан дать дочери. Конечно, я единственный ребенок в семье и поэтому получала много хороших вещей, но все же, он никогда не позволял мне быть избалованной и грубой.

— Как ты себя чувствуешь сегодня, принцесса?

Яжимаю плечами, принимая кофе, которое он вручает мне, и чувствую тепло в ладошки.

— Благодарю.

— Мама сказала, что будет позже; ей нужно работать.

Я киваю.

— Люси, — осторожно выговаривает он, садясь передо мной на кровать. — Поговори со мной.

— Не знаю, что сказать еще, пап. Никто мне не верит.

— Я верю.

Я смотрю ему в глаза и понимаю, что он говорит правду.

— Он спас меня. Вытащил оттуда.

Папа кивает головой, отпивает кофе и молчит секунду, прежде чем ответить:

— Может быть, он работает там, где его личность не может быть рассекречена. Бывает такое.

Это так?

Мое сердце замирает.

— Думаешь, это может быть правдой?

— Учитывая то, что ты рассказывала о нем, его чрезмерное спокойствие и то, что он разговаривал с людьми так, будто был на миссии — да, это вполне возможно.

— Тогда как мне найти его?

На его лице появляется растерянное выражение.

— Проблема в том, что ты и не должна. Вполне вероятно, что он сказал тебе ненастоящее имя. Люси, дорогая, конечно, он спас твою жизнь и ты благодарна ему за это, но нужно оставить все как есть.

Я не могу. Не могу оставить все как есть. Никто не понимает, что Хантер, если его действительно так зовут, дал мне на этом стадионе. Он стал мне не просто опорой; он

защищал меня, утешал, держал, когда я была готова упасть в пропасть. Он позаботился о том, чтобы я выжила.

— Он спас мою жизнь, но сделал намного больше, чем это. Он держал меня на плаву. Не дал сойти с ума и, вероятно, получить пулю, — мой голос срывается на последней фразе, и я отворачиваюсь в сторону.

— Не могу даже представить себе, через что ты прошла, Люси. И не хочу. Я благодарен этому человеку за то, что он помог тебе. Честно говоря, если бы мог поблагодарить его, я бы это сделал, но его здесь нет. Но знаешь, кто здесь? Кто переживает за тебя? Кто отчаянно хочет, чтобы ты поправилась?

Я смотрю на него.

— Джерард. Он любит тебя, дорогая. Пожалуйста, не отталкивай его. Позволь ему взять тебя за руку, и вы пройдете через это.

Чувство вины пронзает мою грудь, и я опускаю взгляд на чашку кофе в своих руках.

— Я не пытаюсь оттолкнуть его. Я просто... Я не могу спать, пап, — шепчу я, и рыдания вырываются на свободу. — Каждый раз, когда закрываю глаза, я снова оказываюсь там.

— Моя милая девочка, — говорит он, взяв чашку из моих рук. Через несколько секунд он обнимает меня, притягивая близко к себе. Он пахнет мятой, кофе и моим папой. Я плачу сильнее. — Мы поможем пройти тебе через все это, обещаю. Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось. И Джерард тоже.

Я просто вишу на нем, рыдая в миллионный раз за несколько дней, пытаюсь облегчить проклятое давление в груди. Пытаюсь стереть воспоминания. Забыть звуки. Но в основном, стараясь забыть его.

Хантера.

— Мы дали вам обезболивающее и снотворное, Люси, — говорит медсестра, измеряя мне температуру. — Они должны помочь снять спазмы и позволить вам немного отдохнуть.

Уже поздно, где-то около полуночи, и мне необходимо обезболивающее. Меня до сих пор беспокоят боли в животе и кровотечение после выкидыша. Врач сказал, что если не станет лучше, им придется отправить меня на всякий случай на чистку, вдруг что-нибудь осталось и мой организм не справляется. Чистка. Будто мой ребенок был грязью, и они должны убрать ее.

— Спасибо, — мямлю я, укладываясь на неудобную кровать.

— Позовите меня, если что-то понадобится.

Увидев мой кивок, она уходит, закрыв за собой дверь. Я одна в палате. Спасибо родителям и Джерарду. Я благодарна им, ведь теперь никто не слышит, как я плачу каждый раз, перед тем как заснуть. А я делаю это постоянно. Чаще всего по ночам я просто лежу, всхлипывая до тех пор, пока не отключаюсь от усталости. Я стараюсь выкинуть все мысли из головы, закрыться, уйти в себя, но не могу.

Они не выходят из моей головы. Все те люди.

Все те вооруженные люди.

Мой ребенок.

Он.

Я начинаю рыдать, когда закрываю глаза, будто тело понимает, что творится у меня в душе и старается освободиться от этого. Слезы текут по щекам, я дрожу, хотя тепло от снотворного уже распространяется по телу. Я хватаюсь за одеяло и хнычу, пытаюсь заглушить рыдания. Просто хочу, чтобы это прекратилось.

— Люси, маленькая.

Голос пугает меня, и я разворачиваюсь так быстро, что чуть не падаю с кровати. Я хватаюсь за край, чтобы остановить себя от падения. Мне ничего не видно; в комнате очень темно, только свет из коридора пробивается из-под двери. Я даже не слышала, как она открылась. Должно быть, мне это мерещится. Но фигура приближается к моей кровати, большая, широкая, и я знаю... Я *просто знаю*, что это он.

— Х-Х-Хантер? — рыдаю я.

Может, лекарство так действует на мой мозг. Скорее всего, так и есть. Он не может быть здесь.

Он подходит ближе и смотрит на меня сверху вниз, свет слегка падает на его лицо. У него появилась щетина, сделав его лицо темнее, но ошибки быть не может — это он. То, как его темные волосы спадают на лоб. То, как он держит себя. Он здесь. Он вернулся.

— Ты здесь, — хриплю я, пытаюсь сесть, но от лекарства мое тело обессилено.

— Я должен был убедиться, что ты в порядке, — бормочет он, наклоняясь вниз, и гладит выбившиеся пряди моих волос, заправляя их за ухо.

Его прикосновение тут же приносит мне спокойствие — спокойствие, которое я не чувствовала все эти дни. С того момента как он ушел. Я хочу протянуть руку и броситься в его объятия, чтобы окружить себя его теплом, ощутить облегчение, удовлетворение.

— Я-я-я... они сказали, что тебя там не было и...

— Тише, — говорит он, присаживаясь на кровать рядом со мной. — Скажи, ты в порядке?

— Нет, — рыдаю я. — Не в порядке. Я не могу выкинуть мысли из головы. Не могу перестать видеть, как те люди умирают, слышать их крики... — мои рыдания становятся такими сильным, что я даже не могу договорить.

Он движется медленно, осторожно поднимает меня с кровати и усаживает к себе на колени. Он такой большой, такой сильный, и я сворачиваюсь калачиком, как ребенок, позволяя ему укутать себя в его объятия, пока не чувствую, как давление в моей груди ослабевает, рыдания стихают, а слезы начинают высыхать.

Он снова заставляет меня чувствовать себя хорошо. Как самый сильный наркотик, как самая красивая ложь.

— Давай я расскажу тебе о том, что мне помогает жить с видениями.

— Я не х-х-х-хочу жить с ними. Я хочу, чтобы они оставили меня в покое.

— Ты не можешь заставить их уйти, милая, — говорит он низким голосом. — Они стали частью тебя, и ты должна решить, как жить с ними. Чем больше будешь бороться, тем сильнее они будут преследовать тебя.

— Хочешь, чтобы я смирилась с этим ужасом?

На секунду он замолкает.

— Можешь ли ты повернуть время вспять?

У меня нет ответа на этот вопрос, потому что, чтобы ни делала, мне не удастся забыть об этом происшествии или предотвратить его. Я желаю этого всем своим естеством, но не могу.

— В следующий раз, когда эти образы снова завладеют тобой, я хочу, чтобы ты прогнала их. Они стали частью тебя, но ты можешь управлять ими. Я хочу, чтобы ты сказала им: «Вы не можете здесь больше находиться, я этого вам не позволю». Повторяй себе это снова и снова, даже если придется делать так по сто раз в минуту. Каждый раз, когда они завладевают тобой, говори им это. В конце концов, они отступят.

— Это и вправду работает?

Он нежно обнимает меня.

— Да, работает. Ты должна смириться с тем, что с тобой произошло. Должна понять, что была не в силах ничего изменить или предотвратить. Смирись с этим, оплачь потерю тех жизней и будь благодарна, что ты все еще жива, а затем отпусти. Не позволяй им управлять твоей жизнью, Люси. Обещаешь мне это?

— Попробую.

Мое тело становится все легче и легче, и я чувствую прилив сил, находясь в его руках, и покой в первый раз за последние дни. Его мышцы напряжены. Он большой и сильный, но при этом такой заботливый, относится ко мне так, словно я сделана из фарфора.

— Ты будешь навещать меня, Хантер? — шепчу я, и мои веки тяжелеют.

— Не могу, Люси.

Мою грудь сдавливает, и я хватаюсь за него крепче, пальцы путаются в его рубашке.

— Пожалуйста, не уходи снова. Пожалуйста. Ты единственный человек, который понимает меня.

— Прости.

— Хантер, — стону я, мои веки закрываются. — Пожалуйста, останься.

Он крепко обнимает меня, когда мое тело проваливается все дальше и дальше в темноту, туда, где тепло и безопасно. Но я не хочу туда; я хочу остаться здесь, проснуться в его руках, хочу поговорить с ним. Хочу, чтобы он сказал, что все будет в порядке. Чтобы он просто подольше побыл со мной.

— Меня зовут не Хантер, — слышу я его шепот, или, может, мне это кажется. — Меня зовут Хит.

Похоже, я сплю, но что-то касается моих губ так нежно и так горячо. Полагаю, таким должен быть его поцелуй — мягким, страстным и нежным. Я пытаюсь приблизиться к нему, когда он отстраняется, но понимаю, что не могу пошевелиться. Мое тело будто плывет.

— Спи спокойно, маленькая Люси.

Не думаю, что когда-нибудь приду в себя.

Я хочу. Я действительно, *действительно* хочу этого.

Хантер.

Не уходи.

— Люси, проснись.

Я приподнимаюсь и стону, медленно моргая. Джерард наклоняется и касается рукой моей щеки. Я рывком просыпаюсь и осматриваю себя, а затем оглядываю комнату. Здесь только мы вдвоем.

Но он был здесь. Приходил ко мне. Клянусь, что до сих пор чувствую его тепло на своей коже, слышу биение сердца, будто только что прислонялась к его груди. Он приходил сюда, но теперь исчез.

Снова.

— Можешь позвать медсестру? — спрашиваю я.

На лице Джерарда выражается беспокойство.

— Тебе больно?

— Нет, мне просто нужно спросить у нее кое-что.

— Хорошо. Она только что вышла, но я найду ее.

Он выбегает и через минуту возвращается с медсестрой, которая была на смене прошлой ночью.

— В чем дело, милая? — спрашивает она.

— Вы видели, как кто-нибудь входил сюда прошлой ночью?

Ее лицо искажается в замешательстве.

— Нет, простите. Я была на дежурстве большую часть ночи; никто не входил.

— Даже сразу после того, как вы дали мне обезболивающее?

— Никто, — произносит она, посмотрев на Джерарда с сочувствием. — После этого я сразу же пошла на дежурство и никуда не отлучалась в течение нескольких часов. Никто не приходил.

— Приходил, — настаиваю я, изучая ее. — Он приходил сюда.

— Кто? — требовательно спрашивает Джерард.

— Хантер.

Имя Хит мелькает в моей голове, и я стараюсь сосредоточиться на воспоминаниях, но они такие расплывчатые. Он ведь сказал, что это его настоящее имя? Это и вправду его имя?

— Что значит он приходил сюда? — спрашивает Джерард, глядя на медсестру.

— Я могу заверить вас, мистер Джейкобсон, что никто не приходил. Я была здесь все время. Дала ей лекарство и снотворное. Может, ей просто показалось.

Нет. Не показалось.

— Он был здесь, — огрызаюсь я.

— Поговорим снаружи? — говорит медсестра Джерарду, полностью игнорируя меня.

Он кивает, и они исчезают в коридоре. Я осматриваю себя, пытаюсь найти хоть какие-то признаки того, что он был здесь. Подняв вверх ночную рубашку, я вдыхаю слабый запах, *его запах*. И не могу надышаться. Я не сумасшедшая и не под воздействием лекарств; он был здесь, он настоящий. Так почему же все пытаются убедить меня в обратном?

Джерард возвращается через минуту, устало улыбаясь мне.

— Люси, мы можем поговорить? — он садится на край моей кровати и изучает меня.

— Конечно, — отвечаю я, сменяя неудобную позу и скрещивая ноги.

— Медсестра уверяет меня, что никто не входил сюда прошлой ночью, но она обеспокоена твоим состоянием. Она рассказала, что ты говоришь об этом мужчине по имени Хантер довольно часто. Ей кажется, у тебя ПТСР. (*Примеч. ПТСР — посттравматическое стрессовое расстройство — психическое расстройство, возникающее в ответ на физическую или психическую травму, когда непосредственное стрессовое воздействие травмы уже закончилось*). Она хочет привлечь психолога, чтобы он поговорил с тобой сегодня.

Я моргаю.

— Что? — шепчу я.

— Никто не знает, кто этот мужчина, но ты одержима им. Есть над чем задуматься. Думаю, тебе нужно поговорить с кем-то. Тебе так много пришлось пережить. Я помогу тебе и буду все время рядом.

— Я не сумасшедшая, — говорю я, мой голос дрожит от ярости. — Мне пришлось пережить настоящее потрясение, да, но я не выдумала его, Джерард. Иди и сам проверь, наверняка есть записи видеонаблюдения. Он был здесь. Пройшей ночью он приходил ко мне.

— Люси, — осторожно выговаривает он.

— Нет. Мне не нужен психолог. Я знаю, он существует.

Он смотрит на свои руки, а затем на дверь.

— Я всего лишь пытался помочь.

— Если действительно хочешь помочь, то, пожалуйста, прекрати делать из меня сумасшедшую. Я не такая.

Он кивает.

— Я позвоню твоей маме, скажу, что ты принимаешь посетителей сегодня. Скоро вернусь.

Он целует меня в лоб и уходит.

В моей груди образуется тяжесть.

Он настоящий.

Он существует.

Ведь так?

Пять дней спустя

— Люси, тебе нужно отдыхать. Ты еще не до конца поправилась, — говорит мама, порхая вокруг моего дивана, забирая пустую чашку чая и заменяя ее новой.

Я не хочу чай. С тех пор как вернулась домой из больницы, я только и делаю, что пью чай. Мне пришлось пройти комплекс процедур, прежде чем выписаться, потому что мой организм не справлялся, и началось воспаление. Это было самое худшее, что я когда-либо испытывала в своей жизни. Несколько дней назад я, наконец, вернулась домой, и с тех пор начался настоящий ад — вокруг меня все ходят на цыпочках, Джерард не знает, как говорить

со мной и стал отдаляться. Мы ругаемся больше, чем когда-либо.

Причина споров все та же.

Хит. Хантер. Кем бы он ни был.

Они не верят мне и отказываются это обсуждать. Все просто хотят, чтобы это наваждение прошло, и мне стало лучше. Чтобы я забыла о произошедшем. Но это невозможно.

Я не могу забыть. Он не выходит у меня из головы.

— Я в порядке, мам, — тихо произношу я. — Не могу сидеть здесь вечно. Мне нужно работать. Джерарду нужно работать. После случившегося прошло уже больше недели, тебе больше нет необходимости находиться здесь каждый день.

— Люс, — говорит она, затем замолкает и смотрит на меня с каменным выражением на лице. — Ты только что пережила страшную трагедию, из-за которой потеряла ребенка. Не спеши.

Я вздрагиваю. Мой ребенок. Напоминание о горьком опыте, который навсегда изменил меня. От одной мысли о нем моя грудь сжимается, и я отворачиваюсь в сторону.

— Когда мне будет позволено смотреть новости? — спрашиваю я, все еще глядя на пустую стену.

Через всю комнату я слышу, как она вздыхает. Они пытались скрыть от меня как можно больше информации о нападении, насколько это вообще возможно. Они считают, что если я буду следить за новостями, мне будет только хуже. Врачи полагают, что это не поможет мне с выздоровлением. Знаю, они думают, это будет только усиливать мою одержимость, ПТСР, или, как они говорят, мою ненормальность, поэтому последние несколько дней не оставляют надолго одну, чтобы я не смогла включить телевизор или открыть ноутбук. Когда сегодня утром мама выбежала в магазин, я схватила ноутбук и спрятала его в тумбочке рядом с кроватью.

Они не заметили. *Пока.*

— В новостях не очень много говорят об этом. У них не так много сведений.

— Ты лжешь; вы все не сможете уберечь меня. Мне нужно увидеть это своими глазами.

Она встает передо мной и скрещивает на груди руки.

— Не нужно. Ты только думаешь, что хочешь, но на самом деле это не так. Ты видела достаточно. Дала показания, и рассказала полиции, что произошло. Теперь тебе нужно прийти в себя.

Она ошибается.

Мне нужно знать.

— Я посмотрю их, — говорю я вставая. — И твои слова не остановят меня.

— Люси! — кричит она, когда я иду по коридору.

Я проскальзываю в спальню, где все еще спит Джерард. Он был так добр ко мне; я чувствую себя виноватой из-за того, что не дала ему то, чего он заслуживает. Подойдя к кровати, я смотрю на него сверху вниз. Он так красив, так совершенен, но теперь все изменилось. Не для него, а для меня, и я больше не знаю, кто я на самом деле. Он заслуживает большего, он хороший человек.

Смогу ли я дать ему то, чего он заслуживает?

И хочу ли вообще?

Эта мысль пугает меня, и я отхожу от кровати и иду в ванную, чтобы принять душ. Это единственное время, когда я могу побыть в одиночестве; единственное время, когда никто не

беспокоит меня, не задает вопросы и не суетится вокруг меня, пытаясь поднять настроение. Знаю, они всего лишь пытаются помочь, но это не помогает. Ничего не помогает. Я чувствую себя такой опустошенной, такой отчаявшейся, такой чертовски одинокой.

А человек, который понимает меня больше всех на свете, исчез, будто его никогда и не существовало. Я просто хочу поговорить с ним. Просто хочу, чтобы он подтвердил, что я не выдумала все это. Мне нужно увидеть его и просто... *узнать*. Но я даже не представляю, с чего начать. Не знаю, как найти его, не знаю, где он работает — черт, я даже не знаю, живет ли он где-то поблизости.

Хит. Хантер.

Какое имя настоящее?

Я захожу в душевую кабину и позволяю теплой воде струиться по моему телу, пытаюсь вспомнить момент, когда он вошел в мою палату. Разве я все выдумала? Это из-за обезболивающего? Я даже не знаю, схожу ли с ума. Может, мне все привиделось. Возможно, Хантера или Хита никогда не существовало. Может ли какое-то событие повлиять на вас настолько сильно, что после всего вы начинаете воображать себе что-то столь важное? Но он был таким реальным.

Я должна узнать, существует ли он на самом деле; я просто должна найти ответы, и только тогда смогу обрести спокойствие. Не знаю, как собираюсь найти то, что мне нужно, но я найду.

— Доброе утро.

Я поворачиваюсь и вижу Джерарда, голого по пояс и с вымученной улыбкой на лице. Он не заслуживает этого. Он так сильно любит меня. Мне нужно попытаться привести свою жизнь в порядок. Нужно двигаться дальше, даже если это означает держать в тайне поиски загадочного мужчины. Я должна сделать это ради него, ради себя, ради всех.

— Доброе утро! — я изображаю на лице улыбку. Мне удастся это с трудом, губы протестуют, но я стараюсь изо всех сил.

И вижу, как мышцы на его лице расслабляются и облегчение заполняет его прекрасные черты.

— Думал, ты никогда больше не будешь так улыбаться.

Я заглушаю крик внутри себя.

И продолжаю улыбаться.

Проходит несколько секунд, прежде чем я снова обретаю способность говорить.

— Стараюсь. Может, потребуется некоторое время, но я работаю над этим.

Он проходит немного дальше, опираясь на полотенцесушитель, и наблюдает, как я выхожу из душа и вытираюсь.

— Как ты себя чувствуешь?

— Если честно, пока не поняла. Немного растерянной, опустошенной, сбитой с толку...

Он прищуривается.

— Тебе больше не мерещится тот мужчина, правда?

На несколько минут, я просто хотела попробовать снова стать прежней, а потом он задал вопрос, который я больше всего боялась услышать, и, я понимаю: все усилия были напрасны. Тело мгновенно переходит в режим защиты, мышцы напрягаются, спина выпрямляется.

Джерард знает. Он понимает это в ту же секунду, как произносит эти слова, и его лицо немного бледнеет.

— Пожалуйста, не расстраивайся, — поспешно говорит он. — Я просто хочу, чтобы ты двигалась дальше, хочу помочь тебе.

— Я не выдумала его, Джерард, — произношу я, стараясь, чтобы голос оставался спокойным. — Мне надоели твои намеки. Я перестану болтать о нем, если это сделает тебя счастливым, но ты должен перестать так говорить.

— Понимаю, ты думаешь, что не выдумала...

Опять за свое. Тот же спор снова и снова.

— Я *не* думаю, — перебиваю я его, потеряв контроль. — Я *знаю*.

— Ты перенесла стресс. Врач сказал, это нормально, выдумывать вещи, которые не являются реальными. Я опрашивал в полиции каждого, и никто не знает человека, о котором ты говоришь.

— Скорее всего, он был под прикрытием или... — я замолкаю, потому что взгляд на лице Джерарда заставляет меня хотеть кричать и плакать одновременно. Он выглядит обеспокоенным, но, в целом, смотрит на меня, будто я схожу с ума, и я ненавижу это. В последнее время он смотрит на меня так все чаще и чаще.

Я не сумасшедшая.

— Пойду в постель и немного отдохну, — бормочу я, проносясь мимо него, и вхожу в комнату.

— Я беспокоюсь о тебе, — говорит он, медленно поворачиваясь за мной. — Я просто не знаю, как помочь.

— Ты pomoжешь, если не будешь утверждать, что его не существует. Я была там, Джерард. Этот человек спас мне жизнь, и я собираюсь разыскать и поблагодарить его.

Черт возьми, зачем я это произнесла? Я просто поклялась себе, что перестану говорить об этом с Джерардом.

Похоже, он жалеет меня.

— Люси...

— Просто уйди, — говорю я. — Я устала.

— Люси, пожалуйста...

Я поворачиваюсь к нему спиной, натягиваю шорты и майку, а затем залезаю в постель.

— Пока, Джерард.

Он вздыхает и несколько минут смотрит на меня, прежде чем мягко произносит:

— Я буду на кухне, когда проснешься.

Потом он уходит.

Хлопает дверь, и я выскальзываю из кровати, бросаюсь к ноутбуку и открываю его. Не могу двигаться дальше, пока не узнаю правду. Просто не могу. Пришло время столкнуться с правдой лицом к лицу, понравится мне это или нет. Я открываю поисковик и ввожу текст.

Захват бейсбольного стадиона.

Затем читаю.

Я сижу в спальне уже около трех часов, делая вид, будто сплю, но на самом деле

внимательно читаю каждую статью, которая попадает на глаза. Там говорится, что виновником нападения являлась религиозная секта, протестовавшая таким образом против мэра, который не отдал им землю. По их мнению, стадион находится на какой-то священной земле, и она нужна была им для того, чтобы выполнять все те безумные вещи, которые они планировали. Секта называла себя «Храм Небес».

Лица, замешанные в этом преступлении, были опрошены полицией, и пригрозили, что будут приносить в жертву гораздо больше жизней ради высшей цели. При этом их души, как и души других людей, не смогут обрести покой. Они хотят создать полностью огороженную священную территорию, в которую смогут войти только избранные. Это должна быть именно та земля, на которой находился стадион, потому что так сказал им Бог, и если они не получают ее, мир будет полыхать в огне, как и их души. Глядя на то, как они произносят эти слова в онлайн-видео, становится больше чем просто страшно, ведь они действительно верят в то, что говорят.

В новостях не вдаются в подробности, просто сообщают, что полиция арестовала людей, участвующих в стрельбе, и «работает» над ликвидацией остальной части секты, но доказать причастность последних будет трудно. Я читала о сектах раньше; они столь же безумны, как и извращенны, и не остановятся ни перед чем, чтобы осуществить то, что считают правильным.

Я продолжаю читать, но не нахожу больше никакой новой информации. В груди нарастает тяжесть, к тому времени, как я заканчиваю — тяжесть от отчаяния и боли. Смотреть на фотографии тех, кто отдал свою жизнь, видеть рассказы семей погибших, все это вызывает у меня желание свернуться калачиком и плакать, пока слезы окончательно не иссякнут. Чувствую себя такой одинокой, такой беспомощной, мне так невыносимо страшно. Хочется обрести спокойствие, но я не могу найти его. Я хочу быть девушкой, которой была раньше, но ее больше нет. Я, правда, не знаю, как переживу все это.

Ну, ладно, может, и знаю, но нигде не смогу найти Хита.

Я открываю еще один поисковик и ввожу его имя и название полицейского участка, ведь в ту ночь там были полицейские. Ничего не найдено. Пробую ввести «Хит». Ничего. Я ищу, пока пальцы не начинают болеть от набора текста, но по-прежнему не могу найти никаких сведений о загадочном мужчине, что спас мне жизнь. Я даже проверяю «Фейсбук» и другие социальные сети. Выглядит так, будто его на самом деле не существует. Я нахожу сайт бейсбольного стадиона, открываю страницу контактов и отправляю письмо по электронной почте — это моя последняя отчаянная попытка.

Здравствуйте.

Меня зовут Люси Джейкобсон, и я была на бейсбольном стадионе, когда произошло нападение. Незнакомец сидел рядом со мной, и этот храбрец спас мне жизнь. Я просто хотела найти его и поблагодарить, но никак не могу разыскать. Может, вы могли бы подсказать мне его фамилию, чтобы я смогла связаться с ним.

У меня есть только имя Хит.

Пожалуйста, свяжитесь со мной, если у вас есть хоть какая-то информация о нем.

С наилучшими пожеланиями.

Шансов немного, потому что, даже если они и знают что-то, скорее всего не будут давать какую-либо информацию. Надеюсь, что написала правильное имя. И только после

того, как отправила письмо, я думаю о том, что, может, нужно было написать также и имя Хантер. Я закрываю ноутбук и вздыхаю, отодвинув его в сторону. Я должна найти Хита. Просто должна. Мне нужно знать, что не схожу с ума.

Я встаю с постели, даже не пытаюсь поспать, и выхожу в гостиную. Мама, папа и Джерард тихо переговариваются друг с другом. Они не слышат, как я вхожу, поэтому я остаиваюсь и просто слушаю. Они говорят обо мне, и я знаю, что должна дать им знать, что здесь, но не могу. Мне нужно знать, о чем они говорят.

— Не думаю, что с ней все в порядке, — говорит Джерард. — И это начинает меня беспокоить. Она действительно считает, будто был какой-то мужчина, но все, с кем я говорил, утверждали, что не имеют ни малейшего представления, о ком она говорит.

— Она получила травму, — говорит папа. — Ей просто нужно время.

— Она пытается найти человека, которого не существует, — протестует мама. — Время не поможет. Думаю, ей нужна помощь. Нужно, чтобы она поговорила со специалистом; это единственный выход.

— Я должен согласиться, — вздыхает Джерард. — Не могу продолжать и дальше слушать, как она говорит о ком-то нереальном. Я боюсь того, что происходит в ее голове.

— Она потеряла ребенка, стала свидетелем ужасных событий и пытается как-то справиться с ситуацией. Может, ей нужно дать время, чтобы прийти в себя, а не отправлять в ближайшую психушку, — со злостью настаивает отец. — Она не сумасшедшая. Она стала свидетелем таких страшных событий, что вы не сможете представить себе каких, даже если попробуете.

— Я не говорю, что она сумасшедшая, — отвечает Джерард. — Но вы не видели, как она говорит о нем, будто этот мужчина действительно реален.

— Ты уверен, что его не существует? — не сдерживается папа.

Джерард вздрагивает.

— Никто не знает, кто он. Я говорил с полицией, у них есть список всех людей, у которых были билеты в тот день; его в списках не было. Никто не видел его. Так что шансы того, что он реален, невелики.

— Это не значит, что его там не было.

— Так что, вы хотите, чтобы я поощрял жену, которая преследует другого человека?

Мой папа рычит.

— Она не сделала ничего плохого, Джерард. Не говори о ней так.

— Она одержима вымышленным парнем. Это безумие!

— Хорошо, хорошо, — вздыхает мама. — Нам нужен план. Я до сих пор согласна с Джерардом. Думаю, она нуждается в помощи, независимо от того, является ли этот человек реальным или нет, и не думаю, что мы в силах помочь ей. Прежде всего она видела что-то ужасное и этого достаточно для того, чтобы начать работать над решением проблемы.

— Согласен, она должна поговорить с кем-то, — говорит папа. — Но я не буду называть ее сумасшедшей.

Мой муж думает, что я сошла с ума.

Мама думает, что я сошла с ума.

Папа единственный, кто верит в меня.

— Я *не* сумасшедшая.

Они поворачиваются, их глаза широко раскрыты и направлены на меня. Джерард вскакивает.

— Люси, пожалуйста, не расстраивайся. Мы просто беспокоимся, и...

— Я не сумасшедшая! — резко говорю я. — Я помню все очень четко. Вы можете не верить, но он реален. Он существует. Он приходил ко мне в больницу. Он был там. Я видела его собственными глазами.

Лицо Джерарда бледнеет.

— Люси, он не приходил. Медсестра подтвердила это.

— Он приходил. Может, она не видела его, но он был там!

— Люси, думаю, тебе нужна помощь, — говорит Джерард, с беспокойством глядя на меня.

— Мне не нужна ничья помощь! — отчаянно кричу я. — Я просто хочу, чтобы ты верил в меня, — я поворачиваюсь и иду в сторону входной двери.

— Люси! — зовет папа. — Пстой.

Я хватаю ключи, толкаю дверь и бегу к машине. Сажусь в нее и блокирую двери. Они выбегают из дома, размахивая руками и кричат мне, чтобы я остановилась, но я не слушаю их. Включив заднюю передачу, сдаю назад и выезжаю на дорогу. Скрывшись из виду, я начинаю плакать. Большие, безобразные слезы текут по моему лицу, превращаясь в оглушительное, сотрясающее тело рыдание.

Я нахожу тихую улицу и съезжаю на обочину, позволяя всему этому выплеснуться наружу.

Я не сумасшедшая.

Нет.

Несколько часов я просто сижу в машине на обочине. Телефон звонит не переставая, и я, в конце концов, отключаю его. С тех пор как слезы высохли, я только и делаю, что смотрю на проезжающие машины и старые дома. Интересно, куда, черт возьми, мне двигаться дальше. У меня была прекрасная жизнь, удивительный муж и ребенок, растущий внутри меня, а сейчас этого больше нет, и я не понимаю, как вернуть все обратно.

Самое ужасное, что даже не знаю, хочу ли.

Я выезжаю на проезжую часть прежде, чем успеваю осознать, что собираюсь сделать, и еду до тех пор, пока, наконец, не оказываюсь рядом с полицейским участком. Смотрю в сторону центрального входа и не понимаю, на что, черт побери, я надеялась, когда решила приехать сюда. Маловероятно, что они хоть чем-нибудь смогут мне помочь, поэтому я должна просто развернуться и уехать, но не могу. Похоже, что пока не увижу Хита своими собственными глазами и не узнаю правду, я не смогу двигаться дальше.

Только тогда у меня появится шанс все исправить.

Я выхожу из машины, ставлю ее на сигнализацию и кладу ключи в карман, приближаясь к центральному входу. Добравшись до двери, я останавливаюсь и всматриваюсь в свое отражение. Лицо опухло и покраснело. Выгляжу ужасно. Но мне все равно.

Я открываю дверь и вхожу. Поблизости никого нет, даже женщины за регистрационной стойкой. Я прохожу вперед, осматривая коридоры слева от себя. Никого.

Звоню в колокольчик на столе. Через минуту выходит симпатичная блондинка, ее волосы струятся по плечам, голубые глаза сияют, а на лице улыбка.

— Здравствуйте, — приветствует меня она, ее взгляд падает на мой, без сомнения, красный нос. — Вы в порядке?

— Да, — отвечаю я уверенным голосом, хотя знаю, что выгляжу жалко. — Я ищу Хита. Ее лицо слегка дергается. Если бы я была менее внимательна, то ничего бы не заметила.

— Простите, у нас никого нет с таким именем.

Она врет. Ее взгляд на мгновение устремляется влево.

— Не правда. Я знаю, что он работает здесь, он сам сказал мне.

Она сдвигается немного вправо и проводит рукой по блузке.

— Мне очень жаль, мэ, здесь нет никакого Хита. Может, вы ошиблись участком?

— Хватит врать, — резко говорю я, скрестив руки. — Почему вы все его покрываете?

Она смотрит в конец коридора.

— Давайте, я позову управляющего участком.

Она уходит и через минуту возвращается с пожилым человеком. Он худой, высокий и со строгими зелеными глазами, которые выделяются на его оливковой коже.

— Добрый день. Чем могу помочь?

Я смотрю на имя на его жетоне.

— Майкл, правильно?

Он кивает.

— Я Люси. Я была на бейсбольном стадионе, когда его захватили. Там был мужчина, который помог мне. Его зовут Хит. Он работает здесь. Я ищу его.

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он врет намного лучше, чем его секретарша.

— Простите. Здесь нет никого с таким именем.

— Проклятье, — вскрикиваю я. — Почему вы все лжете?

— Мэм, может, вам стоит присесть и успокоиться...

— Знаете, что? — огрызаюсь я. — Я найду его и без вашей помощи.

С этими словами я поворачиваюсь и выбегаю из здания, но перед этим вижу глазающих на меня офицеров, которые были на бейсбольном поле в тот день, когда произошло нападение. Они знают. Они все знают. Так почему, черт возьми, никто не может мне помочь? И что мне делать дальше?

Десять дней спустя

Это была еще одна изнурительная неделя, отчасти из-за того, что я ходила в тот полицейский участок в бесполезной попытке найти информацию о Хите. К тому времени как я вернулась домой, Джерард уже знал, что я там была, потому что они позвонили ему, беспокоясь о моем состоянии. И снова мы поссорились из-за мужчины, которого не существует. С тех пор почти не разговариваем. С каждым днем мы отдаляемся друг от друга все дальше и дальше.

Я стараюсь улучшить наши отношения, но каждый раз, когда думаю, что все налаживается, он опять спрашивает о таинственном незнакомце, и мы снова ругаемся.

Знаю, я должна просто смириться с этим, но пустота в моей груди растет с невероятной скоростью, и каждый день становится все хуже и хуже. Порой я лежу одна ночью и задаюсь вопросом, схожу ли с ума. Может, они правы. Может, я выдумала все это. Я все записала, даже просмотрела списки умерших и пропавших без вести, чтобы попытаться доказать своей семье и самой себе, что он реален. Но все напрасно.

Сегодня мы организовали поминальную службу для нашего ребенка. Ничего особенного; просто собираемся пойти в парк, который находится возле кладбища, и произнести несколько слов в память о нем. Джерард утверждает, что это поможет нам пережить случившееся, но я не знаю, смогу ли когда-нибудь смириться с потерей крошечной жизни, даже если и была на раннем сроке беременности. Тем не менее, для всех так будет лучше.

— Готова? — спрашивает Джерард, входя в переднюю дверь. Вчера он вернулся на работу, сказав, что не может больше сидеть, сложа руки.

Это было больнее, чем я готова была признать.

Почему я не понимала раньше, насколько работа важна для него? Она всегда была на первом месте.

— Да, — мягко говорю я, надевая пальто, и следую за ним к его машине.

Мы молча едем в парк. Приехав на место, оба выходим и идем вглубь тенистых деревьев. Я становлюсь на колени, достаю лопату, которую привезла из дома и рою небольшую ямку. Затем помещаю туда крошечный розовый куст, купленный вчера, и засыпаю его землей. И вот он здесь, сиротливо стоит среди больших деревьев. Слеза

скачивается по моей щеке, и я пробегаю пальцами по листьям.

— Прости. Я люблю тебя, — шепчу я. — Покойся с миром, малыш.

Джерард наблюдает за мной, и когда я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него, он смотрит на растение без всякого выражения на лице. В последнее время он часто так делает, и из-за этого я чувствую себя ужасно. Он возводит вокруг себя стену, а я не делаю ничего, чтобы остановить его. Ничего. Мне нужно поддержать его, помочь пройти через все это, но сейчас я едва могу держать себя на плаву.

— Скажешь что-нибудь? — спрашиваю я.

— Мне, на самом деле, нечего сказать.

Кто этот мужчина?

— Хорошо, — мягко говорю я, вставая. — Может, пообедаем, прежде чем ты вернешься на работу?

Он выглядит расстроенным, но продолжает смотреть на розовый куст.

— Не могу. Я не работал почти три недели, мне многое предстоит сделать. Я едва нашел время приехать сюда для этого.

— Этого? — произношу я, в моем голосе слышится боль. — *Это* — наш ребенок.

— Я не то имел в виду, — скривившись, оправдывается он. — Просто хотел сказать, что сейчас очень занят. Прости.

— Ты всегда очень занят, — бормочу я.

Его лицо застывает.

— Прости, что меня не было с тобой в тот день, Люси. Если это то, к чему ты ведешь, то не надо. Я достаточно виню себя.

— Зачем ты так говоришь? — кричу я. — Серьезно, Джерард. Я не это имела в виду.

— Но ты думаешь об этом. Где-то в глубине души.

Мой Бог.

— Нет. Ты не виноват в том, что тебя там не было. В этом никто не виноват.

Он качает головой и вздыхает.

— Мне нужно вернуться на работу. Я возьму такси, а ты бери машину, когда закончишь.

— Ты, правда, хочешь уйти прямо сейчас? — я плачу, пытаюсь сдерживаться из последних сил. — Это важно.

— Знаю, — говорит он, стараясь сохранять спокойствие. — Но работа обеспечивает нам крышу над головой.

— Ты даже не можешь сказать и пары слов ребенку, которого так хотел?

В его глазах вспыхивает боль, но в большей степени гнев.

— Я не буду этого делать. Не здесь. Я возвращаюсь на работу, Люси.

С этими словами он поворачивается ко мне спиной и уходит.

— Джерард! — я зову его, но он не останавливается.

Кто, черт возьми, этот человек? Он, конечно, не мой муж. Но и я тоже не его жена.

Кто же мы тогда друг другу?

Незнакомцы?

Эта мысль ужасает меня.

Несколько часов я сижу у розового куста, поглаживая листья, думая о своем ребенке и жизни, но в основном о нашем с Джерардом браке. Я даже не осознаю, что плачу, пока слеза не стекает по моей щеке и не падает на зеленый лист, катится вниз, падет на землю и исчезает. Я тру тыльной стороной ладони по своей щеке и думаю о том, что сказал Джерард. Виню ли я его за то, что он не оказался рядом в тот тяжелый момент в моей жизни? Что работа для него важнее меня? Не знаю.

— Красивое растение.

Я вздрагиваю, когда голос, который так долго мечтала услышать, наполняет мое тело теплом. Я не поворачиваюсь, меня пугает, что это может оказаться всего лишь галлюцинацией. Не смогу вынести еще одного разочарования. Более горького.

— Она это заслужила, — шепчу я.

Наверное, я говорю сама с собой, но сейчас меня это не волнует.

— Так и есть.

— Ты преследуешь меня? — спрашиваю я. Мои пальцы дрожат, но я продолжаю гладить мягкий листок.

— Присматриваю за тобой.

— Это одно и то же.

Я слышу, как он садится позади меня, чувствую, как его тепло согревает мою спину, но не могу набраться смелости и повернуться, потому что, если увижу его, будет только хуже. Но ведь я так отчаянно этого хочу. Хочу увидеть его каждой частичкой своей души.

— Ты еще дышишь, маленькая Люси?

Дышу ли я?

— Как можно дышать, когда задыхаешься?

Он молчит.

— Почему ты здесь? — спрашиваю я дрожащим голосом. — Почему я не могу увидеть тебя? Поговорить с тобой? Узнать, что ты реальный человек? Тебя зовут Хантер или Хит? Или ты просто плод моего воображения?

Едва уловимым движением он проводит пальцем по волосам на затылке и отводит их в сторону.

— Меня зовут Хит, и нет, я не плод твоего воображения.

— Тогда почему я не могу найти тебя? — шепчу я, мое тело дрожит от того, что его палец приближается к моему открытому плечу, скользя по коже.

— Потому что я не хочу, чтобы меня нашли.

— Почему? — спрашиваю я отчаянно.

Его палец касается моей шеи, кожи под подбородком, а затем щеки. Он задерживается на ней, поглаживая легкими движениями. Мое дыхание сбивается, грудь туго сжимается, и это отзывается болью. С минуту ничего не происходит.

— Так должно быть.

— Все думают, что я сошла с ума. Я... Зачастую я думала, что так и есть.

Он накрывает мою щеку своей большой ладонью, и я утыкаюсь в нее, закрыв глаза. Мои слезы падают вниз на землю и на его пальцы.

— Не позволяй людям указывать, как к этому относиться. Ты должна перестать искать меня и говорить обо мне. Ты не сумасшедшая, но они не понимают этого.

— Как и я, — рыдаю я.

Он придвигается ближе до тех пор, пока его грудь не прижимается к моей спине. Другой ладонью он накрывает мою щеку так, что теперь обе его большие ладони лежат на моем лице, укутывая меня, грея, делая нас единым целым, но только на секунду.

— И не должна понимать. Просто верь в это, и оставь попытки заставить других людей понять. Они никогда не поймут. Мне нужно идти.

Я пытаюсь повернуться. Но он останавливает меня, удерживая за плечи.

— Пожалуйста, не уходи снова, — шепчу я.

— Продолжай дышать, маленькая Люси.

Он наклоняется и слегка касается губами моих волос, легонько, а затем убирает руки. Я плотно зажмуриваю глаза и сижу так в течение нескольких минут. Обернувшись и открыв глаза, я понимаю, что он исчез.

Как всегда. Он приходит лишь на мгновение.

Мимолетное мгновение.

Я захлопываю входную дверь и скидываю с себя пальто. Что-то звякает в кармане, и я лезу в него, проверяя, что там. На маленьком колечке для ключей висит одуванчик, у которого отлетело несколько крошечных белых пушинок. Очень красивая вещь. Никогда не видела ее раньше. Я переворачиваю его и вижу на другой стороне заглавную букву. X. Мое сердце бешено колотится, и я прижимаю брелок к груди.

Он положил мне его в карман сегодня в парке.

Я едва заметно улыбаюсь. Впервые за несколько дней.

— Почему ты улыбаешься?

Я поворачиваюсь и вижу Джерарда, входящего через переднюю дверь. Меня не было весь день, так что я не удивляюсь, увидев его сейчас. Вероятно, уже пять часов вечера или около того.

— Просто был хороший день, — отвечаю я, пряча брелок в карман.

— Ты была в парке?

Я качаю головой, несмотря на то, что это ложь.

— Я ходила в магазин, что-то вроде торгового центра.

Он слегка улыбается.

— Приятно видеть, что тебе снова лучше. Ты думала о том, чтобы вернуться на работу?

Я работаю в местном ресторане, и там отнеслись с пониманием к моей необходимости немного отдохнуть. Я не совсем уверена, что готова вернуться, но, полагаю, должна, по крайней мере, поговорить с ними насчет этого.

— Я позвоню им, но не думаю, что уже готова.

— Ты не можешь оставаться здесь вечно. Самое лучшее, что ты можешь сделать, это двигаться дальше, и разумнее будет вернуть свою жизнь в привычное русло.

Я смотрю на мужа обиженная и немного злая.

— Я столько всего пережила, Джерард. Это случилось всего несколько недель назад.

— Знаю, — говорит он. — Просто пытаюсь помочь.

Он вешает пальто и идет дальше по коридору в свой кабинет. Словно наш разговор окончен. Моя грудь сжимается, и я достаю руку из кармана, глядя на крошечный одуванчик. Что это значит? И значит ли что-нибудь?

Я пока не знаю, но обязательно это выясню.

Неделю спустя

Я вскакиваю с кровати, пот струится по моему лицу, пока кошмар, от которого я только что проснулась, стихает. Сердце колотится, и я прижимаю руку к груди, пытаюсь выровнять дыхание. Я машинально тянусь к Джерарду, только его там нет. *Снова*. С тех пор как вернулся на работу, он все больше и больше времени проводит в офисе и все меньше дома. Он с трудом доходит до кровати. Несколько раз я находила его спящим у себя в кабинете.

Похоже, ему трудно находиться рядом со мной.

Это ранит.

Я поднимаюсь с постели, включаю свет и тихонько иду по коридору. Дохожу до его кабинета, открываю дверь и всматриваюсь. Он смотрит в упор на свой ноутбук, его тело сгорблено от усталости. Если это так, то почему он не пришел в постель?

— Эй, — говорю я мягко.

Он поворачивается и смотрит на меня.

— Привет. Почему не спишь? Уже поздно.

— Сейчас только десять, мне приснился кошмар.

Его лицо такое отрешенное.

— Мне жаль.

Боже, куда делся мой муж?

— Джерард, мы можем поговорить?

Он вздыхает и проводит рукой по волосам.

— О чем?

— О том, что происходит. Между нами.

— Я не знаю, о чем говорить, Люси. Все усложнилось после того ужасного дня, и не думаю, что это как-то связано с тем, что ты видела.

— Пожалуйста, не начинай снова, — прошу я.

Его взгляд встречается с моим.

— Ты все еще веришь, что он реален. Думаешь, я не вижу этого по твоему лицу? Я смотрел историю поиска в Google.

Я делаю шаг назад.

— Ты проверяешь меня.

— Ты все еще ищешь его и отказываешься от помощи. Что же мне, по-твоему, остается

делать?

— Доверять мне! — резко отвечаю я.

— Нет, — бормочет он. — Я не доверяю тебе, и меня до смерти тошнит от твоей одержимости этим несуществующим человеком и уже достало, что ты отказываешься от помощи.

— Это не так, — говорю я, скрестив руки. — Я не разговариваю с тобой об этом, потому что ты до сих пор заставляешь меня чувствовать себя виноватой.

— Хочу, чтобы ты прекратила это.

Я вздрагиваю.

— Прости?

— Хочу, чтобы ты перестала думать о нем, говорить о нем и искать его.

— Нет, — просто отвечаю я. — Он спас мне жизнь, но что более важно, поддержал, когда я больше всего нуждалась в этом.

Он прищуривается.

— В самом деле?

От того, как он сейчас разговаривает со мной, насмехаясь, ярость закипает во мне, и я выплевываю:

— Да! Когда я посадила розу для нашего ребенка, и ты уехал, потому что твоя работа была важнее, впрочем, как и всегда.

Его лицо краснеет, и я знаю, мои слова ранят его. Я не беру их обратно, по большей части из-за того, что не могу, но также из-за того, что мне это не позволяет гордость.

— Теперь ты еще и воображаешь, что видишь его.

Воображаю. Я не могу так больше.

— С меня хватит.

Я поворачиваюсь к нему спиной и слышу, как отодвигается его стул.

— Серьезно, Люси. Если ты воображаешь, что видишь его, то тебе требуется больше помощи, чем я могу дать.

— Он настоящий! — кричу я так громко, что сама себя пугаю. От испуга я поднимаю руку и зажимаю себе рот.

— Завтра позвоню врачу. Я не могу так больше, — его голос холоден.

— Что? — шепчу я.

— Тебе нужна помощь. Если ты не хочешь принимать ее, я сделаю так, чтобы ты получила ее, так или иначе.

Я поворачиваюсь на дрожащих ногах и выскакиваю из комнаты. Он зовет меня, но я не останавливаюсь. Не могу остановиться.

Мне нужно выбраться отсюда.

Я направляюсь к бейсбольному полю.

Меня не было здесь с той ужасной ночи, но сегодня пришло время вернуться назад и столкнуться с воспоминаниями лицом к лицу. Может, здесь будет что-то, хоть что-нибудь, что даст мне ответы, которые ищу, или я просто хватаюсь за соломинку, потому что не вижу другого выхода. Когда я подъезжаю, идет дождь. Он падает крупными каплями и стекает по лобовому стеклу, когда я припарковываю машину на пустой стоянке. Вокруг никого нет, но все до сих пор огорожено полицейской лентой.

Дрожащими руками я открываю дверь и без раздумий выхожу навстречу ледяному дождю. Взглядом я внимательно осматриваю темный стадион и иду к нему. Мои ноги замирают на тротуаре. Я останавливаюсь напротив входных дверей, которые полностью перекрыты, и просто смотрю на них. Шум, воспоминания, боль — все это всплывает в моей голове, словно кошмар.

Крики. Выстрелы. Люди плачут и умоляют.

— Хантер? — хриплю я.

— Да, Люси?

— Чего они хотят?

— Не знаю, дорогая.

Я опускаюсь на колени у ворот, пальцами нащупываю мягкую траву и рыдаю. Я разрываюсь на кусочки, а потом просто все отпускаю, как и ту девушку, которой была когда-то. Теперь я знаю, что никогда не стану ею снова, и она никогда не станет мной. Я другой человек, и не могу больше притворяться, что это не так. Мой брак разрушился. Не могу больше делать вид, что все в порядке.

Дождь продолжает усиливаться, становясь беспощадным, и я понимаю, что промокла до самых костей. Но мне все равно. Я продолжаю сидеть на земле, плачу, трясусь, промокаю насквозь, потому что это единственное, что может мне помочь.

Вдруг сильные руки обхватывают меня.

На секунду я цепенею. Мое тело отрывается от земли.

Я начинаю извиваться, истерично плачу и пытаюсь разглядеть человека, удерживающего меня.

— Люси, маленькая, тихо.

Хит.

Всегда старается быть героем.

Всегда появляется, когда его не ждешь.

Как кто-то может быть успешен и в том, и в другом?

Я издаю наполненный болью пронзительный вопль и цепляюсь за него. Я обхватываю его шею крошечными руками и держу, прижимая лицо к его груди, сжимая его, будто он единственное, что дает мне силы дышать. Он ведет меня к моей машине, но я в такой панике, что не могу ничего делать, кроме как хвататься за него всем, чем только могу.

— Успокойся, дорогая.

Я цепляюсь за него еще сильнее, пальцами сжимая рубашку.

— Люси, посмотри на меня.

С большим усилием я отклоняюсь назад и поднимаю на него взгляд. Он пристально смотрит на меня сверху вниз. Фонарь на стоянке освещает его лицо, и в этот момент я понимаю, насколько сильно все это время мне было необходимо увидеть его. Эти глаза. Этот рот. Волосы, спадающие на лоб. Мне следовало повернуться и посмотреть на него тогда в парке. Мне следовало запечатлеть его в своей памяти.

— Все думают, что я сумасшедшая, — рыдаю я. — Муж заставляет обратиться к врачу.

— Ты должна успокоиться, ради меня.

— Я не могу. Не могу. Я пытаюсь, но не могу. Никто мне не верит. Мне так одиноко.

Так страшно.

Мы смотрим друг другу в глаза. Он так красив.

— Твоя семья просто пытается заботиться о тебе. Что бы ты делала на их месте?

— Они думают, я сошла с ума! — плачу я.

— Ты не даешь им выбора.

— Нет, это *ты* не даешь мне другого выбора, — я плачу и толкаю его в грудь. — Почему ты поступаешь так со мной? Зачем продолжаешь возвращаться? Если не хочешь, чтобы я была в твоей жизни, не нужно возвращаться и делать все еще хуже.

В его глазах вспыхивает сожаление.

— Я говорил, чтобы ты не искала меня.

Мой плач становится сильнее, тело дрожит.

— Тогда прекрати появляться из ниоткуда и делать все еще запутаннее.

— Я продолжаю приглядывать за тобой, потому что не хочу, чтобы ты наделала глупостей.

— Почему? — кричу я, отступая назад, и смотрю на него снизу вверх.

Он изучает мое лицо.

— Потому что знаю, что ты ищешь меня и продолжаешь говорить обо мне. Ты должна прекратить.

— Если скажешь, как связаться с тобой, я перестану.

— Сейчас я не могу присутствовать в твоей жизни, как и в жизни кого-либо еще. Неужели не понимаешь? Я не могу сказать ни твоей семье, ни кому-то другому кто я.

— Почему? — со злостью выкрикиваю я.

— Просто поверь, что все так, как и должно быть. Прекрати говорить обо мне, Люси. Прекрати искать меня. Мне известно о письме на стадион.

Я вздрагиваю.

— Просто пыталась выяснить, реален ли ты.

— Дай мне руку.

Он берет меня за руку и прикладывает к своему сердцу.

— Чувствуешь? Это бьется сердце. Ты не сумасшедшая. Я настоящий. Я был там с тобой, я присматриваю за тобой, делаю все возможное, чтобы быть в твоей жизни, когда могу, но ты все усложняешь. Ты должна привести себя в порядок, и, может, в один прекрасный день я смогу узнать тебя по-настоящему. Но не сейчас.

— Я не хочу приводить себя в порядок. Я больше ничего не хочу.

— Ты должна попробовать, маленькая Люси.

— Не могу, — заикаюсь я, и мое лицо становится красным от смущения.

Он отводит взгляд и смотрит куда-то вдаль.

— Мне нужно идти.

— Нет, — плачу я, отчаянно хватаясь за него. — Пожалуйста, не уходи снова. Я не могу жить с этим. Это сводит меня с ума.

— Я должен, — говорит он, отцепляя мои пальцы от рубашки.

Я плачу сильнее. Мое тело содрогается.

— Боже, мне очень жаль, милая, — бормочет он, наклоняясь и целуя меня в лоб. — Но у меня нет выбора — я ненавижу это так же сильно, как и ты.

Что-то острое вонзается в шею, и мне становится дурно.

— Пожалуйста, просто поверь мне. Так будет лучше.

Глова кружится, и я больше не чувствую холода.

— Не оставляй меня снова, мгновение.

— Мгновение? — шепчет он, или мне это только кажется.

— Мимолетное мгновение. Ты уходишь так же быстро, как и приходишь. Словно мгновение, которое я не могу удержать. Пожалуйста, позволь мне удержать его.

Теплые губы касаются моего лба, а затем все вокруг меркнет.

Я просыпаюсь одна в своей машине, которая все еще припаркована около бейсбольного стадиона.

Сейчас день.

Я моргаю и сажусь, осматривая свою одежду. Я не узнаю рубашку, которая на мне, но штаны те же. Сжимая ткань пальцами, я подношу ее к своему носу, вдыхая. Хит. Это его рубашка. Это был не сон. Слезы наполняют мои глаза, и я тянусь и потираю шею. Он вколол мне наркотики? Передел в свою рубашку? Не понимаю. Почему он сделал это?

Я осматриваюсь вокруг. На парковке по-прежнему пусто, будто ничего и не случилось. Но его рубашка — доказательство того, что все было на самом деле. Я потираю лицо, пытаюсь вспомнить, о чем он говорил, но мысли путаются, все как в тумане. Но я точно знаю, что он был здесь. Он снова говорил, чтобы я перестала искать его, но при этом продолжал появляться из ниоткуда. Как, черт возьми, я должна понимать это?

Я поворачиваю ключ, завожу машину и бросаю взгляд на телефон, который все еще лежит на пассажирском сиденье. Я беру его и вижу, что он включен. Я прищуриваюсь и подношу его ближе к лицу. Я выключала его. Знаю, что сделала это. Я разблокирую экран, и открывается приложение «Мой блокнот». Я вижу слова, и сердце колотится, когда я читаю их.

Я так же хороша, как и мгновение, маленькая Люси.

Ты должна отпустить меня.

Однажды мы снова встретимся.

Но не сейчас.

Я глотаю комок, образовавшийся в горле, и нажимаю кнопку «Сохранить».

У меня больше нет ни сил, ни воли, чтобы покинуть его.

Я включаю передачу и еду домой. Я знаю, что должна делать; так будет честно. Джерард заслуживает лучшего, и женщина, которой я теперь стала, уже не та, на которой он когда-то женился. Не честно заставлять проходить его через это.

Сама мысль о том, что я собираюсь сделать, ранит. Она поселяет боль в моем сердце, которую я никогда не хотела чувствовать. Раньше я думала, что никогда не смогу никого полюбить так, как полюбила его. Я действительно верила, что это никогда не изменится.

Но это произошло.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Обстоятельства перевесили мои чувства и разрушили их.

Дорога до дома занимает двадцать минут, и весь путь слезы наворачиваются на глаза. Я ненавижу то, что собираюсь сделать, но должна быть честной с ним. Должна его отпустить. Может быть, когда все это закончится, я пойму, что совершила ошибку, но сейчас Джерарду больше не принадлежит мое сердце. Он заслуживает гораздо большего, кого-то лучше, чем я.

Я выхожу из машины и иду внутрь. Джерард стоит спиной ко мне около кухонной стойки, положив руки на нее.

— Я видел твоё письмо, — голос Джерарда поражает меня — холодный, сломленный, и пустой. Он сдался. Тоже. Я не могу винить его за это.

— Джерард, — шепчу я, входя на кухню.

— Почему ты отправила его? Почему сделала это, ты же знаешь, что мне от этого не по себе?

— Потому что мне нужно найти его. Я отправила его, когда вышла из больницы... — говорю я, глядя на руки.

Он поворачивается и смотрит на мою рубашку.

— Чья это рубашка?

— Я была на бейсбольном стадионе прошлой ночью, и встретила его там.

Его лицо искажается от раздражения.

— Так ты спала с ним?

— Нет, — плачу я, дернувшись назад. — Нет, конечно, нет. Боже, Джерард. Я была не в себе, промокшая от дождя. Он сказал, что не может видиться со мной, и вколол что-то. Я проснулась сегодня утром в машине, одна.

Его лицо искажается.

— Он вколол тебе что-то?

— Да.

Он печально качает головой.

— Где ты на самом деле взяла эту рубашку, Люси?

Я открыла рот.

— Я только что тебе сказала.

— Это неправда.

— Правда, — огрызаюсь я. — Так все и было.

— Значит, этот тайный незнакомец нашел тебя промокшую, вколол что-то, передел и исчез?

— Да!

Он качает головой и хмурит брови, глядя на меня в ужасе.

— Ты сама-то слышишь себя? Тебе нужна помощь. Ты выдумываешь истории, которые совершенно нереальны.

Мое сердце колотится так сильно, что я могу слышать его стук.

— Я не вру, Джерард.

— Перед тем как приехать, ты взяла рубашку другого человека и сочинила эту историю, чтобы заставить меня поверить в нее... честно говоря...

— Я говорю правду. Он был там!

— Его не существует, — он кричит так громко, что я вздрагиваю. Джерард очень редко кричит на меня. — Его, черт возьми, не существует, Люси. Тебе нужна помощь. Твою мать, тебе нужна помощь.

Я разворачиваюсь.

— Нет! — плачу я. — Не нужна. Я просто хочу, чтобы ты верил мне.

Он отклоняется, все его тело неподвижно.

— И поэтому ты преследуешь другого человека?

Я качаю головой.

— Сейчас речь не о тебе и твоей ревности.

— Я ревную? — рычит он. — Конечно, я ревную. Ты дома, но на самом деле где-то далеко. Твои мысли все время возвращаются к нему, я вижу это. Твое внимание сосредоточено на нем. Это все, о чем ты думаешь. А как же я? Как же мои чувства?

— Мне не все равно на твои чувства, — кричу я. — Я переживаю, Джерард. Я хотела бы забрать твою боль, но это очень трудно, когда ты отказываешься поддерживать меня.

— Хочешь, чтобы я поддерживал твою потребность преследовать несуществующего человека?

Я качаю головой.

— Я не могу сделать этого. Не могу.

Его глаза вспыхивают.

— Я могу, Люси. Ты моя жена и я хочу помочь тебе, но не смогу этого сделать, пока ты сопротивляешься. Готова ли ты сделать так, чтобы все было как прежде?

Я изучаю его.

Действительно изучаю.

Он просит меня отпустить это навсегда. Просит признать, что Хита не существует и просто двигаться дальше.

Притворяться.

А значит, лгать себе и ему, но это несправедливо.

Я не могу дать моему мужу то, чего он просит.

— Нет, Джерард. Я не готова отпустить это, и ты заслуживаешь лучшего вместо того, чтобы мириться с этим.

Он смотрит на меня с сожалением, потом качает головой.

— Я не могу здесь больше находиться.

Мое сердце колотится, реальность одолевает меня.

— Нет, я так не думаю.

Его лицо искажается.

— Ты не та женщина, на которой я женился, и пока не получишь необходимую помощь, я ничего не смогу сделать.

— Слишком для «и жили они долго и счастливо», не так ли? — бормочу я, пытаюсь подавить слезы.

Он проводит рукой по волосам.

— Ты просишь меня смириться с этим, но я не могу. Я настаивал на том, чтобы ты получила помощь, но ты отказалась. Я пытался быть здесь рядом с тобой, но ты не подпускаешь меня к себе. А я не могу помочь, если ты не хочешь принимать мою помощь, но и не могу сидеть и смотреть, как ты гоняешься за другим человеком.

Я качаю головой, мне так больно, что я едва могу дышать. Знаю, это к лучшему, но слышать, что мы оба так легко сдались нестерпимо и причиняет боль, и я понимаю, что все делаю правильно. У нас был идеальный брак, но только на первый взгляд. Когда дело дошло до трудностей, ни один из нас не был готов бороться.

Все к лучшему.

— Это к лучшему, — говорю я ему. — Для нас обоих.

— Обещай, что обратишься за помощью. Я боюсь оставлять тебя в одиночестве, пока ты веришь в существование человека, которого нет.

— Он существует, — отчаянно спорю я.

— Нет, — он вопит так громко, что я вздрагиваю. — Он нереален. Тебе нужна помощь.

— Джерард, давай не будем продолжать этот разговор. И так понятно, что ни один из нас не готов понять другого.

Он смотрит на меня с грустью.

— Думал, мы одно целое. Я ошибался.

От этих слов мне становится больно. *Очень.*

Он разворачивается, хватая свои ключи и исчезает за дверью, захлопнув ее так громко, что затряслись окна.

Я опускаюсь вниз на пол и рыдаю.

Вот так и наступил конец моей жизни, и теперь я разлетаюсь на тысячу мелких кусочков.

Телефон звонит, не переставая.

Но мне все равно.

Это сестра Джерарда. Как всегда там, где он. Она ненавидит меня. Всегда ненавидела. Они с Джерардом очень близки, и когда он женился на мне, она решила, будто я отняла его у нее. И тут же затаила обиду, хотя моей вины в том, что он влюбился в меня, не было. Она никогда не была со мной мила, и теперь будет пытаться получить свою выгоду из разворачивающейся драмы между нами. И даже подогреть ее.

Мне не хочется отвечать на ее звонок.

Я отключаю телефон и с воплем бросаю его об стену. У меня больше нет сил. Я встаю, на дрожащих ногах бреду в спальню и вытаскиваю чемодан. Упаковав сумку и отыскав ключи от машины, закрываю дом и ухожу искать отель в городе. Туда, где никто не сможет меня найти и побеспокоить.

Телефон оставляю в доме на полу.

Мне нужно время. Нужно привести мысли в порядок и, только убравшись подальше отсюда, я смогу с ними разобраться.

Разместившись в номере гостиницы, я достаю ноутбук и проверяю почту. Там письмо от бейсбольного стадиона. Они ответили, что ничем не могут помочь. Ну, конечно. После встречи с Хитом прошлой ночью, моя степень разочарования и безысходности достигла рекордно высокого уровня.

Разве он не понимает, что каждый раз после того как уходит, я только сильнее пытаюсь разыскать его? Я открываю поисковик и пытаюсь найти религиозную группу, которая причастна к этому кошмару. Я читаю статьи и, в конце концов, выясняю, где они находятся. Хит что-то знал о них. Будет ли он там?

Я принимаю спонтанное решение и решаю сходить туда сегодня вечером, если, конечно, смогу найти это место. Кажется, это не самое разумное решение, которое я когда-либо принимала, но мне хочется узнать больше. Услышать не только рассказ таинственного незнакомца, что спас мне жизнь, но и людей, которые полны решимости отнять столько жизней, не моргнув и глазом. Но сначала нужно отдохнуть. Я сворачиваюсь калачиком в постели и плачу до тех пор, пока не проваливаюсь в глубокий сон. Мысль о Джерарде становится последней, что приходит мне в голову, прежде чем я засыпаю. Мне очень жаль его. Действительно жаль. Ведь я не состоялась как жена и как супруга.

Проснувшись ранним вечером, я только через добрых несколько минут понимаю, где нахожусь. Сразу не сообразив, где оказалась, я сижу и осматриваюсь по сторонам, вспоминая события сегодняшнего дня, и мою грудь сдавливает тупая боль. Мы с мужем расстались, и вот теперь я здесь — это не сон. Я смотрю на часы. Сейчас довольно темно для поездок, поэтому я вылезаю из кровати, принимаю душ, переодеваюсь в джинсы и майку, а затем беру ключи и выхожу из отеля.

Сев в машину, я ввожу адрес в GPS-навигатор и отправляюсь в поездку, пока еще не успела передумать. Я еду к югу от города около часа. Следуя указаниям, спускаюсь вниз по грунтовой дороге, которая ведет к густому лесу, пока, наконец, не подъезжаю к массивному забору из колючей проволоки. Вдалеке, на расстоянии нескольких километров, видны

ОГОНЬКИ.

Но в целом сложно рассмотреть что-либо.

Я припарковываю машину слева от главного входа возле толстых деревьев и выхожу. У меня нет с собой фонарика, так что я просто подхожу к забору и медленно начинаю идти вдоль него. Я прохожу между деревьев, придерживаясь за забор, чувствуя его пальцами. Подойдя к огонькам, слышу слабые голоса. Приблизившись, я стараюсь не издавать лишних звуков, и картина передо мной становится яснее.

Я останавливаюсь возле деревьев и смотрю через забор. Затем подхожу ближе, чтобы лучше разглядеть происходящее. Там горит костер и его окружает множество людей, одетых в белые халаты. Они поют и держатся за руки. Я прищуриваюсь, пытаюсь разглядеть, вокруг чего они все танцуют, но довольно трудно что-либо увидеть сквозь языки пламени и их развивающуюся одежду. Не знаю, что они воспевают. Не могу разобрать.

Я продолжаю смотреть на них, словно загипнотизированная. Через несколько минут они расступаются, и в центре, возле огня, я вижу нагую девочку. Она стоит на коленях, опустив голову на землю, выставляя свое крошечное тело напоказ. Тошнота подступает к горлу, и я в ужасе смотрю, как мужчина, которому на вид около шестидесяти, делает шаг вперед и ставит ее на ноги. Ей не больше двенадцати.

Она так молода. Длинные черные волосы струятся по ее телу, прикрывая большую часть наготы. Мужчина хватает и притягивает ее к себе, положив руку на едва развитое тело. Тошнота обжигает мне горло, словно огонь, и слезы выступают на глазах, когда мужчина выходит вперед и провозглашает, что молодая девушка теперь принадлежит ему, но по Божьей воле ею могут пользоваться все мужчины группы. *Божья воля.*

О, Господи.

Этой девочке требуется помощь. Кто-то должен забрать ее отсюда. Паника сжимает мою грудь, и я начинаю шарить вокруг себя в поисках телефона, но тут вспоминаю, что не взяла его с собой. Нужно позвонить в полицию, в службу защиты детей — хоть куда-то. Она слишком молода для этого. Слишком молода. Может, мне следует выйти. Может, следует потребовать, чтобы они отдали ее мне. Может...

Мои мысли резко прерываются, когда чья-то рука зажимает мой рот, и я дергаюсь назад.

Я кричу, но издаю лишь приглушенный вопль.

— Не двигайся. Не кричи.

Этот голос.

Хит.

Мое тело слабеет, и я перестаю вырываться, позволяя ему тянуть меня назад сквозь деревья. Только когда мы отходим на достаточное расстояние и уже ничего не видим, он отпускает меня. Он разворачивает меня к себе, но я не могу разглядеть его в темноте.

— Какого черта ты здесь делаешь, Люси?

— Хит? — хриплю я.

— Ответь мне, — выкрикивает он, его голос низкий и хриплый.

— Я... Я искала тебя.

— Ты должна перестать искать меня. Должна перестать задавать вопросы. Тебе просто нужно двигаться дальше, понимаешь? Я не хочу, чтобы ты еще раз возвращалась сюда. Слышишь? — шипит он сердито.

Мое сердце замирает.

— Я только хотела...

— Нет, — рычит он. — Нет. Я не буду повторять это снова.

В горле появляется ком. Он не хочет меня больше видеть.

— Я потеряла все, — шепчу я. — Пожалуйста, не прогоняй меня.

— Здесь опасно. Ты должна уйти и больше не возвращаться.

— Нет, пока не скажешь, почему мне нельзя говорить с тобой, — слабо протестую я.

Он хватается меня за руку и снова тянет в сторону, туда, где я припарковала машину. Когда мы подходим к ней, он залезает в мой карман, достает ключи и отпирает дверь со стороны водителя. Затем распаковывает ее и усаживает меня на переднее сиденье. Загорается внутреннее освещение, и я, наконец, вижу его. Мое дыхание сбивается, когда он смотрит на меня сверху вниз. Обе его руки лежат на крыше моей машины, голова наклонена набок, а его серебристые глаза направлены прямо на меня так, что я не могу пошевелиться.

— Как ты нашла это место? — требовательно спрашивает он.

Я вглядываюсь ему в глаза и чувствую, как теряю дар речи. Хочу только броситься в его объятия. Хочу, чтобы он забрал все плохое прочь.

— Люси, — пробуждает он меня от мыслей.

— Нашла в интернете.

— Чертов интернет, — бормочет он. — Тебе нужно прекратить поиски.

— Я искала *тебя*.

— Прекрати, — рычит он. — Не могу больше это обсуждать.

— Нет, — шепчу я, продолжая смотреть ему в глаза. — Ты вколол мне что-то прошлой ночью, но не можешь и дальше делать это. Не можешь продолжать убегать от меня.

— Люси, — предостерегает он. — Я защищаю тебя.

— Люди думают, что я сошла с ума, — мой голос дрожит. — И все из-за того, что полиция не говорит, где ты находишься. Они все ведут себя так, будто ты не существуешь.

— Ты когда-нибудь думала, что так нужно? Тебе пора перестать задавать вопросы, прекратить поиски. Просто все забыть.

— Ты спас мне жизнь, — шепчу я, — а потом исчез, и теперь хочешь, чтобы я просто забыла об этом?

Он вздыхает, и его взгляд на несколько секунд задерживается на моих губах, прежде чем он отводит его в сторону.

— Я не могу сейчас быть с тобой. Я работаю над серьезным делом, и нужно, чтобы ты поняла это.

— Что они там делают... — произношу я, мой голос повышается, когда я вспоминаю ту бедную молодую девочку.

— Тебе лучше не знать, — бормочет он. — Это очень опасно. Ты должна доверять мне, когда я требую оставить все как есть.

— Не могу.

Его глаза вспыхивают, а взгляд становится жестче.

— Люси...

Я поднимаю руку и пальцами легко касаюсь его щеки, очерчивая жилку, которая дергается на его лице, и когда кладу ладонь полностью ему на щеку, это прекращается.

— Ты спас мне жизнь. Понимаешь. Я потеряла все, пожалуйста...

На секунду он прикрывает глаза, а затем накрывает мою ладонь своей огромной, упираясь в нее щекой, и громко вздыхает. Моя нижняя губа дрожит. Он открывает глаза и

смотрит на мои губы, прежде чем опустить мою руку, и в этот момент она падает вниз.

— Я должен идти, Люси.

— Нет, — я плачу, голос дрожит. — Пожалуйста, не уходи снова...

— Так будет лучше, поверь. Иди домой, поправляйся, будь счастлива...

— Мой муж ушел. Я потеряла ребенка. Как после этого я могу быть счастлива?

Его глаза загораются, и жилка на щеке снова начинает дергаться.

— Мне нужно идти.

— Нет, — кричу я, выскакивая из машины, когда он отходит. — Нет, пожалуйста.

Он хватается за плечи, и я беспомощно смотрю ему в глаза.

— Люси, залезай в машину и уезжай.

— Нет.

— Боже, черт побери, — рычит он. — Ты должна прекратить так вести себя.

— Разве тебе это важно?

— Конечно, это чертовски важно для меня. Я не могу выбросить тебя из моих гребанных мыслей. Все мои силы уходят лишь на то, чтобы стараться заставить себя не приходиться к тебе, но я не могу. Разве не понимаешь? Не могу. Тебе нужно ехать домой и забыть обо мне.

— Нет.

Он обхватывает своей ладонью мой подбородок и отклоняет мою голову назад.

— Поезжай домой, маленькая Люси.

Маленькая Люси. Мое сердце колотится.

— Нет, — шепчу я.

Он издает рык где-то глубоко в груди, а затем притягивает меня к себе. Мое крохотное тельце так сильно вжимается в его, что принимает форму его тела, и тот комфорт, который я так долго искала, наполняет меня, впрочем, как и всегда, когда мы вместе. Он обнимает меня за талию и приподнимает так, что наши лица оказываются на одном уровне, и накрывает своими губами мои, сначала мягко, затем грубо и глубоко. Я позволяю ему целовать себя, хотя, на самом деле, не должна. Я позволяю ему это, потому что мне это до боли приятно.

Он отклоняется всего после нескольких ударов сердца.

— Прекрати. Искать. Меня.

— Нет, — повторяю я в очередной раз. Колени дрожат, но голос решителен.

— Боже, — ворчит он.

— Я остановилась в отеле «Белэир». Если действительно хочешь увидеть меня, поговорить обо всем, приходи. Если нет, я буду продолжать приходиться сюда снова и снова. Не собираюсь останавливаться, потому что это касается и меня тоже. Я была там. Видела, что делали эти монстры, и видела, что они делали с этой девушкой. Я пойду в полицию, с тобой или без тебя. Выбор за тобой.

Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент я сажусь в машину и хлопаю дверью, оставив его в недоумении.

Затем уезжаю, ощущая прилив сил, которого не чувствовала уже на протяжении нескольких недель.

Он не пришел.

Я сижу в отеле уже два дня. А его все нет. С каждым часом мое сердце сжимается все сильнее, потому что я понимаю, что ошиблась. Может, он и вправду не хочет, чтобы я его искала, и это меня пугает. Во что он ввязался, что буквально не может общаться с людьми? Или, может, просто хочет, чтобы я убралась к черту вместе со своим сумасшествием.

Но я всего лишь веду себя так, как от меня этого ждут.

Я ходила домой сегодня утром, чтобы забрать телефон. Он был на кухонной табуретке, а рядом лежала записка от моего отца. Я позвонила ему, как только вышла из дома, и заверила, что мне не угрожает опасность, но я хочу побыть в гостинице некоторое время, потому что не готова вернуться домой и посмотреть правде в глаза. Он попросил меня поговорить с Джерардом, и я пообещала позвонить ему, но пока еще не решила, готова ли к этому.

Я только что вернулась в номер после вылазки за китайской едой и успела покопаться в ноутбук несколько часов, изучая все, что только можно, о культах и о том, что они из себя представляют. И чем больше читала, тем больше мне становилось страшно — какие же они неадекватные и извращенные. Ужасно, что один человек может управлять сознанием большого количества людей. Неужели люди действительно верят, что Бог хотел бы всего этого?

Экстремисты. Так их называют. Их деятельность находится за гранью дозволенного. Она ужасающая.

Я запикиваю кусок цыпленка кешью в рот, в то время как телефон, находящийся около меня, звонит. На экране высвечивается имя Джерарда, и, схватив телефон, я тут же отвечаю.

— Привет, — тихо говорю я, глотая еду.

— Люси, — произносит он прохладно. — Я звоню предупредить, что мне нужно завтра прийти домой, чтобы забрать свои вещи.

Холодок в его голосе причиняет мне боль. Он никогда не разговаривал со мной так.

— И скажи ей, чтобы она искала адвоката для оформления бумаг о разводе и разделе имущества, — слышу я голос его сестры на заднем фоне.

Вот почему он так холоден. Хизер любит лезть туда, куда не следует. Она запудрила ему мозги. Это в ее стиле.

— У тебя есть ключи, Джерард, — шепчу я, мой голос такой натянутый, что его практически не слышно. — Можешь приходить, когда заблагорассудится. Не хочешь поговорить об этом?

— Не хочу приходить без твоего разрешения. Мне так спокойнее.

Чертовы юристы.

— Слушай, — начинаю я, пытаюсь подавить боль, что звучит в моем голосе, — знаю, мы через многое прошли, но не могли бы мы поговорить, как взрослые люди, без вмешательства твоей сестры?

— Ты все еще ищешь того мужчину?

— Джерард...

— Все кончено, Люси. Так будет лучше. Я не собираюсь ругаться. Развод не должен быть тяжелым и неприятным. Нам нужно все уладить и двигаться дальше, каждый своей дорогой.

— Ты и вправду запросто готов перечеркнуть все, что было между нами, после всего,

что произошло?

— Я больше так не могу, и ты в любом случае не готова бороться за нас, так что да.

— Наши отношения изменились. И ты требуешь, чтобы я признала, что сумасшедшая, но этого не будет, потому что это не так.

Он вздыхает.

— Не собираюсь снова это обсуждать. Ты сделала свой выбор. Я зайду завтра в десять утра.

— Не против, если я приду поговорить с тобой?

Он замолкает на несколько минут.

— Как хочешь, но я уже принял окончательное решение.

После этих слов он вешает трубку.

Придурок.

Я запикиваю еще один кусочек цыпленка в рот, когда раздается стук в дверь. Прищурившись, я встаю и подхожу к ней. С трудом могу дышать, когда вижу Хита, стоящего у двери с окровавленным лицом, его тело покрыто потом.

— О, Боже, — говорю я резким голосом. — Что произошло?

— Можно войти?

Я киваю и отхожу в сторону. Он входит, его длинные мускулистые ноги вышагивают по комнате, пока он не находит кровать, на которую усаживается, а затем бросает взгляд на меня. Я смотрю на него. Не понимаю, что он хочет от меня, что мне говорить или делать. Не думала, что он появится, но он здесь, сердитый и истекающий кровью.

— Я принесу лед, — произношу я, глядя на его распухшие руки.

Я устремляюсь к небольшому холодильнику, открываю его и вытаскиваю лед из небольшой морозилки над холодильным отделением. Я обворачиваю его полотенцем и, возвратившись, даю Хиту лед. Он берет его и прижимает к костяшкам пальцев, пока я изучаю его глаз. Он отек, и под ним небольшой синяк.

— Я возьму еще одно полотенце для твоего глаза.

Я бегу в ванную, смачиваю полотенце и возвращаюсь. Становлюсь перед ним на колени и прижимаю полотенце к его лицу. Он шипит, и наши взгляды встречаются. Мы смотрим друг на друга, и атмосфера в комнате резко накаляется. Он здесь. Он действительно здесь.

— Ох, — шепчу я. — Ты в порядке?

Он вглядывается в мое лицо, его взгляд опускается на мои губы, и жилка на щеке начинает дергаться.

— Ты спугала все мои мысли.

— Поэтому тебя избили?

Он качает головой.

— Я подрался с моим гребаным братом. С тобой это никак не связано.

— Ладно, — мягко говорю я.

— Ты совершенно спугала все мои мысли.

Я отвожу взгляд в сторону.

— Прости. В мои планы не входило усложнять тебе жизнь.

— Даю тебе одну ночь, Люси. Я останусь здесь. Можешь спрашивать обо всем, и я отвечу на все вопросы, на которые смогу. Но при одном условии...

— Говори, — перебиваю его я.

— Ты должна перестать искать и расспрашивать обо мне.

— И, когда ты завтра уйдешь, я больше никогда не увижу тебя.

Его глаза вспыхивают.

— Все так, как и должно быть. Помиришься с мужем, найди свой путь в жизни и будь счастлива. Поверь, когда я говорю, что ты не можешь иметь этого со мной.

Это ранит, но я стараюсь не показывать свои чувства.

— Мой муж хочет развода, и я тоже.

Его глаза вспыхивают снова.

— Ему нельзя знать обо мне.

— Хочешь, чтобы я и дальше давала всем повод думать, что сошла с ума.

— Нет, можешь сказать, что ошиблась, и меня не существует. Тогда никто не будет думать, что ты сумасшедшая.

— Но это же ложь.

— Жизнь — одно сплошное вранье, малышка Люси. Смирись с этим.

Я вздрагиваю и выпрямляю спину.

— Мне не нравятся твои условия.

— Выбирай, либо так, либо никак.

Я вздыхаю. Если он проведет со мной ночь, то пусть так и будет, я согласна. Может, эта ночь даст мне ответы, которые я так хочу получить.

— Но учти, я не буду спать с тобой.

Он ухмыляется, и от этого его лицо полностью преображается.

— Понятно, сладкая.

— Прекрати так ухмыляться, — бормочу я, вставая и забирая полотенце обратно в ванную комнату, где ополаскиваю его.

Я возвращаюсь через несколько минут и вижу, как он стоит и смотрит в мой ноутбук.

— Следующее условие, — рычит он, указывая на открытую страницу на экране, на которой описаны истории культов, — перестань читать это дерьмо. Это опасно.

— Сожалею, но ты уже озвучил свои условия. К тому же, это общедоступная информация. Я могу просматривать ее, если мне нравится.

Он смотрит на меня. Я поднимаю голову и ловлю его взгляд.

Ни один из нас не хочет отвести глаза первым.

— Здесь есть обслуживание номеров? — наконец спрашивает он. — Кажется, это будет длинная ночь.

Я улыбаюсь.

Он смотрит на мои губы и бормочет:

— Боже, я знал, что ты красива, но когда улыбаешься, становишься еще краше.

Мое сердце трепещет.

И я беру меню обслуживания номеров.

— Итак, почему ты оказался на стадионе в тот день? — спрашиваю я, наблюдая за тем, как он жует свой бифштекс. Перед этим я уже успела поесть китайской еды, поэтому

позволяю ему вдоволь полакомиться. Он выглядит совершенным даже за этим занятием. Его безупречное лицо немного ассиметрично, но это придает ему индивидуальности. Он не такой, как вы могли бы подумать — он гораздо лучше.

— Не могу рассказать тебе об этом, — говорит он, его глаза встречаются с моими. — Могу только сказать, что мы подозревали, что это случится.

— А вам не приходило в голову отменить игру? — выпаливаю я, скрещивая ноги и опираясь на спинку кровати.

Он смотрит на меня с другого конца стола, запихивая еще кусочек бифштекса в рот и, прежде чем ответить, тщательно пережевывает пищу.

— Перед игрой поступало несколько угроз, и нам пришлось реагировать на каждую — ничего не произошло. Они представляли для нас самую опасную угрозу. Но мы не можем только из-за этого каждый раз отменять игру. Люди начнут задавать вопросы, к тому же когда подобное становится достоянием общественности, все летит к чертям.

— Как думаешь, почему они выбрали тот день?

— У полицейских было совещание. Большинство присутствующих там офицеров пришли к выводу, что высока вероятность того, что они захотят проверить это. Они оказались правы.

— Значит, ты все-таки полицейский.

Он смотрит на меня, прищутив глаза, все еще прожевывая пищу.

— Был. Сейчас нет, но я... помогаю им.

— Почему?

Боль отражается на его лице.

— Не могу сказать.

Если он больше не полицейский, почему помогает им? Может, секта каким-то образом связана с ним? Может, его жена состоит в ней или ребенок? Почему он рискует жизнью, когда не должен?

— Поэтому все притворяются, что не знают тебя?

Его глаза загораются.

— Не могу вдаваться в подробности, но это делается в целях моей личной безопасности. Никто не должен знать, что я каким-то образом связан с этим делом.

— Почему? — спрашиваю я снова.

— Не могу рассказать.

— Они же могли узнать тебя там, так почему же ты был на стадионе, если хотел остаться в тени?

— Они не знали, кто я, так что мне не угрожала опасность.

— Ладно, тогда от кого ты скрываешься?

— Не могу сказать.

Я фыркаю.

— А что можешь?

Он наклоняется вперед, положив локти на колени.

— То, что это опасно.

Я закатываю глаза.

Его губы слегка дергаются.

— Ты должна доверять мне, Люси.

Я снова смотрю на него.

— Я больше не знаю, кому доверять.

— Если будешь продолжать копать, люди что-то заподозрят, и тогда не только ты будешь в опасности, но и я.

Мое лицо мрачнеет.

— Ты?

— Да, я.

Я бы никогда намеренно не причинила ему вред. Никогда.

— Мне этого не хотелось. Я не понимала...

Он вздыхает, встает, подходит к кровати и садится на нее.

— Знаю, милая. Ты просто должна доверять мне.

— Значит, я не могу видеться с тобой?

Его взгляд смягчается.

— Сейчас это не очень хорошая идея. Если пообещаешь перестать расспрашивать всех обо мне, то, возможно, я мог бы навещать тебя.

Навещать. Как будто я больна и лежу в больнице.

Я опускаю взгляд на свои руки.

— Ты все еще думаешь об этом? — шепчу я.

Он сидит на краю кровати.

— Каждую гребаную минуту всего чертова дня.

— Как ты можешь после всего спокойно жить дальше?

Он медленно выдыхает.

— У меня нет времени, чтобы остановиться и подумать.

— Спасибо, — говорю я, глядя на него снизу вверх из-под ресниц. — Я рада, что тогда сидела рядом с тобой.

Он дарит мне свою улыбку.

— И я, маленькая Люси.

Я улыбаюсь.

Он снова переводит взгляд на мои губы. Его тело напрягается, и он резко встает.

— Пойду в душ, ладно?

— Ладно, — мягко говорю я, мое сердце колотится.

— Ладно, — повторяет он тихо.

Он исчезает в ванной, и я смотрю на дверь в течение нескольких продолжительных минут, прежде чем перевожу взгляд на свои руки. Я не чувствую себя виноватой, а должна бы. Мой муж ушел, и мне абсолютно не стыдно от того, что в моей комнате сейчас находится другой мужчина. Конечно, мы ничего такого не делаем, но факт в том, что меня влечет к нему, я в этом не сомневаюсь. Я могу делать вид, что ничего не чувствую к нему, но это не так. И влечет гораздо сильнее, чем мне хотелось бы признавать.

Это до чертиков пугает меня.

Может, мое влечение — это результат реакции на произошедшее? Может, я рискую всем только для того, чтобы проснуться однажды и понять, что у меня уже ничего не осталось? Ни семьи. Ни дома. Ничего. Сейчас мое сердце уверено в своей правоте и в том, что отношения между мной и Джерардом после нападения сошли на нет, но как же все было замечательно до этого. Конечно, чувства не могут так быстро просто взять и исчезнуть.

Я до сих пор люблю Джерарда.

Только моя любовь после насилия, изменившего нашу жизнь, стала другой. Может, это

потому, что внутри меня что-то изменилось? Скорее всего, так и есть. Он не должен проходить через эту боль, пока я пытаюсь заново найти себя. Тем не менее, сама мысль о том, что однажды я проснусь и все это окажется очередным пройденным этапом, и у меня не будет того, чего я так безумно хотела всего месяц назад, пугает меня.

Если я позволю Джерарду уйти прямо сейчас, значит, окончательно отпущу его. Ради его же блага. Даже несмотря на то, что, возможно, однажды проснусь и пойму, что совершила ошибку.

Я должна следовать своему выбору.

Дверь открывается, и я быстро перевожу взгляд на нее. Выходит Хит, полотенце обернуто вокруг его талии, крепкое тело на виду. Мой рот открывается, и я даже не пытаюсь закрыть его. Он красивый. Невероятно красивый. Я знала, что он крупный, но его мышцы настолько хорошо очерчены и перекачиваются, когда он двигается, будто синхронно танцуют восхитительный танец. Его широкая грудь плавно переходит в узкую талию, которая исчезает под полотенцем. Тело покрыто татуировками, великолепными рисунками, в которых, видимо, скрыта своя история. Мне хочется спросить его, как же она заканчивается.

— Я просто пришел забрать сумку, — он кивает в сторону сумки у двери. Я и не заметила, что она была у него.

Я краснею и киваю, опуская взгляд на свои руки.

Он идет к двери, и я снова оглядываю его с ног до головы и начинаю задыхаться. Одной рукой прикрываю свой рот, и слезы обжигают глаза, когда я обращаю внимание на его спину. На его коже шрамы, выпуклые, на вид очень болезненные. Шрамы, которые рассекают его тело. Они не новые, уже серебристого цвета. Что такого могло случиться, после чего у него появились такие уродливые шрамы? Кто мог такое сделать?

Прекрати думать об этом, Люси. Скорее всего, он получил их в результате несчастного случая.

— Не спрашивай, — рычит он. Наши взгляды встречаются, когда он поворачивается ко мне лицом. — Никогда не спрашивай об этом.

Я киваю, глотая ком в горле.

Продолжительное мгновение он смотрит мне в глаза, а затем уходит обратно в ванную.

Во что я, черт возьми, ввязалась?

Хуже того, во что ввязался он?

— Что случилось с твоим мужем? — спрашивает Хит, спустя некоторое время после того, как принял душ, и неловкое молчание между нами исчезло.

Я встаю с кровати и сажусь рядом с ним на диван на расстоянии вытянутой руки. Так сейчас будет правильнее всего.

— У него возникли проблемы, отчасти из-за меня, отчасти по его собственной вине.

— Это не твоя вина, — бормочет он.

— Нет, но я так отчаянно хотела тебя найти. И чем больше все твердили, что ты не существуешь, тем сильнее я пыталась. Вскоре я перестала тебя искать и подумала, может, они правы, и я действительно схожу с ума. Потом что-то случилось, и я уже не верила в это, поэтому старалась еще сильнее найти тебя, пытаюсь доказать им, что они ошибаются. Джерард сказал, что я совсем расклеилась, и хотел, чтобы я обратилась за помощью. Он поставил меня перед выбором — или я обращаюсь за помощью или он уходит.

— И ты позволила ему уйти.

Мое сердце сжимается, и я киваю, глотая слезы.

— Я позволила ему уйти, потому что к тому моменту уже приняла решение порвать с ним. Как и он. Я поступила так не потому, что хотела отстоять свою точку зрения, а потому, что он был уже не тем мужем, которого я знала. Он просто хотел, чтобы все закончилось, но не знал, как это сделать, и лишь хотел, чтобы я перестала страдать. С ним всегда было так. Когда все хорошо, он счастлив, но стоит чему-то пойти не так, ему становится трудно.

— Он должен был поддержать тебя.

Я отворачиваюсь, и слеза скатывается по моей щеке.

— Да, должен был. Но он решил иначе. Для него все это было слишком тяжело. Мне уж точно было нелегко.

— Тебе и не должно было быть легко, ведь тебе было больно. Ты винишь его в том, что его не было тогда на стадионе, когда ты больше всего в нем нуждалась?

Я киваю, по-прежнему глядя в сторону.

— Работа всегда была неотъемлемой частью его жизни. Когда мы узнали о беременности, я подумала, что все изменится, но не тут то было. Его работа всегда стояла на первом месте, и, думаю, он впервые страдал из-за ее отсутствия.

— Жестокий урок.

Я сглатываю.

Держи себя в руках, Люси.

— Ты потеряла ребенка, — мягко говорит он. — Ты винишь его в этом?

Я вздрагиваю.

Эта мысль ни на секунду не приходила мне в голову, но слова Хита разжигают огонь в груди, который уже начал разгораться где-то глубоко внутри. Яростный огонь, о котором я даже не подозревала. Так и есть, я виню Джерарда. Он должен был быть со мной на стадионе. Тогда мне было бы не так страшно.

Секундой позже я чувствую вину за свои мысли и гоню их прочь. Я бы все равно потеряла ребенка. Это не его вина.

— И да, и нет, — шепчу я.

— Ты в порядке?

Я поворачиваюсь лицом к окну, все мое тело протестует против слез, которые так отчаянно хотят вырваться наружу.

— В порядке, — хриплю я.

— Люси, посмотри на меня.

— Я не могу, Хит.

— Милая, — выговаривает он, сейчас его голос мягче, нежнее. — Взгляни на меня.

Я поворачиваюсь к нему, и в момент, когда перевожу на него взгляд, слезы вырываются наружу и бегут вниз по моим щекам. Он преодолевает расстояние между нами, притягивает меня к себе на колени и укутывает мое крошечное тело своими руками. Мне становится так спокойно, но я ненавижу себя за то, что так сильно завишу от него. Ненавижу, потому что, когда он покинет меня завтра утром, я буду опустошена, и вряд ли снова смогу справиться со своими эмоциями.

— Тебе не нужно быть сильной, — бормочет он мне в волосы.

— Я потеряла ребенка, — рыдаю я. — Я хотела его так сильно, но потеряла. Потеряла мужа. Потеряла все.

— Все пройдет. Знаю, сейчас тебе так не кажется, но твоему мужу, скорее всего, просто нужно время, и...

— Я не хочу, чтобы он возвращался.

Тело Хита напрягается.

— Ты ведь так не думаешь, Люси.

— Думаю, — плачу я, отстраняясь и глядя ему в глаза. — И это пугает меня, потому что я боюсь, что это временное желание. Но прямо здесь, сейчас, в этот момент, я не хочу, чтобы он возвращался. Просто... не хочу.

— Тебе больно. Жизнь перевернулась вверх дном. Повремени. Послушай моего совета, не принимай никаких серьезных решений, пока не будешь уверена в том, чего хочешь.

— Я не хочу, чтобы он возвращался, — шепчу я, прежде чем могу себя остановить. — Не хочу, потому что он мне не нужен. Мне нужен *ты*.

Он на долю секунды прикрывает глаза.

— Ты всего лишь *думаешь*, что я нужен тебе, но, милая, это не так. Я просто ассоциируюсь с безопасностью, которую ты испытывала во время захвата стадиона. Теперь, когда тебе больно, я словно обезболивающее. Дарю ощущение комфорта. Заставляю чувствовать себя лучше. Ничего больше, только это.

— Не правда, — хриплю я. — Не веди себя так, будто не чувствуешь то же самое.

— Люси, — произносит он, в его голосе слышится предупреждение. — Ты замужем.

— Больше нет, — отчаянно твержу я, ненавидя себя за то, что так сильно нуждаюсь в нем.

— Милая, — бормочет он.

— Просто признай это. Скажи, что чувствуешь то же самое.

На секунду он отводит взгляд в сторону, и, не подумав, я обхватываю ладонью его подбородок, поворачивая его лицо снова к себе. Затем придвигаюсь ближе и прижимаюсь губами к его губам. Он издает рык глубоко в груди, его рука сжимается на моей талии, и на мгновение мне кажется, что он собирается поцеловать меня. Его губы раскрываются мне навстречу, мой язык касается его языка, и между нами пробегает искра.

Но он отклоняется назад.

— Я ничего не чувствую, — произносит он, оставив меня одну на диване. — Я не могу этого сделать. Ты замужем, а я неподходящий для тебя мужчина. И никогда не был им. Ты просто думаешь, что хочешь этого, Люси. Но на самом деле, это не так. Мне нужно идти.

Я сижу на диване, стыд наполняет мою грудь, натягивая каждое нервное окончание. Я не могу пошевелиться. Я в ужасе.

— Мне жаль, — бормочет он. — Правда, очень жаль.

Затем он берет свою сумку и уходит.

Как всегда.

Я замедляюсь, приближаясь к входной двери своего дома, когда слышу голоса, доносящиеся изнутри. Здесь Джерард вместе со своей сестрой, Хизер. Не знаю, смогу ли выдержать разговор с ними. Я устала, запуталась, и после прошедшей ночи не знаю, что со мной происходит. Мои волосы растрепаны, одежда испачкана, и я чувствую себя полным дерьмом. Тем не менее, я захожу в дом с готовностью выдержать любые испытания, что уготовила мне судьба, потому что именно это я и должна сделать.

Должна поступить правильно.

— Он наверху.

Я вздрагиваю, услышав резкий голос Хизер, и поворачиваюсь, чтобы увидеть ее, стоящую на кухне и складывающую кофейные кружки из наших шкафов в коробку, которая стоит прямо перед ней. Те самые кружки, что принадлежат мне, черт побери. Ее глаза, такого же оттенка, что и у Джерарда, впиваются в меня. Длинные до плеч волосы распущены, коротко подстрижены, идеально прямые, но это делает ее похожей на заносчивого сноба. Подождите-ка, *она и есть заносчивый сноб*.

— Отлично, — бормочу я, поворачиваясь в сторону лестницы.

— Он заслуживает лучшего, ты же знаешь.

Я замираю и поворачиваюсь к ней лицом.

— Слушай, Хизер, я знаю, ты меня недолюбливаешь, и поверь, это взаимно, но это не моя вина. Я не хотела стать свидетельницей того, чего в тот день стала, или принимать в этом участие. У меня не было выбора.

— Согласна, у тебя не было выбора, и то, что произошло, ужасно, но ты сама решила вести себя так после всего этого.

— Я потеряла ребенка, видела такие ужасные вещи и пережила психологическую травму — как я должна была вести себя? — грубо отвечаю я ей.

Она скрещивает руки на груди.

— Мы бы поняли тебя, если бы ты все время не говорила о том мужчине на стадионе, которого, как все мы знаем, там не было... но ты продолжала настаивать, и тем самым все дальше отталкивала своего мужа.

— Это не твое дело, — рычу я.

— Прекратите.

Я поворачиваюсь и вижу Джерарда, стоящего у подножия лестницы; он смотрит прямо на меня.

— Хизер, пожалуйста, можешь ненадолго оставить меня с Люси наедине?

Хизер бросает на меня взгляд, затем кивает и сообщает ему:

— Я буду снаружи, если понадобится.

Она исчезает за дверью, и я снова сосредоточиваюсь на Джерарде.

— Привет, — мягко произношу я.

— Привет. Послушай, мы можем сесть и обсудить все это?

Он ведет себя бесстрастно.

Полагаю, в нашей ситуации так и должно быть. Я киваю.

Мы оба направляемся в гостиную и садимся на диван. Некоторое время никто из нас не

произносит ни слова, пока, в конце концов, Джерард не спрашивает:

— Как дела?

— Лучше, чем могло бы быть.

— Ты неважно выглядишь.

— Наш брак распался. Вряд ли я должна прыгать от счастья.

— Думаешь, я хотел этого? Боже, Люси. Ты моя жена, но я не могу больше терпеть. Это несправедливо по отношению к каждому из нас.

— Я уважаю твое решение, но мне больно, — говорю я, мои губы дрожат. — И вместо того, чтобы поддержать, ты пытался убедить меня в том, что я сошла с ума.

— Ты постоянно говорила о человеке, которого не существует. Я не мог просто сидеть сложа руки и мириться с этим. Не знаю, что ты хотела, чтобы я сделал?

— Он существует, Джерард. Я не должна доказывать тебе это, потому что знаю, что реально, а что нет. Поэтому я здесь — мне нужно тебе кое-что сказать.

Он с жалостью смотрит на меня.

— Он приходил ко мне вчера вечером в гостиницу.

Джерард сжимает губы.

— И... я поцеловала его. Не только вчера, но и за несколько дней до этого. Прости. Я решила, ты имеешь право знать.

Долгое время он молчит, и из-за этого я чувствую себя ужасно. Несмотря на то, что мы разошлись, мы все еще женаты, и я не должна была так поступать, как бы мне этого ни хотелось.

— Джерард, — говорю я через несколько минут.

Его взгляд направлен прямо перед собой, лицо ничего не выражает. Затем он резко встает.

— Джерард! — восклицаю я. — Прости. Я просто пытаюсь быть честной.

Он резко поворачивается и смотрит на меня свирепым взглядом.

— Ты окончательно спятила, Люси. Я не могу больше наблюдать за этим сложа руки. Не могу просто сидеть здесь и смотреть на твои якобы существующие отношения с этим мужчиной.

Я чувствую себя так, будто получила удар под дых. Он не сердится из-за того, что я поцеловала другого, он сердится, потому что считает, что я до сих пор выдумываю это.

— Он выполняет опасную миссию, поэтому никто не говорит мне, где он, но он существует, Джерард. Я не вру.

— Ты слышишь себя? — он горько смеется. — Люси, если честно, это бред.

— Перестань, — умоляю я, гнев закипает в моей груди. — Прекрати относиться ко мне, как к чокнутой.

— С тобой, правда, что-то не так. Его не существует, сколько раз тебе должны это повторить? Я искал его, расспрашивал людей о нем. Его не существует. Мне жаль, у тебя сейчас сложный период, но тебе нужно обратиться за помощью.

Я смотрю на него и понимаю, что он не готов поверить мне. До тех пор, пока собственными глазами не увидит, Джерард никогда не поверит, что Хит настоящий, а я никогда не смогу этого сделать, потому что он опять ушел в подполье. Я только что снова выставила себя сумасшедшей, и мне надоело пытаться убедить своего мужа в обратном. Правда в том, что, даже если я и сошла с ума и выдумала Хита, Джерард все равно должен был поддержать меня. Он должен был помочь мне справиться с этим.

Но мы оба решили, что лучше разойтись.

— Собирай свои вещи и вали из моего дома, — говорю я ледяным тоном.

Он моргает.

— Я найму адвоката для оформления документов о разводе. Если потребуется продать дом, я согласна. Забирай свои вещи. Остальное предоставь нашим адвокатам. Не ищи меня. Не звони. С меня хватит.

— Люси...

— Нет, — перебиваю его я. — Сумасшедшая я или нет, ты должен был оставаться моим мужем. И только что ты доказал, что не готов поддерживать меня. Я заслуживаю лучшего. Пострадала я, а не ты. Неважно, существует Хит или нет — ты в любом случае должен быть на моей стороне.

— Ты не оставила мне выбора, — оправдывается он.

— Собирай свои вещи и убирайся из нашего дома, — говорю я спокойно, слишком спокойно. — Я вернусь во второй половине дня. Надеюсь, все твои вещи и ты в том числе к тому времени исчезните отсюда.

Затем я подхожу к входной двери и выхожу на улицу, прежде чем он сможет сказать хоть слово.

С каждым шагом, пока я приближаюсь к машине, мое сердце разрывается на части. Мой брак разрушен.

Что, черт возьми, мне делать дальше?

Прошли долгие три недели с тех пор, как Хит покинул мой гостиничный номер, и мой брак окончательно развалился. После этого я больше не разговаривала с Джерардом, только через адвокатов. Мы разделили имущество поровну, потому что у нас не было детей. Он сказал, что я могу оставить дом себе, если он получит все свои деньги, сбережения и вещи. Я согласилась. Он может делать, что хочет. Мы окончательно уладили вопрос о разделе имущества, и нам осталось только подписать бумаги. После этого все будет кончено.

Я вернулась на работу через неделю после того, как он ушел, и медленно, но верно, моя жизнь, кажется, возвращается в былое русло. Мои родители часто приезжают ко мне, мама очень много готовит, и в холодильнике и морозильнике полно еды, которой можно было бы год кормить небольшую армию. Я позволяю ей делать это, потому что она беспокоится обо мне, и я ее понимаю. Я тоже беспокоюсь о себе. Но продолжаю изо дня в день идти дальше, шаг за шагом.

Ладно, это больше похоже на существование, чем на жизнь, но неважно.

Я не пыталась связаться с Хитом, отчасти потому, что мне было необходимо время, чтобы попытаться разобраться в себе, а отчасти потому, что мне до сих пор больно от того, как он ушел. Неужели я давила на него? Он считает меня немного неуравновешенной? Все эти мысли проносятся снова и снова в моей голове, вопросы, на которые я не могу получить ответы. Хотя, может, они мне и не нужны.

Сегодня первый день, когда я одна рискнула выйти из дома, не считая работы. Я решила

купить новую одежду, полагая, что это заставит меня чувствовать себя лучше. Вместо этого я хожу по торговому центру около двух часов, глядя отрешенным взглядом на витрины магазинов. Прохожу мимо людей, даже не замечая их. Будто меня здесь нет. Интересно, стану ли я когда-нибудь прежней?

И, как и любое другое мгновение, это изменило все.

Одно из таких, что приходит к вам, когда вы меньше всего этого ожидаете, когда вы расслаблены и не подготовлены. Они посланы испытать вас.

Я иду вперед, затем останавливаюсь. Потому что в нескольких метрах от меня стоит молодая девушка, которую я видела в ночь совершения культового обряда. Она стоит в середине торгового центра, глядя прямо перед собой, временами осматриваясь вокруг. Она выглядит растерянной, быть может, немного запутанной, но она одна, и я действую прежде, чем успеваю подумать. Я просто стремительно двигаюсь к ней, расталкивая людей со своего пути.

Она поворачивается до того, как я успеваю подойти к ней, и смотрит прямо на меня. Кажется, она не узнает меня, но выглядит напуганной. Не теряя времени, я устремляюсь к ней и заставляю себя замедлиться и нежно улыбнуться, подходя все ближе и ближе. Она такая красивая, что захватывает дух. Ей определенно не больше двенадцати лет, в крайнем случае, тринадцать, и от этой мысли мне становится тошно.

— Привет, — мягко говорю я, остановившись перед ней.

Она смотрит на меня кристально-голубыми глазами, ее темные волосы свободно ниспадают на плечи. На ней простая кофта и длинная юбка, которая касается земли, а под кофтой белая рубашка. В целом, вся ее кожа, за исключением кистей рук и лица, прикрыта. Она выглядит напуганной, усталой и, безусловно, смущенной.

— Меня зовут Люси. Я знаю, ты не знаешь меня, но я знаю тебя.

Ее губы немного дергаются.

— Я просто хотела убедиться, что ты в порядке.

Ее глаза вспыхивают, и она снова нервно оглядывается по сторонам.

— Кто-то ищет тебя? — осторожно спрашиваю я.

Ее глаза снова находят мои, она выглядит такой напуганной.

— Я не знаю вас, — тихо произносит она. — Пожалуйста, уходите.

— Я знаю, что ты не знаешь меня, но я тебя знаю. Видела раньше. Я знаю... знаю, что с тобой происходит.

Ее глаза становятся огромными, словно блюдца, и она отступает назад на несколько шагов.

— Я здесь не для того, чтобы причинить тебе боль, — осторожно начинаю я. — Всего лишь хочу помочь. Ты не заслуживаешь того, что с тобой там сделали. Я могу помочь...

Ее нижняя губа дрожит.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я, протягивая свою руку.

— Х-Х-Хейли.

— Приятно познакомиться, Хейли.

Она потирает плечи, нервно озираясь по сторонам.

— Ты потерялась?

— Нет, — шепчет она. — Я сбежала.

— Тебя нужно куда-то отвести?

Она качает головой.

— Они вот-вот будут здесь. Я не могу сбежать. Я никогда не смогу уйти достаточно далеко.

— Хейли, — говорю я, подойдя ближе. — Ты сможешь. Я могу помочь тебе. И полиция. То, что они делают неправильно, и...

— Нет, — всхлипывает она, окидывая взглядом переполненный торговый центр. — Не нужно полиции. Нет. Он сказал, никакой полиции.

— Кто сказал? — шепчу я, пытаюсь не напугать ее больше, чем уже напугала.

— Я не могу больше говорить, — лепечет она, ее голос звучит так тихо, что я едва его слышу.

— Позволь мне вытащить тебя отсюда, Хейли. Пожалуйста. Я могу помочь тебе.

— Никто не может мне помочь.

— Хейли!

Холодный грубый голос заставляет меня обернуться и посмотреть на мужчину, идущего по направлению к нам. Он одет в белую рубашку на пуговицах и черные штаны, у него седые волосы. И именно в нем я узнаю мужчину, которому была передана Хейли, когда я наблюдала за тем нездоровым ритуалом той ночью. Он старше, чем я думала, и моя кровь холодеет.

— Пора идти, — говорит он, останавливаясь рядом с ней, не сводя при этом с меня взгляда.

Мне становится не по себе. Я чувствую, как от одного его взгляда ко мне подступает тошнота.

— Я просто п-п-потерялась и попросила эту милую даму помочь мне, — шепчет Хейли, потупив взгляд.

— Спасибо, что помогли, — говорит мужчина, все еще не сводя с меня взгляда.

— Вам не сойдет это с рук, — отрезаю я.

Он держится хладнокровно.

— Не понимаю о чем вы, но спасибо, что помогли моей дочери.

— Она не твоя дочь, и мы оба это знаем. Ты, больной ублюдок! — визжу я.

— Пойдем, Хейли, — говорит он, уводя ее, придерживая за предплечье.

— Отпусти ее! — всхлипываю я, бросаясь вслед за ними. — Отпусти ее, грязный ублюдок!

Подходит сотрудник службы безопасности и кладет руку мне на плечо.

— Мисс, пожалуйста, успокойтесь!

— Не позволяйте ей уйти с ним. Он извращенец. Грязный сукин сын.

Мужчина смотрит на офицера.

— Простите, мы с дочерью пришли за покупками, а эта девушка появилась из ниоткуда. Кажется, она ее с кем-то перепутала.

— Мисс, это ваш отец? — спрашивает охранник Хейли.

— Скажи им правду, Хейли, — прошу ее я. — Они могут помочь тебе.

— Он мой отец, — говорит она, глядя куда угодно, только не на меня.

— Она вынуждена говорить это! — кричу я, когда офицер тянет меня прочь. — Пожалуйста!

— Спасибо, офицер, — говорит сукин сын, глядя на меня, прежде чем исчезнуть с Хейли.

— Не позволяйте им уйти! — кричу я.

Охранник оттаскивает меня в тихий коридор.

— Успокойтесь, или я буду вынужден вызвать полицию.

Нет. Только не это. С меня достаточно полиции. Единственное, что они делают, это обманывают меня.

Он смотрит на меня, и я понимаю, что должна сделать вид, будто успокоилась, иначе не выберусь отсюда. Я кладу руку на сердце.

— Простите, я, наверное, действительно перепутала. Я недавно потеряла свою сестру из-за ужасного мужчины. И подумала, что это он.

Его лицо слегка смягчается.

— Сочувствую вам, но вы не можете бегать в торговых центрах и орать на людей.

Я киваю, глядя на него из-под ресниц.

— Простите.

— Думаю, вам нужно пойти домой, пока еще чего-нибудь не произошло.

Я киваю.

— Простите, сэр.

Он тоже кивает, и я захожу обратно в торговый центр. Я иду в том направлении, куда мужчина повел Хейли, но только целый час бегаю по кругу. Они ушли. Разочарованная, сердитая и отчаявшаяся я иду по направлению к машине и еду домой. Я думаю о ней все время. Она была так напугана. Так одинока. Кто-то должен ей помочь — она в ловушке.

Я не могу допустить, чтобы это продолжалось.

Я должна что-то сделать.

Только войдя в дом, я осознаю, что что-то не так.

Это ощущается сильнее, чем что-либо. Не понимаю почему, но что-то изменилось. Я осматриваюсь, бегло пробегая взглядом по мебели, кухне — ничего. Я медленно поворачиваюсь в сторону лестницы и вижу его. Он стоит, скрестив руки, и смотрит на меня. Это застаёт меня врасплох, и я отскакиваю назад, одной рукой прикрыв рот, чтобы заглушить крик.

— Хит? — наконец выдавливаю я.

Он спускается и выходит на свет. Он разозлен. И очень сильно.

Ему все известно.

Я сглатываю.

— Что. Черт возьми. С тобой. Не так? — слова хлещут, словно кнут, и я отступаю ещё на один шаг назад.

— Она была одна, напуганная... Я просто пыталась помочь.

— Я же говорил тебе держаться от этого подальше, — он рычит так громко, что я вздрагиваю.

Он страшен в гневе. *Реально страшен.*

Но я так просто не сдамся.

— Да? Что ж, мне уже надоело выслушивать тебя, к тому же, ты никогда не бываешь рядом достаточно долго, чтобы твоё мнение имело хоть какое-то значение, — кричу я в ответ.

Его челюсть дергается.

— Хочешь, чтобы тебе навредили?

— Может быть, — выплевываю я.

— Боже, Люси! Что, черт возьми, с тобой творится? — вопит он так громко, что его большое тело содрогается при каждом слове. — Кричать посреди торгового центра!

— Пошел ты.

Он моргает.

— Прости, что?

— Я сказала, — кричу я, подбегая и тыкая пальцем ему в грудь, — Пошел. Ты.

— Прекрати, — предупреждает он.

— Или что? — с вызовом спрашиваю я. — Снова сбежишь? Давай, черт возьми, вперед. Хит. Мне все равно. Этой девушке нужна помощь, и никакие твои слова меня не остановят, пока я не буду уверена в том, что ей помогли. И я сделаю для этого все. Так что проваливай к черту.

Его большое тело движется быстро, он хватает меня и прижимает к ближайшей стене. Я с трудом могу дышать, когда он наваливается на меня всем телом, стискивая так, что я не могу пошевелиться.

— Какая же ты строптивая, заносчивая, но в то же время прекрасная женщина.

После этих слов его губы впиваются в мои.

В ответ с моих губ слетает стон. Как же мне надоело притворяться. Я хочу его. И не намерена больше ждать. Я отвечаю на его поцелуй, и, когда его язык скользит мне в рот, я

стону в знак приветствия. Поцелуй наполнен страстью, гневом и немного отчаянием — такой, каким и должен быть настоящий поцелуй. Я жадно хватаюсь за его рубашку, не в силах сдерживать себя ни секундой дольше, тяну ее вверх, и он отклоняется, чтобы я могла стащить ее через голову.

Его тело такое крепкое. Кожа такая горячая.

Я прижимаюсь губами к его плечу и провожу языком вдоль ключицы, к шее. Он стонет, хватая мою рубашку и стягивает так же быстро, как и я сняла его. Его огромная рука находит мою грудь, полностью накрывая ее. Я стону и выгибаюсь ему навстречу. Свободной рукой он расстегивает мой лифчик, позволяя тому упасть на пол, затем наклоняет голову и всасывает сосок, пытаясь вытащить меня из джинсов.

— О, Боже, — стону я.

Он кусает меня.

Боль пронизывает все мое тело, но я выгибаюсь навстречу ему еще больше, трусь бедрами о его руку, пока он снимает с меня джинсы. Следом идут мои трусики, и он рычит от удовольствия, когда его рука находит влажность между моих ног.

— Такая сладкая, как я себе и представлял.

Я дрожу в его руках, протягиваю руку к его джинсам и расстегиваю верхнюю пуговицу. После этого они сразу же спадают, и я понимаю, что под ними нет нижнего белья. От одной мысли об этом у меня текут слюнки, и мой взгляд опускается вниз. Его член прекрасен, а размеры пугают. У меня было не так уж много мужчин — двое, если честно, — и никто из них не был так оснащен. Он огромный, не слишком длинный, но толстый. Я сглатываю.

— О, Боже.

— Да, — рычит он, хватая меня за ногу и обвивая ее вокруг своего бедра. — О, Боже.

Наши взгляды встречаются, и он располагает свой член между нами, и, перед тем как войти в меня, смотрит на меня самым похотливым, самым сексуальным взглядом, который я когда-либо видела. Он делает это одним плавным движением, не слишком быстро, не слишком медленно, именно так, как нужно. Я жадно хватаю ртом воздух, и та нога, на которой стою, дрожит, когда смесь боли и удовольствия пронзает мое тело. Он подхватывает меня за ягодицы и поднимает, освобождая мою бедную ногу от попыток удержаться.

Затем он трахает меня.

Не медленно, а жестко и быстро.

Я запутываю пальцы в его волосах и рывком притягиваю его губы к себе, целуя и кусая их, пока он вдавливая мое тело в стену. Мы оба охаем, стонем, материмся. Я прикусываю его нижнюю губу. Он рычит, отрывает меня от стены на несколько сантиметров и снова вдавливая в нее.

— Будь осторожна, милая, — предупреждает он, проникая в меня все сильнее и жестче.

— Или что? — я задыхаюсь, упираясь головой в стену.

Он наклоняется и начинает ласкать мою шею, а затем кусает ее. Жестко, больно и сильно. Я кричу и впиваюсь ногтями ему в плечо, заставляя его скулить.

— Трахни себя, — шепчу я. — Мудак.

— Я трахаю тебя, детка.

Ни один мужчина никогда не говорил со мной так развратно. Джерард, конечно же, был не таким.

Но меня это заводит.

Очень.

Оргазм, словно огненная лава, возникает внизу моего живота и медленно распространяется вверх, пока Хит вонзается в меня снова и снова. То, что мы достигаем освобождения одновременно, не случайно. Мы оба вскрикиваем, когда на нас обрушивается самый лучший, самый яркий, самый прекрасный оргазм. Я хватаюсь за него, тело сотрясает дрожь, мой сексуальный опыт безусловно несравним с его. Я чувствую каждый толчок, когда он изливается в меня. Это невероятно.

На то, чтобы спуститься с небес, куда мы поднялись вместе, уходит несколько минут, и когда мы приходим в себя, он осторожно отпускает меня и позволяет моим ногам снова коснуться пола. С минуту я просто стою там. Мои ноги слабы, глаза направлены вниз. Что я наделала? О, Боже. Что я наделала? Я кладу руки ему на грудь, отталкиваю и мчусь вверх по лестнице.

— Люси! — он кричит мне вслед, но я не останавливаюсь.

Я влетаю к себе в спальню, захлопываю дверь и, сползая по ней вниз, опускаю голову на свои руки. Не прошло и месяца, как я рассталась с мужем, а я уже в постели с другим мужчиной. Что, черт возьми, со мной не так? Слезы наворачиваются на глаза и бегут вниз по щекам. Я отвратительна.

— Люси! — Хит колотит кулаком по двери. — Открой.

Я не отвечаю.

— Открой дверь, или я влезу через проклятое окно.

Я бросаю взгляд на окно и замечаю, что оно распахнуто. Вот как он проник в дом.

Придурок.

— У тебя три секунды, иначе я влезу к тебе через это окно.

Я передвигаюсь вперед, и он, должно быть, слышит это, потому что через секунду открывает дверь и он входит в комнату голый по пояс. Джинсы на нем, но расстегнуты. Волосы в беспорядке, тело — образец совершенства, и, черт побери, он выглядит до неприличия великолепно. Он опускается передо мной на колени и, обхватив ладонью мой подбородок, отклоняет голову назад.

— Не вини себя.

— Мы с мужем разошлись только несколько недель назад, а я уже сплю с другим мужчиной.

— Во-первых, запомни, твой муж сам ушел от тебя, так что ты не сделала ничего плохого. Во-вторых, я не просто другой мужчина, и ты это знаешь.

Проклятье, он прав.

Снова.

Я отворачиваюсь.

— Не вини себя. Это должно было случиться. Не важно, сейчас или через месяц — ты все равно стала бы моей, и ты это знаешь.

— Я ненавижу тебя, придурок, — бормочу я.

Я смотрю на него снизу вверх, а он, ухмыляясь, глядит на меня сверху вниз.

— Ты не ненавидишь меня. Теперь вставай. Пойдем в душ.

— Нет, не пойдем.

Его глаза вспыхивают.

— О, не спорь. Либо ты идешь со мной добровольно, либо я переброшу тебя через плечо, но, так или иначе, будет по-моему.

Я с вызовом смотрю на него.

— Ты сделала свой выбор, — он наклоняется вперед, перекидывает меня через плечо и встает. Я не могу сдержать улыбку, расплзающуюся по моему лицу. Этот мужчина. Он внес в мою жизнь хаос, но мне нравится это.

— Прекрати улыбаться, — бормочет он, входя в ванную.

— Не обольщайся, — фыркаю я.

Он шлепает меня по заднице.

Я ничего не могу с собой поделаться. И хихикаю.

И это удивительно, потому что, мне кажется, будто прошла целая вечность с тех пор, как в последний раз это делала.

Вечность.

— Не могу поверить, что мы делаем это, — бормочу я в ту же ночь, прикасаясь к коже Хита, когда мы лежим в постели.

— Перестань думать об этом.

— Все считают, что ты не существуешь. Тебя вижу только я, и все же я здесь, с тобой, в одной постели. Что-то здесь не так.

— Да уж. Ты слишком много думаешь об этом.

Я закатываю глаза, хотя он этого не может видеть.

— Не закатывай глаза.

Я резко сажусь и смотрю на него сверху вниз.

— Откуда ты знаешь, что я это сделала?

— Почувствовал.

Я фыркаю.

— Ладно. Ты супершпион или что-то вроде того?

Он усмехается.

Я снова укладываю голову ему на грудь.

— Серьезно, как тебе всегда удается узнать, где я?

— У меня есть, кому присматривать за тобой.

Я морщусь нос.

— У тебя есть, кому присматривать за мной? И кто же это? Ты?

Он ворчит.

— Нет. Не всегда. Чаще всего это кто-то другой.

— Кто-то? Кто? — вскрикиваю я и снова сажусь.

Он изучает мое лицо, и его ухмылка перерастает в улыбку.

— Знакомые, которые помогают.

Я фыркаю.

— Просто скажи, чем ты занимаешься?

Он перестает улыбаться.

— Мне, правда, хочется сказать тебе это, поверь, но не сейчас. Я зашел слишком далеко.

— Я тоже.

Рукой он проводит вверх по моему позвоночнику, задерживаясь между лопатками.

— Ты — нет. И будешь держаться в стороне.

— Эта девушка напугана и одинока, не говоря уже обо всех остальных, которые, вероятно, тоже застряли в этой секте. Я просто не могу оставаться в стороне, Хит. Им нужна помощь.

— Именно над этим я и работаю. Вмешавшись, ты сделаешь только хуже.

— Тогда позволь мне помочь.

Его взгляд непреклонен.

— Ни за что, мать твою.

— Пожалуйста, позволь мне помочь. Я могу что-то сделать. Могу разузнать информацию...

— Нет, не можешь. После твоего небольшого представления в торговом центре, им известно кто ты. Тебя не должны снова видеть с ними или со мной.

Я сглатываю комок, образовавшийся в горле.

— И что? Я для тебя просто девочка по вызову, которую ты навещаешь, когда тебе вздумается?

Он вздыхает и перемещает руку выше, собирая мои волосы в кулак.

— Не говори так. Ты знаешь, что значишь для меня больше, Люси. Я тоже хочу видеться с тобой чаще, но не могу.

— По крайней мере, дай мне возможность поддерживать с тобой связь, — говорю я. — Если хочешь, чтобы я перестала искать тебя и влезать в это дело, то должен дать мне хоть что-нибудь.

— Черт, да ты просто заноза в заднице. Когда-то ты была милой, я уверен.

Я улыбаюсь.

Он обхватывает мое лицо своими ладонями.

— Прекрасно. Я дам тебе номер телефона, по которому ты сможешь позвонить мне, но имей в виду, он часто отключен, и я не всегда смогу ответить.

Моя улыбка становится еще шире.

Его взгляд опускается на мои губы.

— Черт. Придвигайся сюда и дай мне снова поцеловать эти губы. Я с ними не закончил. Я наклоняюсь и подставляю ему свои губы, от которых он еще долго не может оторваться.

Когда это, наконец, происходит, мы оба с трудом можем дышать.

— Не слишком быстро для следующего раза? — выдыхаю я.

Он усмехается.

— Я трахнул тебя дважды, милая. Дай ему немного передохнуть.

Мой взгляд опускается на его обнаженную грудь. Боже, он прекрасен.

— Хорошо, — бормочу я.

Он действует быстро, переворачивая и прижимая меня спиной к матрасу.

— Кажется, ты говорил, что тебе нужно время, — говорю я, мой голос звучит мягко, низко и соблазнительно даже для моих собственных ушей.

— Нужно. Но это не значит, что я не могу снова заставить тебя выкрикивать мое имя.

Я сглатываю и бросаю на него взгляд из-под ресниц.

— О, да?

Он скользит вниз по моему телу, хватая колени и нежно разводя их в стороны.

— О, да, — бормочет он прямо перед тем, как прижать свои губы между моих ног.
О. Боже.

— Люси!

Стук в дверь пробуждает меня ото сна, и мне требуется несколько минут, чтобы прийти в себя. Я в объятиях Хита. Его горячее и крепкое тело надежно окутывает меня. Мне не хочется шевелиться. Хочется весь день лежать так с ним. Но кто бы ни стоял у двери, он не даст этому случиться.

Я выбираюсь из постели, встаю на ноги и, пробежав пальцами по своим волосам, прислушиваюсь.

— Люси!

Джерард.

Черт.

Мое сердце колотится, я поворачиваюсь и пихаю Хита в плечо. Недовольно ворча, он просыпается и смотрит на меня. Выражение его лица говорит о том, что он совсем не удивлен.

— Что такое?

— Здесь Джерард. Мне нужно открыть дверь.

Я не даю ему возможности ответить. Просто накидываю на себя халат и выбегаю из комнаты, захлопнув за собой дверь. Я бегу вниз по лестнице к входной двери. Открыв ее, я вижу на пороге разозленных Джерарда и Хизер.

— Спасибо, что разбудили, — бормочу я. — Что случилось?

— Случилось то, что ты требуешь больше, чем мы договаривались, — выпаливает Хизер.

Я выпучиваю на нее глаза.

— Прости, а когда Джерард научился говорить? С твоего позволения, я буду обсуждать это с ним, а не с тобой. Последний раз, когда я проверяла, мы с тобой не были женаты.

Она мрачно смотрит на меня.

Я обращаюсь к Джерарду:

— Ты что, не мог мне позвонить?

— Я звонил, — устало бормочет он. — Ты не отвечала.

— Поэтому ты пришел ко мне домой и разбудил ни свет ни заря?

— Сейчас десять утра.

Ой.

— Пусть так, но я не могу сейчас говорить, — произношу я, оглядываясь назад.

— У тебя кто-то есть? — требовательно спрашивает он.

Я поворачиваюсь в его сторону:

— Да, у меня гость.

— Кто? Твой воображаемый друг? — издевательски спрашивает Хизер.

Джерард фыркает.

Это меня злит. Очень. Я скрещиваю руки на груди и, несмотря на то, что Хит просил меня не делать этого, выпаливаю:

— Вообще-то, да.

Глаза Джерарда вспыхивают, и он протискивается мимо меня, а Хизер следует за ним.

Я позволяю им это. Надеюсь, они войдут в комнату и увидят моего мужчину голым в постели, во всей красе, и потом будут жалеть, что сомневались во мне. Я следую за ними вверх по лестнице и, усмехаясь, вхожу в комнату.

Джерард поворачивается ко мне лицом.

— Здесь никого нет.

Я прищуриваюсь и осматриваюсь. Кровать заправлена. Никаких следов Хита. *Гребаный. Мудак.*

— Он был здесь всю ночь, — говорю я, бросаясь к ванной и открывая дверь. Никаких следов.

— Я вижу, ты до сих пор не обратилась к психиатру, — грубо говорит Хизер. — Думаю, мы должны сообщить об этом адвокатам. Она требует то, на что не имеет права, и, пока не обратится к врачу, думаю, мы должны оспорить соглашение о разделе имущества.

Джерард с грустью смотрит на меня.

— Согласен.

— Я только просила оставить мне машину! — кричу я.

— Машину, которая принадлежит Джерарду, — уточняет Хизер. — Она оформлена на него.

— У него есть служебная машина.

— С тобой это не обсуждается, — в запале сообщает она мне, скрестив руки.

— Джерард, — хриплю я, глядя на него. — Ты не можешь так поступить со мной.

Он выглядит несчастным.

— Слушай, мне нужна машина, ясно? Люси, я не хочу все усложнять. Я и без того достаточно забочусь о тебе.

— Ты должен любить меня.

— Да, — говорит он. — И ты должна любить меня, но в один прекрасный день ты сказала, что переспала с кем-то, и неважно, реален этот человек или нет.

Он прав.

— Пожалуйста, я не хочу, чтобы все закончилось так некрасиво. Мы так долго были вместе, так сильно любили друг друга. Мы можем закончить наши отношения... на позитивной ноте?

Он открывает рот, чтобы заговорить, но Хизер прерывает его:

— Это не обсуждается.

— Джерард, — шепчу я.

— Прости, Люси, но, думаю, она права. Кажется, тебе необходим врач. Я очень за тебя переживаю.

Я изучаю его.

— Пожалуйста, покиньте мой дом.

— Если ты просто отдашь мне машину, я...

— Уходи, Джерард. Давай же и делай все, что считаешь нужным. Это моя машина, у меня нет денег на другую.

— Но...

— Уходи или я вызову полицию.

— Пойдем, Джерард, — говорит Хизер, хватая его за руку и вытаскивая из комнаты.

Я наблюдаю за тем, как он уходит. Похоже, он хочет что-то сказать, но не делает этого. В очередной раз он позволяет сестре говорить за себя.

Дождавшись, пока они уйдут, и услышав, как захлопнулась входная дверь, я поворачиваюсь и изучаю комнату. Я подхожу к кровати и рывком срываю одеяло. Выпадает небольшая записка. Я поднимаю ее и смотрю на аккуратный, но мужественный почерк.

Прости, маленькая Люси, но я не мог здесь больше оставаться.

Готов поставить пятьдесят баксов на то, что ты привела их наверх, чтобы доказать свою правоту?

Да. Именно так ты и сделала.

Я написал свой номер на обратной стороне.

Х.

Я не могу сдержаться и закатываю глаза, и, похоже, слегка улыбаюсь.

— Ты придурок, Хит, — бормочу я, обращаясь к бумажке.

Но, черт возьми.

Я не могу насытиться тобой.

Я готовлю себе кофе, принимаю душ и переодеваюсь, прежде чем решаю написать сообщение на номер, оставленный Хитом. Знаю, он быстро печатает смс, когда его телефон включен. Мне довелось видеть это на бейсбольном стадионе. Я думаю о том, что же написать ему и, когда, наконец, придумываю, хитро улыбаюсь.

Л: Придурок.

С ликующей улыбкой на губах я отправляю сообщение и собираюсь положить телефон на место, но почти тут же он вибрирует в моей ладони.

Х: Прости.

Я тихонько смеюсь.

Л: Самое ужасное то, что я выглядела, как сумасшедшая.

Х: Насколько я знаю, ты такая и есть.

Я заливаюсь краской.

Л: Спасибо за прошлую ночь. Отныне я буду запираю окно.

Х: Существует множество других способов пробраться в твой дом.

Вот козел.

Л: Я закрою их все. Когда я увижу тебя снова?

Х: Не знаю. Я позвоню, как смогу.

Л: Тогда ладно, иди и борись с преступностью, Джи-Ай Джо. (Примеч. Джи-Ай Джо (англ. G.I. Joe) — отряд специального назначения из художественного фильма Стивена Соммерса «Бросок кобры»).

Х: Увидимся позже, милая.

Я кладу телефон и начинаю собираться на работу. Сегодня мне ко второй половине дня, поэтому я делаю это немного быстрее, чем обычно, учитывая то, во сколько проснулась. Хватаю свои вещи, закрываю дом и отправляюсь в путь, пытаюсь от всего отвлечься. Главным образом от мыслей о Джерарде. Ненавижу ссориться с ним. Невыносимо думать, что между нами пробежал холодок. Никогда не хотела этого. Ни секунды. Знаю, наши отношения ухудшились после произошедшего нападения, но не думаю, что мы когда-либо смотрели друг на друга так, как сейчас.

Кроме того, я испытываю перед ним чувство вины из-за Хита.

Прошло так мало времени с тех пор, как Джерард бросил меня. Но в то же время я понимаю, что все к лучшему, и что никогда не смогла бы пройти через все это с ним. Я просто никак не могу принять тот факт, что у меня есть чувства к Хиту. Не знаю, насколько они глубоки, но они есть, и я не могу перестать думать о нем. Наша прошлая ночь, без сомнения, была лучшей в моей жизни. Меня это пугает, потому что это было так прекрасно, так потрясающе, что я задаюсь вопросом, было ли это на самом деле.

Я думаю об этом на протяжении всего рабочего дня, и когда наступает вечер, хватаю газету и направляюсь к выходу, попрощавшись со всеми. Сегодня я собираюсь навестить родителей, а потом... что ж... потом не знаю. По пути я захожу в мексиканский ресторан и, как всегда, заказываю тако, после этого сижу снаружи и жду, пока оно приготовится. Я открываю газету, и мое сердце замирает.

«В субботу откроется местный бейсбольный стадион, где будет сыгран первый матч после ужасающего инцидента, унесшего так много жизней».

Сердце застревает в горле, а пальцы дрожат, когда я снова и снова читаю эту статью. Он открывается завтра, впервые после нападения. Я должна пойти туда — я хочу пойти, мне это нужно — но сама мысль о возвращении так пугает меня, что даже не хочу думать об этом. Вернутся ли они? Или это означает, что все кончено и они не будут больше нападать? Или будут, потому что в прошлый раз так и не добились своего?

Я достаю телефон и пишу Хиту сообщение.

Л: Завтра открывается стадион.

Он отвечает довольно быстро, что облегчает страх, поселившийся в моей груди.

Х: Знаю, милая.

Л: Ты не говорил мне этого.

Х: Из-за того, что ты попыталась бы пойти туда, а я не хочу.

Я сердито нажимаю на кнопку выхода из сообщений. Он не сказал мне, потому что, как всегда, хочет, чтобы я держалась подальше. Но я имею право знать. И имею право пойти туда. И он не сможет помешать мне — он *не остановит* меня. Единственный способ двигаться дальше — это столкнуться со своими страхами лицом к лицу. Даже я это понимаю.

А мне нужно двигаться дальше.

Раздается телефонный звонок. Я игнорирую его и засовываю телефон обратно в сумочку, заходя в ресторан, чтобы забрать свой ужин, затем подхожу к машине и еду к родителям. Всю дорогу я очень неаккуратно ем тако и, приехав к месту назначения, трачу десять минут на то, чтобы привести себя в порядок, перед тем как войти. Узнав, что я уже поела, мама не будет хлопотать и пытаться покормить меня. Знаю, они уже поужинали, и я не предупреждала их о том, что приеду, так как в противном случае ужин превратился бы в неистовую попытку впихать в меня как можно больше еды.

— Люси, дорогая, мы не ждали тебя! — приветствует меня папа, когда я переступаю через порог. Он сидит на диване и, как обычно, смотрит футбол, а мама на кухне моет посуду.

— Просто решила заскочить к вам после работы и поздороваться.

— Ты ела? — спрашивает мама, вытирая руки полотенцем, прежде чем подойти и обнять меня.

— Ела, — улыбаюсь я.

— Привет, детка, — говорит папа, вырывая меня из рук мамы, и притягивает к себе. — Я скучал по тебе.

— Я тоже, пап. Прости, что не приезжала. Столько всего произошло.

Он почти тащит меня к дивану и тянет вниз, чтобы я села рядом с ним.

— Что случилось?

Я глажу его руку.

— Ничего, о чем стоило бы беспокоиться.

— Ты говорила с Джерардом? — спрашивает мама, садясь с другой стороны, и смотрит на меня грустными глазами.

— Да, мам.

— И ничего не изменилось?

— Нет.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но папа перебивает ее:

— Он вел себя неправильно по отношению к нашей Люси. Ему стоило бы быть на ее стороне.

— Он просто запутался, — слабо возражает мама.

— Он был ее мужем. И точка, — решительно говорит папа, затем смотрит на меня. — У тебя все нормально?

— Да, насколько это вообще возможно, — признаюсь я. — Его сестра все только усугубляет.

— Эта женщина ужасна, — усмехается мама. — Никогда ее не любила.

— Я тоже, — вздыхаю я. — Но она следует за Джерардом, куда бы он ни пошел, так что мне не удалось поговорить с ним наедине. Уверена, поставить точку в наших отношениях было правильным решением, но мы любили друг друга, и мне не хотелось расставаться именно так.

— Милая, ты говорила ему об этом? — спрашивает папа.

— Да, но сейчас все усложнилось. Плюс ко всему, он продолжает злиться и требует, чтобы я обратилась к психиатру.

— Ты думала над тем, чтобы поговорить с кем-то? — осторожно спрашивает мама.

Я киваю.

— Да, мама. Я, наконец-то, записалась на прием на следующей неделе, но, если честно, со мной все в порядке.

— Тебе снятся кошмары? — спрашивает папа.

Я пожимаю плечами.

— Время от времени.

— А как насчет... мужчины.

Папа бросает на маму убийственный взгляд, и мое сердце разрывается на части от выражения на их лицах. В них читается тревога. Беспокойство.

— Я выбросила его из головы, — говорю я, и это причиняет мне боль, потому что мне так сильно хочется, чтобы они узнали, что Хит реален.

— Рада слышать это. Давайте выпьем чаю! — мама вскакивает и устремляется на кухню.

Папа сжимает мою руку.

Я сжимаю его руку в ответ, и мы молча сидим так. Телефон вибрирует в моей сумочке, и я решаю, что мне лучше ответить, в противном случае о приятном вечере с семьей придется забыть.

— Я только посмотрю, кто звонит.

Я встаю и исчезаю в кабинете, который находится в передней части дома, и достаю телефон — на экране снова мигает имя Хита.

— Привет, — бормочу я.

— Мне не нравится, когда меня игнорируют, — его голос хриплый и сексуальный, но я не чувствую угрызений совести.

— Неприятное чувство, не правда ли? — отвечаю я, не задумываясь.

— Почему ты не отвечала?

— Ты уже знаешь ответ на этот вопрос.

— Не хочу, чтобы ты приходила на стадион, потому что не уверен на сто процентов, что это безопасно. Я не пытаюсь тебя контролировать.

— Но ты это делаешь, — резко отвечаю я. — Делаешь, Хит. Ты отказываешься говорить мне, что происходит, отказываешься встречаться со мной — ты не хочешь дать мне ни одного чертового ответа. Каждый день своей жизни я спрашиваю себя, в какой, черт возьми, лжи я живу. Я цепляюсь за тебя. Я... я так чертовски устала от всего этого. Понимаю, ты работаешь над чем-то опасным и не можешь рассказать мне об этом, но ты выставил меня сумасшедшей сегодня утром. Ненавижу те чувства, которые сейчас во мне. Ненавижу, что должна лгать. Что должна соглашаться с тем, что сошла с ума. Так что меня не волнует, опасно это или нет — я все равно пойду туда. Я буду там, потому что мне нужно быть там, и ты не сможешь ничего с этим поделать.

На секунду он замолкает, а потом вздыхает.

— Пять минут.

— Что?

— Пять.

Он отключается, и я смотрю вниз на свой телефон, сбитая с толку. Что, черт возьми, это значит?

— Люси! — зовет мама.

Я вздыхаю.

— Иду.

Не знаю, сколько еще смогу выдержать.

Стук в дверь шокирует нас всех, но в особенности меня.

Я держу в руках чай и, услышав его, сажусь. Папа смотрит на меня, и я пожимаю плечами. Мое сердце колотится, но я не хочу верить, что по ту сторону двери может оказаться тот, кого так желаю увидеть. Мама подходит к двери, снова вытирает руки, открывает ее и шепчет:

— О, Боже.

— Здравствуйте, вы, должно быть, мама Люси. Я Хит.

Мои руки так сильно дрожат, что я ставлю свою чашку на стол рядом с собой. Он здесь. Он. Здесь. Я медленно поворачиваюсь, папа делает то же самое, и я вижу, как мама отступает в сторону, и входит Хит. Когда я смотрю на него, мое сердце разрывается на части. Он одет во все черное — джинсы, футболка, ботинки. Его беспорядочно уложенные темные волосы небрежно спадают на лоб, а серебристые глаза впиваются в мои и смотрят не отрываясь. Я не могу дышать. Не могу... *дышать*.

— Хит? — говорит папа, вставая. — Как и...

— Мужчина, который был с ней на стадионе, да.

Я не могу пошевелиться.

Папа смотрит на меня, мама смотрит на меня, но мои глаза направлены только на Хита. Я встаю с кресла и подбегаю к нему, сбивая одну из маминых ваз на своем пути. Я бросаюсь к нему в объятия, и он, издав рык, ловит меня. Его большие руки смыкаются вокруг меня, и мои жалкие слезы заливают его футболку.

— Ты здесь, — хриплю я.

— Я здесь.

С минуту я держусь за него, затем неохотно отпускаю. Шепотом говорю родителям:

— Этот мужчина спас мне жизнь.

Мама издает сдавленный рыдающий звук и бросается в объятия Хита.

— Я никогда в жизни не была так счастлива кого-либо видеть. И спасибо за спасение моей дочери.

— Всегда пожалуйста, мэм, — бормочет он.

Она отпускает его и идет на кухню, чтобы скрыть слезы, наворачивающиеся на глаза.

Папа делает шаг вперед и протягивает ему руку.

— У меня не хватает слов, чтобы выразить свою признательность, сынок, но я буду благодарить тебя до самой смерти за то, что вытащил моего ребенка оттуда.

Мое горло сжимается.

— Пожалуйста, сэр.

— Зови меня Даррен.

Хит кивает.

— Присаживайтесь. Нам нужно о многом поговорить, — говорит папа, улыбаясь мне.

— Да, — вздыхает Хит. — Действительно нужно.

Мы сидим в гостиной, и Хит тянется и быстро берет мою руку в свою. Отец опускает взгляд на наши руки, но ничего не говорит. Он скажет, потом. После того, как Хит уйдет, он отчитает меня, но сейчас будет молчать. Сейчас ничто не сможет меня расстроить.

По крайней мере, я так думаю.

— Должна признаться, — говорит мама, подавая Хиту пиво, — мы сомневались, существуешь ли ты.

— Я слышал, — произносит Хит. Мне кажется, его голос слегка напряжен, но я ничего не говорю. — Послушайте, сейчас я вместе с полицией работаю над делом одного человека, который не имеет ни малейшего представления, что я принимаю в нем участие. На самом деле, этот человек считает, что я... *мертв*. Дело продвигается успешно, но вся ситуация очень сложная.

Я затаиваю дыхание.

— Что? — выдыхаю я.

— Не могу всего вам рассказать, но из достоверного источника мне известно, что он так думает, и поэтому я могу следить за ним, не привлекая внимания. Я заключил сделку со следствием, так как человек, участвующий в этом... был... близок мне. Я нахожу, что могу, но делаю это незаметно. Он не знает, что я здесь, поэтому я могу подобраться к нему ближе, чем кто-либо. Я его знаю. Знаю, как все это работает. Именно поэтому оставался в тени и не мог подтвердить, что был на стадионе в день нападения. Это вся история вкратце, и больше я не могу вам рассказать.

— Это довольно опасно, — произносит папа, округлив глаза.

— Да, Даррен, так и есть.

Мама смотрит на меня.

— Прости, Люси.

Я слабо улыбаюсь.

— И ты меня, милая.

— Я прошу вас держать все в секрете. Я очень рискую, рассказывая вам эту информацию, но хочу, — Хит бросает на меня взгляд, его глаза встречаются с моими, — доказать Люси, что она стоит того, чтобы подвергаться самому большому риску.

О, Боже.

— О, Господи, — ахает мама. — Нашей Люси повезло, что ты на ее стороне.

Папа качает головой.

— Обещаем, сынок. Насколько мы знаем, тебя не существует.

Хит отводит от меня взгляд.

— Очень вам признателен. А также был бы очень благодарен, если бы вы разрешили мне ненадолго похитить вашу дочь. Я бы очень хотел побыть с ней.

— Безусловно! — вскрикивает мама.

Я хихикаю.

— Конечно, — говорит папа, и мы все встаем. — Но, пожалуйста, позаботься о ее сердце. Уверен, тебе известно, что она недавно разошлась с мужем.

— Обещаю.

Они пожимают друг другу руки, и я обнимаю обоих родителей, пока Хит выходит из двери. Он подходит к массивному черному грузовику.

— Оставь свою машину здесь. Сегодня ты поедешь со мной.

— Я? — шепчу я.

Он поворачивается и обхватывает мое лицо своими ладонями.

— Ты.

Ююююхуууу!

Хит везет меня на складской ангар, который находится за городом, и мы следуем вниз по грунтовой дороге. Это одно из тех укромных мест, которое вы не сможете найти, если только не будете искать. Он паркует машину, и мы выбираемся из нее. Внутри горит свет, и я слышу слабый отзвук музыки, доносящийся из открытых окон.

— Ты здесь живешь? — спрашиваю я, взяв его за руку.

— Типа того. Слушай, я сказал всем, что ты придешь, но ты должна понимать, что кое-кто не в восторге от того, что я тебе рассказал обо всем. Но понимают, почему я это сделал. Люси, ты должна обещать, что сохранишь все в секрете.

Я смотрю на него.

— Что, черт возьми, меня там ждет?

— Обещаешь?

— Конечно, — шепчу я. — Конечно, обещаю.

Он кивает, и мы направляемся к ангару. Войдя через переднюю дверь, мы попадаем в огромное просторное помещение. В центре стоят бильярдные столы, слева припаркованы какие-то машины, перед ними стоит огромный телевизор с креслами, далее расположена кухня, а в ней стоит четверо мужчин. Все молча наблюдают за тем, как мы входим. Я сглатываю и оглядываю их.

О. Боже. Мой.

Еще до того как Хит открывает рот, я понимаю, что, по крайней мере, двое из этих четверых его родственники. Я сильнее сжимаю руку Хита, когда он тянет меня к ним. Двое с любопытством рассматривают меня, двое других просто хмурятся. Мы с Хитом подходим ближе и останавливаемся перед ними.

— Ребята, познакомьтесь с Люси. Люси, это два моих брата, и два моих лучших друга.

Братья. Лучшие друзья. Господи.

Он указывает на первого парня, стоящего слева. У него зеленые глаза, а русые волосы большими локонами свободно падают на плечи. Он выше Хита, но стройнее. Его черты лица кажутся более резким.

— Это Блейк, мой лучший друг, мы вместе служили, — затем пальцем указывает на следующего невысокого и довольно мускулистого парню. Кроме того, он невероятно красив. Он шатен, но его волосы очень темные, а глаза голубые. — Это Шелдон, тоже мой лучший друг, — Хит переходит к третьему парню, который на данный момент кажется самым привлекательным из четырех мужчин, стоящих передо мной. Наверное, потому, что он вылитый Хит.

Они как две капли воды похожи друг на друга.

Близнецы.

— Это мой брат-близнец, Джонни.

Единственное различие между ними состоит в том, что у Джонни короткая стрижка. В остальном — вылитый Хит.

— А это мой брат, Танк.

Танк? Шутки в сторону.

Я отвожу взгляд от Джонни и смотрю на Танка. Он наводит ужас. Seriously. Он больше любого из мужчин, находящиеся здесь, а это о чем-то говорит, потому что Джонни с Хитом огромны. Его мышцы выпирают из-под рубашки и у него черные короткие волосы. Глаза такие же серебристые, как у Хита и Джонни, но холодные и пугающие. У него устрашающий вид, но он так красив.

— Ох, — наконец подаю голос я. — Здравствуйте.

— Нарушительница спокойствия, — говорит Блейк, на его лице появляется хитрая улыбка. — Мы наслышаны о тебе.

Я нервно смеюсь.

— По крайней мере, она красивая, — замечает Шелдон. — Приятно познакомиться, Люси.

— И мне.

— Она не должна, черт побери, быть здесь, — резко говорит Джонни.

— Согласен, — рычит Танк.

О, черт. Лучшим друзьям я нравлюсь. Братьям — *нет*.

— Тем не менее, она здесь, все знает и не собирается ничего рассказывать. Так что вы должны смириться с этим, — предупреждает Хит.

— Ты играешь с огнем, Хит, — вспыхивает Джонни. — Если *он* узнает, что мы делаем...

— Не узнает, — сквозь зубы процеживает Хит.

— Ей лучше держать язык за зубами, — бормочет Танк, глядя на меня.

Это была угроза. Я сглатываю.

— Я ничего не расскажу, — умудряюсь выдать из себя.

— Забавно, ты снуешь повсюду и создаешь проблемы уже несколько недель, — мычит Джонни, хватая пиво, и уходит, прежде чем кто-то из нас может ответить.

— Пошли, — произносит Хит, берет меня за руку и тащит к задней части склада.

Он толкает дверь, и мы попадаем в довольно большую комнату. Здесь в центре расположена двуспальная кровать, имеется отдельная ванная комната и огромный диван, напротив которого стоит телевизор.

— Это твоя комната? — спрашиваю я.

— Да.

— Ты живешь с братьями и друзьями?

— Да.

— Твои братья тоже копы?

— Нет, только Шелдон и Блейк.

Я ощущаю дискомфорт.

— Мне очень жаль, Хит. Я не... не понимала, что все настолько ужасно.

— Понимаю, дорогая, — он вздыхает, схватив меня за талию, и притягивает на диван. Я падаю на его колени и в течение нескольких минут позволяю ему просто себя обнимать.

— Я им не нравлюсь, — шепчу я в его рубашку.

— Они просто беспокоятся. И скоро изменят свое мнение на твой счет.

— Ты старший из братьев?

Он ворчит.

— Нет, самый младший. Танк здесь старший. Потом Джонни и я.

Здесь самый старший. Куча вопросов возникает у меня в голове.

— Значит, вас в семье трое?

— Четверо.

Четверо? Я поворачиваюсь и изучаю его лицо.

— Четверо?

— Да. Есть еще один, который старше всех нас.

— Где же он?

Его лицо застывает.

Ох.

— Вы потеряли его? — тихо спрашиваю я.

— Нет, он очень даже жив, — Хит произносит это так, что я понимаю: он не собирается говорить что-то еще, поэтому я не настаиваю.

— Прости, я все только усложнила.

— Это того стоит, — говорит он, глядя мои волосы.

— Хит?

— Ммм?

— Что мы здесь делаем?

— Не знаю, малышка. Но мне это нравится.

Малышка.

Боже.

Я не могу насытиться этим мужчиной.

— Нужно остановиться, милая, — шепчет Хит, в то время как губами я прокладываю дорожку из поцелуев вниз к его шее.

Горя от нетерпения и возбуждения, я смущенно отодвигаюсь. Его руки находятся под моей рубашкой, но он медленно начинает вытаскивать их.

— Что значит «остановиться»? — спрашиваю я, прищурившись. — Я сделала что-то не так?

— Нет. Черт, нет, — он усаживает нас так, что его эрекция уже не прижимается ко мне. — Поверь, я не хочу останавливаться, но...

Я отвожу взгляд, мои щеки пылают от стыда.

— Эй, — быстро говорит он, придвигаясь ко мне таким образом, чтобы поймать мой взгляд. — Выслушай меня.

Почувствовав неуверенность в себе, я отворачиваюсь назад, но смотреть могу только на его грудь.

— Это не из-за того, что я не хочу тебя. Черт, Люси, ты понятия не имеешь, как сильно мне этого хочется. Просто я стараюсь сделать так, чтобы все было правильно.

Я поднимаю взгляд.

— Что? — шепчу я.

— Я безгранично тебя уважаю, поэтому не должен был трахаться с тобой прошлой ночью. Не потому, что не хотел, а потому, что ты только недавно развелась. Тебе пришлось через многое пройти, к тому же, мы едва друг друга знаем. Если бы ты была любой другой женщиной, мне, скорее всего, было бы все равно, но это ты, и мне не все равно.

Он решил сбавить обороты в наших отношениях... из-за меня?

— Ты не будешь снова спать со мной из-за сложившейся ситуации?

Он обхватывает пальцами мой подбородок.

— Нет, потому что я уважаю тебя. Ты не та женщина, которую можно просто перевернуть на спину и задрать ноги. Черт, Люси, я никогда не встречал кого-то похожего на тебя, и хочу узнать тебя получше. И пока этого не произойдет, и это дерьмо не закончится, думаю, нам не стоит снова спать вместе.

Мое сердце разрывается на части, не от стыда, не от злости, а от безграничного восхищения мужчиной, который сейчас рядом со мной. Никто и никогда не уважал меня так, как он. Меня переполняет счастье, и слеза скатывается по моей щеке.

Он протягивает руку, чтобы смахнуть ее большим пальцем.

— Знаю, ты чувствуешь себя виноватой, учитывая, через что тебе пришлось пройти, но ты не должна из-за этого испытывать чувство вины.

— Я ни о чем не жалею, — хриплю я.

— Знаю, но мы повременим, да?

— Значит, я не смогу видеть тебя?

— Сейчас ты со мной, дорогая. И я не собираюсь никуда уходить, — бормочет он.

Я улыбаюсь и беру его лицо в свои ладони.

— Можно тебя поцеловать?

— Сколько пожелаешь.

Я наклоняюсь вперед и прижимаюсь губами к его губам мягким, недолгим поцелуем. Затем отклоняюсь и скатываюсь с него, ложась рядом.

— Значит, я могу задавать о тебе вопросы?

Он издает стон.

Я хихикаю.

— Если хочешь, но я буду отвечать только на несерьезные.

Я фыркаю.

— Нечестно.

— Я и не говорил, что будет честно.

— Хорошо, — ухмыляюсь я. — Твоя любимая еда?

Он сжимает губы и укладывает нас так, что я оказываюсь на нем, напротив его груди, и мы лежим на кровати в объятиях друг друга.

— Это прозвучит странно, — начинает он. — Но это... чизкейк.

Я подавляю смех.

— Очень по-мужски.

— Сейчас станет еще хуже, — кричит он. — Клубничный чизкейк.

Я перестаю смеяться, и он нежно сжимает меня.

— Ничего не могу с собой поделаться, я сладкоежка.

— Ладно, любитель чизкейков, какой твой любимый цвет?

— Красный.

М-да. Красный цвет подчеркнул бы его прекрасные серебристые глаза.

— Моя очередь, — говорит он. — Правда за правду.

— Хорошо, — шепчу я.

— Твоя любимая еда?

— Это просто. Хот-доги.

Он фыркает.

— Серьезно?

— Эй, кто бы говорил, у тебя-то чизкейк.

— Все, молчу. Твой любимый цвет?

Я крепко обнимаю его.

— Сиреневый. Моя очередь. Что ты больше всего ценишь в человеке?

— Честность, — отвечает он, его голос тверд. — От начала и до конца.

— А что больше всего презираешь?

Он размышляет над этим.

— Лжецов.

По тому, как он это говорит, я вижу, что здесь замешана не только злость, кипящая в нем, а что-то еще, но не обращаю на это внимания.

— Твоя очередь, — мягко произношу я.

— Те же вопросы, — говорит он, его голос уже не так напряжен.

— Хорошо, я ценю в человеке верность, презираю скрытных людей, тех, которые ходят вокруг да около вместо того, чтобы сказать все прямо.

— Я с тобой согласен. Эти люди ненормальные.

Я улыбаюсь, качая головой.

— Продолжим. Ты любишь читать?

— Неа.

— Какой твой любимый фильм?

— Я не смотрю телевизор.

Я отрываю голову от его груди и смотрю на него сверху вниз.

— Шутишь?

Он качает головой.

— Не шучу.

— Тогда как ты развлекаешься?

Он усмехается.

Я закатываю глаза.

— Боже, ты животное. Итак, ты не смотришь телевизор, не читаешь, дай угадаю — ты слушаешь радио?

Его улыбка становится еще шире.

— Сколько тебе лет? — дразню его я.

— Тридцать пять.

Ладно, на самом деле это был не вопрос, но я принимаю ответ. Хорошо, что он не намного старше меня.

— А тебе? — отрывает он меня от размышлений.

— Двадцать семь.

Он очерчивает линию моей скулы.

— Еще совсем ребенок.

— Едва ли, — бормочу я.

— Довольно на сегодня вопросов, — говорит он, подняв меня и поместив под собой, улегшись сверху.

— Я думала, мы не занимаемся сексом? — выдыхаю я, глядя на его губы.

— Мы и не будем, но будем целоваться, пока не заболят губы.

Я краснею.

Мне не на что жаловаться.

Кровь разбрызгивается во все стороны, попадая и на меня, пока я ползу по земле. Она липкая и мерзко пахнет. Слезы катятся по моим щекам, пока я стараюсь избавиться от нее, но она продолжает и продолжает прибывать. Большие, огромные потоки крови льются прямо на меня. Я рыдаю и делаю глубокий вдох, когда небольшое ее количество попадает мне в горло. Не могу дышать. Люди не перестают кричать. Я захлебываюсь, кровь вытекает из моего рта.

— Помогите, — кричу я. — Пожалуйста, помогите!

— Теперь тебе никто не сможет помочь, — говорит он, и я вглядываюсь в его страшные глаза. Его седые волосы кажутся такими яркими в лунном свете.

— Нет, уходи. Ты не сможешь причинить мне боль. Уходи.

Его губы растягиваются в улыбке.

— Пришло время присоединиться к Хейли. Я отчаянно нуждаюсь в ком-то с духом

противоречия.

— Нет, — кричу я, когда пальцами он обхватывает мои запястья.

В рот затекает еще больше крови.

— Нет, пожалуйста.

— Люси!

Кто-то трясет меня. Я набрасываюсь на него, царапаясь и отчаянно пытаюсь освободиться.

— Нет, отпусти, пожалуйста!

— Это я, Люси. Я. Успокойся. Это лишь сон.

Меня снова трясут, и я распахиваю глаза. Проходит несколько минут, прежде чем я понимаю, что нахожусь в объятиях Хита, схватившись за его рубашку. Я тяжело дышу, по мне градом течет пот. Моргнув несколько раз, я позволяю сну ускользнуть из моих мыслей. С каждой секундой становится все яснее, где я и с кем. Я смотрю на Хита, который изучает меня с озабоченным выражением на лице, затем поворачиваю голову и вижу четверых мужчин, стоящих у двери. Двое из них полуголые, другие — с взъерошенными волосами.

Я разбудила их.

— Я... — хриплю я. — Я...

Краска стыда разливается у меня по щекам, на глаза наворачиваются слезы. Я кое-как высвобождаюсь из рук Хита, соскакиваю с кровати, приземляюсь на ноги и пячусь назад. На мне только майка и трусики. Отлично. Мои щеки горят, и я мчусь к двери, отчаянно нуждаясь в свежем воздухе, пока еще не успела задохнуться. Мужчины расходятся в стороны, и я проношусь мимо них, мои волосы развеваются при беге.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Люси! — зовет Хит.

Я подбегаю к двери и выскакиваю на улицу, позволяя прохладному ночному воздуху ударить в лицо и окончательно разбудить меня. Истерические слезы вот-вот потекут из глаз, и я чувствую себя полной идиоткой. Эти люди даже не знают меня, а теперь я перебудила их всех из-за своих кошмаров, которые преследуют меня после нападения. Я подбегаю к газону и, опустившись вниз, сажусь на корточки и обхватываю руками колени. Стараюсь сосредоточиться на дыхании. Мне так нужно дышать.

— Эй, — говорит Хит, присев рядом со мной. — Эй, пойдём, сладкая. Идем внутрь.

— Просто оставь меня, Хит, — умоляю я скрипучим голосом. — Пожалуйста.

— Я не оставлю тебя здесь одну.

— Уходи! — кричу я так громко, что сама себя пугаю. Предательская слеза скатывается по моей щеке.

— Нет, — говорит он твердо. — И прекращай кричать.

— Черт побери. Я не хочу, чтобы ты видел меня такой, — шепчу я, глядя на землю.

— Все хорошо, маленькая Люси. Всем плевать, что у тебя кошмары. Тебя никто не осуждает.

— Я всех разбудила. Как будто мало того, что они ненавидят меня.

— Они не ненавидят.

Я бросаю взгляд в его сторону.

— Ненавидят, потому что я порчу маленький план, который вы здесь затеяли.

— Прекращай.

— Черт, — шепчу я, зажмурив глаза. — У меня все через задницу.

— Пошли внутрь. Здесь холодно, и ты полуголая.

Я смотрю вниз на свои голые ноги и, вздыхая, встаю. Я иду обратно к ангару и прохожу мимо четырех мужчин, которые, видимо, решили отказаться от сна и теперь сидят на диванах с пивом в руках. Я низко наклоняю голову, когда бреду в комнату Хита.

— Мне тоже снятся кошмары.

Я останавливаюсь, услышав грубый голос, но не поворачиваюсь. Кажется, это произносит Блейк, но я могу и ошибаться.

Я ничего на это не отвечаю.

— В один прекрасный день они больше не появятся в твоих снах. Ты просто должна себе пообещать, что в скором времени будешь просыпаться без них.

Моя нижняя губа дрожит, и я мягко произношу:

— Спасибо.

И в этот момент исчезаю в комнате Хита.

Через мгновение появляется он, одетый только в джинсы. Я и не заметила их на нем, когда в панике убегала из комнаты. Наши взгляды встречаются, и он подходит и садится ко мне на кровать. Какое-то время ни один из нас не произносит ни слова, но, в конце концов, он говорит:

— Отдохни, тебе это нужно. Я полежу с тобой.

— Хит? — хриплю я.

— Да?

— Он прав? Когда-нибудь кошмары прекратятся?

Он берет мою руку в свою, переплетая пальцы.

— Да, малышка. Ты просто должна в это верить.

— Не знаю, смогу ли теперь полагаться на веру.

— Никогда не позволяй другому человеку или событиям влиять на свои убеждения, маленькая Люси. Ни одно событие, обстоятельство или человек того не стоят.

Я смотрю на него.

— Ты можешь пойти и посидеть с ребятами.

— Нет, — говорит он, притягивая меня в свои объятия. — Я останусь с тобой.

Черт побери, этот мужчина становится все лучше и лучше.

В него невозможно не влюбиться.

И это до чертиков пугает меня.

Я сижу, свернувшись калачиком в старом кресле, глядя на восходящее солнце. Сегодня утром я прокралась сюда из комнаты Хита, когда не смогла заснуть. Он спал, поэтому не хотелось его будить. Мне удалось отыскать кофе среди беспорядка на кухне, и я решила бесшумно выйти на крыльцо, чтобы посмотреть на восход солнца. Впервые за последние несколько недель я ни о чем не думаю. Здесь спокойно — тихо и мирно. Так приятно ни о чем не думать.

— Доброе утро.

Я вздрагиваю и вижу, как выходит Джонни с чашкой кофе в руке. Не знаю, почему он здесь, может, для того, чтобы прибавить мне проблем, и если да, то не думаю, что готова к этому.

— Слушай, знаю, ты меня недолюбливаешь, но прошу... не читай нотаций с утра пораньше.

Он изучает меня.

— Я просто хотел сказать, что ты сидишь в моем кресле.

— О, — тихо произношу я, собираясь встать.

— Нет, останься, — бормочет он, исчезая внутри и возвращаясь с другим креслом.

Он ставит его в паре метров от меня, и в течение нескольких минут мы молча сидим. Я несколько раз бросаю на него взгляд, потому что, клянусь, если бы не его стрижка, это был бы Хит.

— Жаль, что тебе пришлось пройти через все это, — говорит он, глядя на восход. — Я не дал тебе шанса. Это несправедливо, учитывая, что с тобой случилось.

Я пожимаю плечами.

— Все в порядке.

Он поворачивается и пристально смотрит на меня, изучая.

— Нет, не в порядке. Хит рассказал мне, что там случилось.

Я сглатываю и смотрю вниз на кружку.

— Ну, я не могу исправить то, что произошло, но учусь с этим жить. Полагаю, единственный плюс во всей этой ситуации — это то, что я встретила Хита.

— Он говорил, ты была на тот момент замужем.

— Была, — подтверждаю я. — И до сих пор замужем, но мы разводимся.

— Мне жаль это слышать.

— А мне нет, — говорю я тихо. — Думаю, у каждого из нас есть свой путь, и мне кажется, Хит появился на моем не случайно.

Джонни изучает меня, наблюдая за выражением на моем лице.

— Возможно.

Возможно.

Кажется, он сомневается в этом.

— Прости, что создала ему столько проблем. Я не понимала, что он зашел так далеко.

— Это не совсем твоя вина, — говорит он, делая глоток.

— Нет, но я могла бы причинить ему боль, или любому из вас... Мне этого не хотелось.

— Знаю. Сейчас я это вижу.

Я киваю и поворачиваюсь обратно, смотрю на красные и желтые полосы в небе.

— Как много он тебе рассказал?

— Немного, — признаюсь я. — Однако, я все понимаю и буду держать рот на замке.

— Просто знай, что это слишком личный для него вопрос. Имей это в виду, независимо от того, что происходит. Тебе просто нужно понять, что это дело всей его жизни.

Его жизни. Что могло такого произойти, чтобы это стало делом всей его жизни?

— Могу я спросить кое-что? — нерешительно спрашиваю я.

— Смотря что.

Я сменяю позу, засовывая ногу под себя, и поворачиваюсь лицом к нему.

— Ему грозит опасность?

На мгновение Джонни отводит взгляд влево и проходит несколько минут, прежде чем он отвечает. Секунду мне кажется, что он не ответит, и это пугает меня больше, чем сам ответ, потому что его молчание говорит о том, что он знает, в какой Хит опасности. Мое сердце колотится все сильнее, когда я смотрю на него, взглядом умоляя открыть рот и сказать то слово, которое я так хочу услышать — «нет».

В конце концов, он вздыхает и смотрит мне в глаза. Я почти уверена, что задержала дыхание.

— Если *он* узнает, то все станет очень серьезно.

— Кто он?

Он открывает рот, чтобы ответить, но на улицу выходит Танк. Он без рубашки и выглядит устрашающе. Он смотрит на меня, затем на Джонни, и рычит:

— Хит ее ищет.

Ее.

Не Люси. Ее.

Он ненавидит меня, и я не понимаю почему. У него могут быть свои сомнения относительно меня, но эту открытую ненависть я просто не понимаю. Что я сделала, чтобы заслужить такое?

— Верно, — говорит Джонни, вставая.

Я тоже встаю, но мои коленки слегка трясутся, когда я прохожу мимо Танка. Он пугает меня своим мрачным видом. Это исходит из его души. Может, он просто сейчас подавлен и скоро это пройдет, но этот мужчина может напугать кого угодно одним своим видом. Я выдыхаю только когда захожу внутрь. Кстати, о тестостероне. Блейк и Шелдон стоят на кухне, на них только боксеры.

Мои щеки розовеют, и взглядом я нахожу Хита, который сидит с другой стороны стойки, изучая меня. Он прикрывает глаза, когда пробегает взглядом по моему телу. Я обхватываю себя руками, встречаясь с ним взглядом. На мне джинсы и майка, но я чувствую себя уязвимой. Я нервно топчусь на месте и бросаю взгляд на двух других мужчин, которые в этот момент ухмыляются. Хищными улыбками в тридцать два зуба.

— Черт возьми, в этой комнате нереальное сексуальное напряжение, — посмеивается Шелдон низким голосом.

— И не говори, — усмехается Блейк. — Хит, мужик, возьми эту женщину и выпусти пар, или это сделаю я.

Мои щеки горят огнем.

— Отъебись, — рычит на него Хит.

Улыбка Блейка становится такой широкой, что на его щеках появляются ямочки.

— Еще и собственник.

— О, — говорю я, поворачиваясь и опуская голову, пока спешу к комнате Хита. — Я собираюсь принять душ.

Добравшись до его спальни, вхожу и, громко выдохнув, закрываю за собой дверь. Они правы, напряжение велико. Почему в ту же секунду, когда понимаешь, что не можешь чего-то иметь, начинаешь этого хотеть? Я точно знаю почему. Запретный плод сладок.

Зайдя в душевую, я закрываю дверь и стягиваю с себя одежду. В голове всплывают образы красивого тела и лица Хита, и я ловлю себя на мысли, что возбудилась больше, чем того хотела. Я делаю воду прохладнее, чем обычно, и захожу в душ, позволяя воде литься по моему телу. Не помогает. Нисколько. У меня ноет между ног, моя киска пульсирует от желания. Я хочу чувствовать за это вину, но не чувствую. А все потому, что так сильно его хочу, и теперь мне плевать на последствия.

Прежде чем я понимаю это, руками скольжу вниз по телу и далее между ног. Ни разу в своей жизни я не возбуждалась так только от одной мысли о мужчине, даже с Джерардом. Хит что-то делает со мной. Он разжигает в моей душе огонь, который я не в силах погасить. Он просто разгорается все ярче и становится все жарче, пока, в конце концов, я не взрываюсь от желания.

Пальцы кружат вокруг клитора, и я издаю стон. Изнемогающее от желания и ноющее тело уже на грани. Я поворачиваюсь, упираюсь спиной о стенку душа и раздвигаю ноги немного шире. Сначала массирую мягко, а затем увеличиваю давление, вспоминая, как мы с Хитом были у меня дома. Боже. Он великолепен в постели. Его губы потрясающие. Его руки потрясающие.

Черт.

Я снова хочу его. Он мне нужен.

— Гребаные боги.

Я вздрагиваю и одергиваю руку, которая находилась у меня между ног, и небольшой вздох срывается с моих губ. Хит стоит у двери со стояком в боксерах, пока смотрит на меня привычным похотливым взглядом, только теперь он наполнен настоящим первобытным желанием. Мои щеки горят, и я выговариваю заикаясь:

— Я, эм...

— Я точно знаю, что ты делала, — говорит он, его голос такой низкий и хриплый, что трудно разобрать слова. — Блядь. Мне придется постараться, чтобы не войти к тебе, обернуть твои ноги вокруг своих бедер и не трахнуть тебя у этой стены, пока оба не кончим.

Я вздрагиваю.

— Ты тоже этого хочешь. Не так ли, малышка?

Я облизываю нижнюю губу.

— Я не трогала себя.

— Скажи, чтобы я вышел. Скажи, что я не могу снова обладать тобой, — рычит он.

Мой клитор пульсирует, приятное тепло разливается в глубине живота.

— Ты не можешь снова обладать мной, — говорю я, хотя на самом деле хочу броситься прямо в его объятия.

— Лгунья.

— Знаю, — говорю я, дерзко проводя руками по своему телу. — Знаю, я такая.

— Сейчас я ухожу, потому что дал слово сделать все правильно, — говорит он скрипучим голосом, опуская взгляд на мою киску, перед тем как поворачивается и с трудом

заставляет себя выйти из комнаты.

Желудок сводит от разочарования, но сердце трепещет от мысли, что он так учтив со мной. Легкая улыбка начинает играть на моих губах, когда коварная идея приходит ко мне в голову. Если он так непреклонен, я заставлю его страдать.

Самую малость.

Чтобы сделать то, что я задумала, требуется набраться смелости.

Я заканчиваю принимать душ, натягиваю трусики и одну из рубашек Хита, которая прикрывает мою попу и доходит до середины бедра. Тем не менее, я знаю, это выглядит сексуально и очень дерзко. Не могу ничего с собой поделать — что-то в нем заставляет меня хотеть играть не по правилам, и даже *быть* пошлой. Я никогда не была такой. Я всегда была приличной женщиной, с которой приятно заниматься сексом. Но рядом с ним я готова сделать все, чтобы он до боли хотел меня.

Сделав глубокий и прерывистый вдох, я выхожу из комнаты в гостиную. Все мужчины сидят за столом и разговаривают, так что я прохожу мимо них и иду на кухню. Но от моего внимания не ускользает, что разговор прекращается. Подавив хитрую усмешку, я тянусь к высокому шкафу, чтобы достать стопку тарелок. Знаю, нижняя часть моей попы видна, и, когда оборачиваюсь с тарелками в руке, понимаю, что получила реакцию, на которую рассчитывала.

Просто не ожидала ее от всех.

Они все смотрят на меня с лукавыми улыбками или сжатыми челюстями.

Хит кажется разозленным. И возбужденным. Но больше разозленным.

Я сладко улыбаюсь.

— Я приготовлю завтрак. Это наименьшее, что я могу для вас сделать.

Затем оборачиваюсь и открываю холодильник, становлюсь боком и наклоняюсь, чтобы проверить содержимое. В тишине можно слышать шепот, и моя улыбка становится все шире, когда я достаю ветчину, яйца, грибы и сыр. Я чувствую его присутствие позади себя задолго до того, как слышу рокошующий голос. Когда он наклоняется ко мне, его дыхание щекочет мне ухо.

— По твоей вине здесь у всех стояк. Если не хочешь, чтобы я спустил эти красивые трусики и взял тебя прямо здесь и сейчас, предлагаю пойти и надеть джинсы.

Я выпрямляюсь и поворачиваюсь к нему, но он удерживает меня одной рукой, которая упирается в холодильник рядом с моей головой так, что я не могу выйти.

— Да, сэр, — выдыхаю я, глядя на его губы.

— Перестань, черт возьми, смотреть на меня так. Ты просила сдерживать себя, но сейчас ты играешь с огнем.

— Я не просила об этом, — говорю я, выскальзывая. — Но я признательна тебе за то, что ты делаешь. Но это не значит, что я с этим смирюсь.

Он хватает меня за талию, притягивая к себе так, что спина прижимается к его груди. Прижимается ртом к моему уху и нежно кусает его, прежде чем выговорить хриплым

Голосом:

— Осторожнее.

— Считай, что это месть за все то время, когда из-за тебя меня считали сумасшедшей, — говорю я, поворачиваясь в его руках и целуя его нижнюю губу.

Он рычит.

Я ухмыляюсь.

Сегодня будет хороший день.

Я смотрю на свой телефон и хмурюсь, когда вижу имя Хизер, мигающее на экране. Боже, мне казалось, все уже в прошлом. Я так устала от того, что она вмешивается в дела, которые, честно говоря, ее не касаются. Также я заметила несколько неприятных вызовов, значит, она звонила несколько раз. Вздохнув, я извиняюсь перед мужчинами, которым только что подала завтрак, и, отойдя на несколько шагов, отвечаю на звонок.

— Да, Хизер?

— Ну, наконец-то. Я несколько часов пыталась тебе дозвониться.

Мое сердце начинает биться быстрее.

— С Джерардом все в порядке?

Взгляд Хита быстро встречается с моим.

— Сейчас да, но когда я ему скажу о тебе и твоём любовничке — не будет!

Я моргаю.

— Прости, что?

— Ты все это выдумала, не так ли? Всю историю под названием «таинственный мужчина». Ты притворилась, что сошла с ума, чтобы скрыть факт измены.

У этой женщины не все дома.

— Прошу прощения?

— Не строй из себя дурочку, — кричит она. — Он все тебе отдал, а ты ему изменяла!

— Я не изменяла ему, — визжу я. Меня достала эта женщина. — Ни разу.

— Лгунья! Я видела, как вчера вечером ты выходила с ним из дома своих родителей. С мужчиной. Теперь все встало на свои места — все сходится. Ты использовала ту байку с воображаемым мужчиной, которого на самом деле не существовало, чтобы оттолкнуть Джерарда, и преподнесла все так, будто сошла с ума, забавляясь в свободное время со своим тайным любовником. Какой хитрый план покончить с браком, не запятнав свою репутацию.

Она ведь несерьезно.

— Ты сдурела.

— Так ты утверждаешь, что ни с кем не встречаешься? Значит, мне показалось, что ты выходила из дома за ручку с мужчиной?

Мой взгляд возвращается к Хиту. Не могу рассказать ей о нем. Я обдумываю это несколько секунд.

— Нет, я была с мужчиной. С другом.

— Какая же ты обманщица!

— Я не вру, Хизер. Он просто друг, которого я встретила в, эм, на встрече группы поддержки, в которую вступила. Я ни с кем не встречаюсь, и всегда была верна Джерарду.

— Ребенок, вероятно, был даже и не от него. Я все время задавалась вопросом, как это ты ни с того ни с сего, прямо-таки волшебным образом забеременела после стольких безуспешных попыток.

Моя кровь закипает.

— Кем ты себя возомнила? Закрой рот. Ребенок был от него. Я никогда, никогда не изменяла ему.

— Я считаю по-другому. И докажу это, и тогда тебе конец. Он получит дом, машину —

все. Ты меня слышишь? Все.

Я дрожу.

— Что, черт возьми, я сделала, из-за чего ты так сильно меня ненавидишь?

— Ты никогда не была достаточно хороша для него.

— Иди нахер, Хизер. Давай, ищи доказательства, но ты ничего не найдешь, потому что я не виновата.

— Ты заплатишь за это, попомни мои слова.

— Не смей угрожать мне, — шепчу я.

— Это не угроза, а обещание. Ты потеряешь все, как только я все узнаю, — после этих слов она вешает трубку.

Не задумываясь, я швыряю телефон через всю комнату, позволяя разочарованному крику вырваться наружу. Он с глухим звуком ударяется об стену.

— Эй, — руками Хит сжимает мои плечи и медленно разворачивает меня к себе. — Что случилось?

— Она видела нас, когда мы выходили из дома моих родителей, и решила, что у нас роман, а теперь собирается использовать это против меня в суде.

— Кто?

— Сестра Джерарда. Она ненавидит меня. Думает, что вся история о том, как ты спас меня, выдумана, и нужна лишь для того, чтобы развестись и остаться с любовником. Боже, она ненормальная, — все мое тело дрожит.

— Эй, взгляни на меня, — спокойно говорит Хит.

Я смотрю на него снизу вверх.

— У нее нет никаких доказательств, потому что ты ничего не делала. Пусть ведет себя как сумасшедшая, если от этого ей становится лучше.

Я смотрю на свои руки.

— Не хочу, чтобы он страдал. Несмотря ни на что, не хочу видеть, как он мучается. Мне нужно поговорить с ним без нее.

Желваки играют на скулах Хита, но он кивает.

— Если ты этого хочешь.

— Хочу, — говорю я, затем тянусь и обхватываю его лицо. — Я позвоню тебе позже.

Его глаза на секунду закрываются, и он бормочет:

— Я никогда не был ревнивым, но, черт, мне не по себе от мысли, что ты встретишься с ним.

Мое сердце трепещет.

— Ревнуешь?

— Прекрати ухмыляться, — рычит он.

Я широко улыбаюсь, затем становлюсь на носочки и целую его.

— Мне нужно ехать.

Он ворчит, но отпускает меня и неохотно дает ключи.

— До встречи, ребята, — я машу рукой, когда мы выходим.

Хит ревнует.

Почему это так приятно?

Я приезжаю к Хизер через полчаса, сразу после того, как заезжаю домой, беру кое-какую одежду и забираю машину, стоящую у дома родителей. Я выдыхаю с облегчением, когда обнаруживаю, что ее автомобиля рядом нет. Надеюсь, где бы она ни была, Джерард не с ней. Мне нужно поговорить с ним наедине насчет бракоразводного процесса, и если для этого я буду вынуждена требовать, чтобы ее не было рядом, я буду. Я протягиваю руку к входной двери и стучу, пытаюсь справиться с волнением и натягивая на уверенное выражение на лицо.

Через несколько минут дверь открывается, и появляется Джерард. У него грязные волосы, он голый по пояс, и на мгновение я чувствую боль в сердце. Оно болит, потому что мы не там, где, как я когда-то думала, будем. Болит, потому что какая-то часть меня не хочет продолжения. Болит, потому что он хороший человек, и мне ненавистно то, что мы докатились до такого. Наши взгляды встречаются, и я понимаю, как он устал. Это причиняет мне боль. Он не должен был оказаться в такой ситуации из-за всего этого. Хизер не помогает ему, и я надеюсь, он скоро поймет это.

— Ты видишься с кем-то еще? — спрашивает он усталым ледяным голосом.

Ладно, судя по всему, он уже успел поговорить с Хизер.

— Мы можем поговорить? — выдыхаю я. — Пожалуйста, Джерард. Все выходит из-под контроля, и я от этого устала. Нам нужно все обсудить без этой женщины.

— Эта женщина — моя сестра, и она заботится обо мне.

— Ага, — огрызаюсь я. — Веришь или нет, но я тоже забочусь о тебе. Мы можем разойтись, как цивилизованные люди, или я приостановлю бракоразводный процесс, пока мы не сядем и все не обсудим. Решение за тобой.

Секунду он изучает меня, а затем, сжав челюсть, выдыхает:

— Я переоденусь. Ты завтракала?

— Нет.

— Сходим куда-нибудь. Хизер занята сегодня утром.

Слава Богу.

— Я подожду здесь.

Через десять минут он выходит в чистом пуловере и джинсах. Когда-то я думала, что он элегантный. Повседневный стиль — это все, о чем я могла мечтать, но теперь, увидев брутальную сторону мужского пола, я в этом не так уверена. Стараясь преодолеть неловкость, мы забираемся в мою машину и едем в кафе, находящееся в нескольких кварталах от дома. Мы находим место и в течение нескольких минут просто сидим, смотря на что угодно, только не друг на друга.

— Ты с кем-то встречаешься?

Я не хочу лгать ему, но в то же время не могу рассказать много.

— Да, я проводила время с мужчиной, — говорю я правду.

— Перед тем как мы расстались?

Я печально качаю головой. Он должен знать меня лучше.

— Нет, Джерард. Не до того, как мы разошлись. Что бы ни сказала Хизер, это ложь. Я бы не сделала этого, и ты это знаешь.

Он проводит рукой по волосам.

— Не знаю, во что мне теперь верить.

— Ты можешь верить в это, потому что это правда. Я никогда тебе не изменяла.

— В это трудно поверить, ведь ты переехала так быстро.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, и пытаюсь найти способ объяснить это, не обманывая... по крайней мере сильно.

— Он мой друг.

— Тогда почему Хизер видела, как вы, выходя из дома твоих родителей вчера вечером, держались за руки?

— Мы всего лишь друзья, и я не обязана ничего тебе объяснять.

— Я с тобой не согласен, — рычит он.

На секунду я прикрываю глаза.

— Прекрати, Джерард. Мы выше этого. Разве мы не можем просто... попытаться? Ты когда-то любил меня. Я любила тебя. Мы отлично ладили. Почему мы не можем просто постараться сделать все правильно?

— Ты так сильно любила меня, что нашла другого через несколько недель.

Я ничего не говорю, потому что он прав, и я должна с этим согласиться.

— Не хочу все усложнять, — говорю я, меняя тему.

— Как и я, но хочу провести полное расследование, прежде чем продолжить. Твоя измена все поменяет.

Он ведь не серьезно.

— Я не изменяла тебе, — я стараюсь говорить спокойно, но мой голос срывается.

— Как же ты вдруг забеременела?

Боже. Нет. Только не это. *Все, что угодно, только не это.*

— Не знаю, что ты хочешь услышать. Мне повезло, и ребенок был твоим.

— Мы так долго пытались, но ничего не получалось, а потом ты неожиданно забеременела.

Успокойся.

Успокойся.

— Ребенок был твоим, — огрызаюсь я.

— И этот таинственный мужчина был выдуман только для того, чтобы разрушить наш брак?

О, Боже.

— Нет, Джерард, мы сами разрушили наш брак. Я, потому что верила во что-то, чего не было... — я глотаю слезы, ненавидя те слова, что собиралась сказать, — на самом деле. И ты, потому что не верил в меня и не поддерживал. Это не имеет ничего общего с каким-то планом уйти от тебя и бежать с любовником!

— Значит, ты признаешь, что у тебя есть любовник.

Боже милостивый. Она испортила его.

— Знаешь что? — шепчу я, вставая. — Это последний раз, когда я пытаюсь сделать все правильно. Если хочешь сидеть и слушать свою сестру, которая забивает твою голову ложью, тогда проводи расследование. Я не сделала ничего плохого и не виновата в том, что оказалась в неправильном месте в неправильное время и пережила самые худшие моменты в своей жизни, в то время как ты был на работе! — к концу своей тирады я кричу.

Успокойся.

Дыши.

— Эй.

Голос доносится позади меня, и я узнаю Шелдона. Я вздрагиваю, когда руками он обхватывает мои предплечья.

— Пора идти.

— Это он? — рычит Джерард, вскакивая.

— Послушай, мужик, не знаю, за кого ты меня принимаешь, но я здесь для того, чтобы помочь другу.

— Я выясню, что вы двое делали за моей спиной! — рычит Джерард, пока Шелдон ведет меня по тротуару. Все смотрят на нас.

— Спасибо, — шепчу я, когда мы скрываемся из виду.

— Хит послал меня.

— Итак, ты был одним из тех, кто следил за мной, — бормочу я, подойдя к своему автомобилю и открыв его.

— Интересную жизнь ты ведешь, мисс Люси.

Я слабо улыбаюсь ему.

Он улыбается в ответ.

Но от этого мне не становится лучше.

Л: Твой телохранитель вернул меня домой целой и невредимой.

Х: Знаю, он сказал мне. Ты в порядке?

Л: Мой муж думает, что у меня была интрижка на стороне, и я выдумала тебя, чтобы найти повод развестись, поэтому я не в порядке. Еще он под меня копает.

Х: Он что?

Л: Ага. Он хочет доказать, что я лгу.

Х: Черт. Я позвоню через десять минут, хорошо?

Л: Хорошо.

Я сворачиваюсь на диване калачиком, мой телефон лежит рядом, и в этот момент очень хочется, чтобы у меня были друзья, с которыми можно было бы поговорить. Раньше я не понимала, но по вине Джерарда у меня их никогда и не было. Мы всегда были слишком заняты, и когда у меня появлялись возможные друзья, которые приглашали меня на прогулку, что-то внезапно происходило. Эти досадные моменты мы осознаем только после того, как отношения прекращаются. Моменты, которые отравляли нас, но мы просто не осознавали этого.

Как Хит и обещал, телефонный звонок раздается через десять минут, и я отвечаю без колебаний.

— Привет, — говорю я мягко.

— Привет, милая, как дела?

Боже, его голос. В нем. Есть. Что-то такое.

— Более-менее.

— Шелдон сказал, что ситуация вышла из-под контроля, и именно поэтому он вмешался. Ты в порядке?

— Честно говоря, я рада, что он это сделал. Иначе я бы совсем перестала владеть собой, и не без причины. Не могу поверить, даже на секунду, что Джерард мог подумать, что я могла так с ним поступить. Я, может, и не подарок, но была хорошей и верной женой.

— Не сомневаюсь, малышка, — говорит он, его голос мягкий и успокаивающий.

— Ты хорошо разбираешься в законодательстве. У них имеется достаточно оснований, чтобы предъявить мне это в суде?

— Нет, потому что ты ничего не сделала. Они не могут найти то, чего не существует.

— Они могли бы найти тебя...

— Я знаком со всеми частными детективами в городе. Я позвонил кое-кому и узнал, к кому они обратились.

— Ты можешь и это сделать?

— У меня везде связи. Я подробно объяснил этому детективу, что здесь нечего искать, и он им сообщит об этом. Он был счастлив. К тому же сказал, что ему не понравилось, как эта женщина говорила с ним.

Мое горло сжимается, и в течение нескольких минут я не могу выговорить ни слова.

— Ты сделал это для меня?

— Для тебя я сделаю все что угодно, детка. Все что угодно.

— Кажется, я сейчас заплачу.

Он усмехается.

— Не надо, дорогая.

— Я увижу тебя сегодня вечером?

Он вздыхает.

— Нет, я не могу. У меня дела. Думаю, мы увидимся завтра вечером.

— Тогда я могу провести время с ребятами?

Он смеется.

— Нет, малышка.

Я фыркаю.

— У меня нет друзей. Разве это не прискорбно?

— Не совсем, но тебе обязательно нужно завести парочку.

Я скрещиваю ноги.

— И как, по-твоему, я могу это сделать?

— Не знаю. Тебе нравятся физические упражнения?

— Если засовывание и высовывание руки из пакетика с чипсами ты называешь упражнением, то да, нравится.

Он смеется, и его смех глубокий и искренний, и в этот момент я понимаю, что это мой самый любимый звук в мире.

— Должно же быть что-то, что тебе нравится, тогда ты могла бы найти единомышленников.

— Я люблю читать...

— Разве в библиотеках нет книжных клубов?

— Есть.

— Сходи в одну из них. Это отличное место, чтобы завести новые знакомства.

В моем сердце появляется надежда, и я улыбаюсь.

— Я завтра же пойду в библиотеку. Спасибо, Хит.

— Обращайся. Слушай, мне нужно закругляться. Пиши, если что-нибудь понадобится, хорошо?

Я улыбаюсь.

— Ага.

— Спокойной ночи, малышка.

— Спокойной ночи, красавчик.

Я отключаюсь, и на сердце становится намного светлее. Как только ему это удастся? Он делает все, чтобы я снова чувствовала себя хорошо.

На следующий день я вступила в местный книжный клуб, и, выходя из библиотеки, почувствовала себя хорошо. *Действительно хорошо.* Первая встреча завтра вечером, а я уже не могу этого дожидаться. Я так отчаянно хочу познакомиться с людьми, что готова попробовать что угодно, чтобы изменить свою жизнь. Я иду по тротуару бодрым шагом и

легким сердцем, пока не сворачиваю за уголки вижу троих мужчин, стоящих около моей машины.

Я застываю на месте.

В жизни некоторые моменты предупреждают об опасности — и этот один из таких. Я чувствую, как с головы до пят меня пробирает дрожь, и ощущаю покалывание, которое говорит о том, что здесь что-то не так. О том, что эти мужчины нехорошие люди. Моя интуиция кричит об опасности. Я останавливаюсь, рассматривая их. И узнаю пожилого мужчину, который мешал мне говорить с Хейли в торговом центре.

Я чувствую, что мое сердце сейчас остановится.

— Что вам нужно? — спрашиваю я, доставая телефон из сумки.

— Тебе он не понадобится, — говорит мужчина, делая шаг вперед.

Я изучаю его, и что-то в нем кажется мне знакомым — очень, очень знакомым. У него светлые волосы, но они выглядят так, будто окрашены. Они заплетены в косу, которая спускается по его спине, подчеркивая светло-голубые глаза и точеные черты лица. Он выглядит... скажем так... *как святой*. Он опасен, от него так и веет опасностью; он омерзительный; в нем нет ничего хорошего. На нем белая рубашка на пуговицах и джинсы. Для стороннего наблюдателя он, скорее всего, выглядит нормально; для меня — олицетворяет страх.

На шее у него висит крестик. Я хочу сорвать его.

— Мы знакомы? — говорю я, и мой голос не так тверд, как хотелось бы.

— Нет, — говорит он ровным голосом. — И не узнаешь, если расскажешь мне все, что я хочу узнать.

— Не знаю, что я могла бы рассказать вам.

Он улыбается, и от его улыбки мне хочется повернуться и бежать.

Он подходит ближе. Я отступаю. Он машет рукой, и двое мужчин, которые были с ним, окружают меня со всех сторон, отрезая путь к спасению. Страх сковывает горло, но я стараюсь не подавать вида.

— Тебе знаком Хит Уокер?

Я и глазом не веду, но на это уходят все мои внутренние силы. До этого момента я не знала фамилию Хита. Обуздав свои эмоции, я говорю:

— Понятия не имею, кто это.

Мужчина изучает меня.

— Думаю, ты врешь.

— Я не вру, — говорю я спокойно. — Мне не знакомо это имя. Никогда в жизни не слышала его.

Он прищуривается, изучая меня вблизи.

— Ты устроила сцену в торговом центре. Зачем?

Я едва могу дышать, мое сердце колотится с бешеной скоростью.

— Потому что я была на стадионе. Я видела, что ты... вы сотворили монстров.

Он сжимает челюсть.

— Монстры — это те люди, которые живут не по Божьим законам.

Боже. Он бредит.

— Вы убили людей!

— Лично я ничего не сделал. Теперь я снова спрашиваю тебя, знаешь ли ты Хита Уокера?

— Нет, — резко отвечаю я. — Я уже сказала вам об этом. Я лишь пыталась показать остальному миру, что кучка отморозков находится в торговом центре. И кем бы ни был этот Хит, вы должны держать его и себя от меня подальше. Не хочу иметь с вами ничего общего.

Похоже, это срабатывает, потому что мужчина кажется немного разочарованным. Но он быстро скрывает это и делает шаг вперед, протягивая руку и обхватывая ладонью мое лицо. Я вздрагиваю и пытаюсь отступить назад, но двое мужчин не дают мне этого сделать.

— Такой огонь, такая ярость. Я мог бы тебе помочь.

— Вынуждая меня жить так, как я никогда бы не захотела? Как и остальных девушек? — огрызаюсь я.

Его глаза вспыхивают.

— Такая мятежная душа.

— Убери свои руки от меня, — шиплю я.

Но он этого не делает.

— Я предлагаю тебе перестать вмешиваться в мой план, в мою жизнь и докучать моим людям. Если ты этого не сделаешь, то окажешься в довольно... *сложной* ситуации.

— Вы мне угрожаете? — со злостью спрашиваю я.

Пальцами он очень сильно впивается мне в щеку, и я морщусь, но не отклоняюсь назад. К тому же, не хочу, чтобы отморозки позади меня прикасались ко мне своими руками.

— Я не угрожаю. Возможно, если ты изменишь свое мнение, то сможешь разыскать меня. Мне нравится вызов. Если нет, то рекомендую тебе продолжить жить своей обычной жизнью, или я буду вынужден принять некоторые довольно радикальные меры. Ты видела, на что я способен, когда люди стоят на моем пути и на пути Господнем.

— Бог, — смеюсь я с горечью. — Бог не убивает людей.

Он смотрит на меня с отвращением, будто я ненормальная и ему приходится объяснять такую простую истину.

— Жертвоприношения нужны Богу ради общего блага.

— Ты слышишь себя?

Мужчина опускает руку, и его глаза, такие знакомые глаза, находят мои, и он ухмыляется.

— Хорошего дня, Люси.

Он знает, как меня зовут.

От этого по спине проходит холодок, а он поворачивается и уходит вместе со своими людьми.

Кто, черт возьми, этот мужчина? И почему у меня такое чувство, что я его знаю?

Я не еду на склад, на случай, если эти мужчины следят за мной. Вместо этого я как можно спокойнее еду домой, вылезая из машины и вхожу в дом. Прежде чем достать телефон и позвонить Хиту, я проверяю каждую комнату и запираю все двери. Он отвечает после второго гудка, и я начинаю что-то бессвязно бормотать, не давая ему сказать и слова.

— Хит. Трое мужчин остановили меня сегодня. Из секты. Я... они спрашивали о тебе. Я не знаю что делать. Я не...

— Эй, успокойся, — невозмутимо говорит он. — Давай с самого начала.

— Они поджидали меня около моей машине после того, как я вышла из библиотеки. Старик из торгового центра и еще двое. У одного были светлые волосы, он мерзко вел себя и спрашивал о тебе. Потом он мне угрожал и...

— Я только что послал Танка за тобой.

Я открываю рот, а затем снова закрываю его.

— Что?

— Он ближе всех и скоро будет у тебя.

— Но...

— Люси, тебе нужно приехать сюда.

Страх сдавливает мне грудь, и я шепчу:

— Хит...

— Детка, все нормально. Просто доверься мне. Танк скоро будет.

Он вешает трубку прежде, чем у меня появляется возможность возразить, ведь Танк до смерти меня пугает, и меньше всего мне сейчас хотелось бы проводить с ним двадцать минут в машине. Но учитывая, что у меня, похоже, нет выбора, я собираю в сумку немного вещей первой необходимости, беру пальто и жду у выхода. Через десять минут я слышу грохочущий звук грузовика за дверью. *Ничего плохого не случится.*

Я выхожу, запирая за собой дверь, и иду в сторону грузовика. Танк не выходит и, когда я открываю дверь, он смотрит прямо перед собой. *Не удивительно.*

— Привет, — бормочу я, садясь в машину.

Он включает передачу и начинает движение, не отвечая мне.

Десять минут мы едем молча. В конце концов, это становится невыносимым, и я поворачиваюсь к нему.

— Что я такого сделала, что ты так сильно меня ненавидишь?

Танк не отвечает.

— Серьезно? Ты мог бы, по крайней мере, быть любезным и ответить мне.

Он сжимает кулаки.

— Ты ничего не знаешь обо мне и моих братьях.

— Я никогда и не утверждала, что знаю, — резко отвечаю я.

— Ты не должна быть здесь. Хит не должен рисковать всем ради тебя, — выпаливает он.

— Я об этом и не просила.

— Он говорил, чтобы ты оставила его в покое. Что может быть яснее этого?

Я в ярости закрываю рот и держу язык за зубами, не желая терять контроль при нем. Он

не дает мне шанса и даже не пытается казаться вежливым. Когда мы приезжаем на склад, я выскакиваю из грузовика даже раньше, чем он окончательно останавливается.

Хит ждет у входной двери, и, увидев меня, выбегает навстречу. Я бросаюсь в его объятия и прижимаюсь лицом к его груди.

— Он сделал тебе больно?

— Нет, — шепчу я.

— Входи. Нам надо поговорить.

Мы входим внутрь, где все ребята сидят за столом. Хит поворачивается ко мне и изучает мое лицо, а затем стискивает челюсть. Он протягивает руку и поглаживает пальцем мою щеку.

— У тебя синяк.

— Да? — спрашиваю я, касаясь щеки.

— Это его рук дело?

— Я... Да.

— Садись. Нам нужно, чтобы ты рассказала все, что он говорил, ничего не утаивая. Хорошо?

Я киваю и подхожу к столу, избегая зрительного контакта со всеми, когда сажусь на свое место. Хит садится рядом, пока Танк стоит возле Джонни, все еще свирепо глядя на меня. Я смотрю на свои руки.

— Я как раз выходила из библиотеки, когда увидела их возле своей машины. Их было трое — мужчина, которого я видела в тот день в торговом центре, и еще двое. Я не обратила особого внимания на второго, но третий был блондином, кажется, это не его натуральный цвет, и у него были длинные волосы, заплетенные в косу. Он был ужасен.

— Черт, — шипит Джонни.

— Что он сказал? — спрашивает Шелдон.

— Он спросил, знаю ли я Хита Уокера. Я сказала, что понятия не имею, о ком он говорит. Спрашивал, почему я устроила сцену в торговом центре, и предупреждал, к чему приведут мои провокации в его сторону. Я ответила, что сделала это потому, что он подонок. Он снова спросил о тебе, и я сказала, что не имею понятия, кто, черт возьми, ты такой, но если ты ничем от него не отличаешься, то тебе стоит держаться подальше от меня. Кажется, он в это поверил. Потом схватил меня и сказал, чтобы я держалась от него подальше, иначе пострадаю. Кроме того, он пытался заставить меня принять его помощь. Он ужасный, но, клянусь, кого-то мне напоминает.

Все мужчины переводят взгляды друг на друга.

— Что происходит? — спрашиваю я, беспокойство растет в моей груди.

— Ничего, о чем тебе бы следовало беспокоиться, — отрывисто говорит Хит. — Мне просто нужно знать все.

— Когда ты собираешься сказать ей, мужик? — бормочет Блейк.

Хит впивается в него взглядом.

— Сказать, что? — уточняю я.

— Ничего, детка, — бормочет Хит, наклоняясь и обнимая меня за плечи.

— Хит...

— Люси, верь мне, хорошо?

— Этот мужчина угрожал мне, — огрызаюсь я. — И я устала быть в неведении. Я буду держать язык за зубами и не собираюсь разгуливать и искать его повсюду.

— Нет, — предупреждает Танк, впиваясь взглядом в Хита.

— Скажи ей, брат, — говорит Джонни. — Даже я считаю, что она должна знать.

— Черт возьми, скажешь ей, и я сваливаю, — рычит Танк.

— Твою мать, — рывкает Хит. — Замолчите все.

Я смотрю на него, прищурив глаза.

— Хит?

Он смотрит на своих братьев, затем на друзей и, наконец, на меня.

— Нет.

Это ранит.

Так чертовски ранит.

Он не доверяет мне, и я ненавижу это. Может, я и заслужила, но мне это не нравится.

Я качаю головой и выскальзываю из его объятий.

— Я иду домой.

— Люси, — рычит он, схватив меня за запястье.

— Отпусти меня, — говорю я тихо. — Я понимаю, что облажалась в самом начале, но тогда я ничего не понимала. Теперь я все понимаю, но ты до сих пор не доверяешь мне.

— Речь не о доверии.

— Именно, — кричу я, вырывая свою руку, — о нем.

— Люс...

— Пока.

Я иду к двери и останавливаюсь, когда понимаю, что не смогу самостоятельно вернуться домой. Повернувшись, я смотрю на Блейка, затем на Шелдона.

— Кто-нибудь из вас может отвезти меня домой?

Они смотрят на Хита. Он хмурится, но быстро кивает.

Шелдон встает и хватается за ключи, а затем следует за мной к двери.

Я стараюсь держаться, но когда сажусь в грузовик, слезы катятся по моим щекам.

— Эй, — говорит он, заводя грузовик и выезжая. — Не принимай все так близко к сердцу. Он ведет себя странно только потому, что пытается защитить тебя.

— Мне не нужна защита, — шепчу я. — Мне просто нужна правда.

Он слабо улыбается.

— Будет. Просто потерпи.

Остальную часть поездки до дома мы едем, не произнося ни слова. Когда мы приезжаем, Шелдон провожает меня до двери и спрашивает, все ли в порядке. Я прощаюсь с ним, а затем закрываю дверь.

И захожу в свой пустой дом.

Впервые я чувствую себя в нем такой одинокой.

— Да, она звонила мне, — говорю я маме по телефону тем же вечером, пока смотрю сентиментальный фильм о любви, свернувшись на диване.

— Эта женщина — одна сплошная неприятность, — резко говорит мама. — Честно

говоря, она всегда была проблемой.

— Знаю, мам. У нее нет никаких доказательств, так что пусть делает что хочет.

— В любом случае, это неправильно. Вы с Джерардом могли бы решить все как цивилизованные люди, но вместо этого она сунула в ваши отношения свой нос и создала проблемы.

Я вздыхаю.

— Джерард большой мальчик. И сам позволяет ей это.

Она колеблется.

— Полагаю, ты права.

— Слушай, я собираюсь ложиться спать. Я так устала.

— Как там красавчик?

Я молчу.

— Люси?

— Он, эм, хорошо.

— Ты врешь. Твоя мама всегда знает, когда ты врешь.

Я улыбаюсь, несмотря на грусть.

— Знаю. Поговорим об этом в другой раз, хорошо? Я не хочу сегодня об этом говорить.

— Хорошо, милая.

— Эй, мам?

— Ммм?

— Если бы ты знала, что несовершеннолетние дети в опасности и не в состоянии себе сами помочь, ты бы помогла им или доверила это другим людям?

Некоторое время она размышляет об этом.

— Я бы помогла им, потому что отзывчивая, и мне не нравится сама мысль о том, что ребенок или подросток находится в безвыходном положении.

— Даже если это опасно, и ты вмешиваешься в то, во что тебя предупреждали не влезать?

— Это зависит от того, кто предупреждал, и насколько это опасно. Ты не впутаешься в какие-нибудь неприятности, Люси?

— Нет, совсем нет. Это всего лишь... вопрос.

— Тогда ладно, я надеюсь, ты не наделаешь глупостей и не станешь лезть в расследование, милая. Позволь этому мужчине делать свою работу.

— Так и сделаю.

— Я знаю свою дочь...

Я тихо смеюсь.

— Я оставляю это ему, мам.

— Хорошо. Спокойной ночи, дорогая.

— Спокойной ночи, мам.

Я отключаю телефон и отклоняюсь назад в кресле, думая о Хейли и всех остальных девочках в том месте. Знаю, мне нужно предоставить это Хиту, но мысль о том, что они там совсем одни, беспокоит меня. Мне ненавистно осознавать, что у них нет никакого выхода, но больше всего я ненавижу то, что должна сидеть здесь и ничего не делать, пока Хит предпринимает какие-то шаги, чтобы обезвредить эту ужасную секту.

Он не доверяет мне.

И я от этого не в восторге.

Раздается стук в дверь, и, вздохнув, я встаю и направляюсь к ней. Это, скорее всего, Хит. Не уверена, готова ли встретиться с ним, но решаю, что у меня, вероятно, нет другого выбора. Я распахиваю дверь и вижу Джерарда, стоящего за ней, его лицо красное, глаза остекленевшие. Он что... плакал?

— Ты когда-нибудь любила меня?

Мое сердце замирает.

— Джерард, что ты здесь делаешь?

— Ответь! — вопит он. — Ты когда-нибудь любила меня?

— Конечно, любила, — кричу я. — Боже, конечно же, я любила. Ты лучшее, что когда-либо случилось со мной.

— Тогда что же произошло?

— На меня напали, и это изменило мою жизнь, а ты не поддержал меня.

— Я пытался, — хрипит он, проводя рукой по волосам. — Я пытался.

Мое сердце разрывается от боли за него.

— Знаю, но ты не поверил мне, когда я так нуждалась в этом. Ты подвел меня.

Он качает головой и смотрит на небо, прежде чем снова взглянуть мне в глаза.

— Я не знал, как справиться с этим. Между нами всегда все было так легко, так открыто, так просто. Я никогда не мог справиться с большим наплывом эмоций, и когда с тобой все это произошло, я посмотрел на тебя по-другому. Просто я... не хотел взглянуть правде в глаза.

Мое сердце болит, но я рада, что после десяти лет, прожитых вместе, поняла, что мой муж был эмоциональным калекой.

— Я стояла того, чтобы ты попытался, — шепчу я.

— Знаю, Люси, и мне очень жаль. Я поставил работу на первое место. Мои чувства. Мои желания. Это было неправильно по отношению к тебе, а теперь ты встречаешься с кем-то, и я схожу от этого с ума.

Я вздрагиваю.

— Не понимаю, что ты хочешь мне сказать, Джерард.

— Скажи, что позволишь мне вернуться, что мы дадим еще один шанс нашему браку, что мы можем попробовать. Мы можем сделать что-то... хоть что-нибудь...

Я ненавижу то, что должна отвергнуть его, но я никогда не смогла бы принять его обратно. Не сейчас. Искренней любви больше не будет.

— Этого не произойдет; ты знаешь, что это невозможно. Сейчас все слишком запутанно, и если ты не можешь справиться с этим...

— Мне помогут, я буду прилагать больше усилий...

— Джерард, — говорю я мягко. — Я больше не люблю тебя.

— Не прошло даже двух месяцев! — кричит он. — Это ложь.

— Нет.

Потому что я влюбилась в другого.

— Люси, пожалуйста, — он делает шаг вперед и обхватывает мое лицо ладонями. — Пожалуйста.

Слеза скатывается по моей щеке, потому что мне больно видеть его таким.

— Мне так жаль, — шепчу я.

— Нет, — хрипит он, притягивая меня ближе и впиваясь своими губами в мои.

Я позволяю ему это лишь на несколько секунд. Несколько секунд для него. Несколько

секунд для меня. Знаю, пришло время отпустить его, но это не значит, что это не причиняет мне боль. Он был огромной частью моей жизни, и мне действительно не хотелось предавать его. Полагаю, это прощальный поцелуй. Последний. Поэтому я и позволила ему это, на долгие секунды. Позволила ему поцеловать себя.

— Джерард, — шепчу я, отступая. — Пришло время двигаться дальше.

Я бросаю взгляд ему за спину и вижу Хита, который стоит на моей лужайке, глядя на меня снизу вверх. Мое сердце уходит в пятки. Я отталкиваю Джерарда и обхожу его.

— Подожди!

Но Хит уже большими шагами уходит в темноту.

— Хит!

— Что? — говорит Джерард, оглянувшись вокруг и уставившись в направлении исчезающего мужчины.

— Стой, — кричу я и бросаюсь вниз по ступенькам.

Когда я добегаю до дороги, он уже скрывается в тени, будто его там никогда и не было.

— Люси, здесь никого нет.

Джерард не видел его.

— Я должна идти, — кричу я, поворачиваясь и бросаясь в дом, и хватаю ключи. Меня не волнует, что на мне только пижама — мне просто нужно его найти.

Я залезаю в машину, не оглядываясь на Джерарда.

Проклятье. Какая же я идиотка.

— Пожалуйста,пусти меня, — прошу я Танка, который стоит в дверях, глядя на меня. Я слышу музыку, играющую за его спиной. Очевидно, у них вечеринка, но, я знаю, Хит здесь, потому что его грузовик стоит перед домом. Я объездила весь город, разыскивая его, прежде чем приехать сюда, надеясь, что он вернулся домой. И была права.

— Нет.

— Впусти меня, — повторяю я.

— Нет.

Я срываюсь.

— Дай мне, черт возьми, войти, или я что-нибудь разобью.

Он моргает, но в следующее мгновение его лицо снова становится непроницаемым.

— Иди домой, девочка.

— Хорошо, ты сделал свой выбор, — я мчусь к ближайшему окну и подбираю самый большой камень, который только могу найти.

— Боже, — рычит Танк. — Ты ебанулась.

Я поднимаю камень вверх.

— Я брошу, если непустишь.

— Он не хочет тебя видеть.

— А мне плевать.

Вздыхнув, Танк отходит в сторону.

— Как хочешь. Мне абсолютно похер, чем вы двое занимаетесь.

Я бросаю камень, с торжественной улыбкой проношусь мимо него и захожу внутрь. Здесь несколько человек: кто-то играет в пул, кто-то сидит на диване, а кто-то просто пьет. Понятия не имею, кто они такие; мне все равно. Я вхожу, осматриваюсь и замечаю Хита, сидящего на диване с миленькой блондинкой. Она смеется, откинув голову назад.

Ох. Черт. Нет.

Я бросаюсь вперед и останавливаюсь перед ним. Он вздрагивает, когда замечает меня, но сохраняет спокойствие, хотя это едва заметно.

— Мы можем поговорить? — спрашиваю я, переводя взгляд на великолепную блондинку, сидящую слишком близко к нему.

— Я занят, — бормочет он.

— Хорошо, тогда я скажу это перед всеми. Все было не так, как ты подумал, — болтовня в комнате тут же прекращается, и наступает тишина.

Его лицо застывает.

— Возвращайся к своему мужу. Я занят.

Я вздрагиваю.

— Иди на хер, — шиплю я, после чего его глаза наполняются дикой яростью.

— Что ты сказала?

— Ты слышал. Я сказала, пошел на хер. Я играла по твоим правилам; делала то, что ты просил. Я потеряла все, что имела. Да, он меня поцеловал. Да, я позволила ему это, но если бы ты остановился, то увидел бы, почему я это сделала. Ты бы понял, что это был прощальный поцелуй.

Он ничего не говорит.

— Я отпустила его, потому что, наконец, поняла, что это уже не та жизнь, которую мне хотелось бы иметь.

— Оправдывайся где-нибудь в другом месте, — бормочет он.

— Нет, — кричу я. — Нет, я не уйду. Я скажу тебе все прямо здесь, и ты выслушать меня.

— Люси, — рычит он. — Уйди.

— Заставь меня, — шиплю я.

Хит встает и отпихивает от себя блондинку. Он смотрит мне в глаза, но я не тушуюсь, хотя, скорее всего, выгляжу, как ребенок.

— Не хочу видеть тебя здесь. Ступай домой и живи своей жизнью.

Я поднимаю руки и толкаю его в грудь.

— Пошел ты, Хит.

— Иди домой.

— Боже, — визжу я, толкая его сильнее. — Ты такой придурок. Я просто просталась с ним, мы расстались. Хочешь знать, почему я это сделала?

— Нет, — рявкает он.

— Потому что я люблю тебя. Тебя, гребаный мудака.

Вся комната замирает, наступает мертвая тишина. Замолкает даже он.

— Да, — говорю я, мой голос становится тише. — Это правда. Я люблю тебя, и не могла сегодня поступить иначе. Я бы все равно рассталась с ним по-доброму, даже несмотря на твою сумасшедшую ревность, потому что когда-то любила его, и он заслуживает уважения. А сейчас я ухожу, потому что мне так сильно хочется дать тебе по морде, что у меня дергается ладонь.

Кто-то смеется.

Я поворачиваюсь.

Хит делает шаг вперед, и, прежде чем я понимаю, что происходит, подхватывает меня и забрасывает на плечо. Я визжу, когда он шлепает меня по заднице с такой силой, что это отзывается болью.

— Никогда не разговаривай так со мной, — рычит он, направляясь к своей комнате. Затем снова шлепает меня.

— Ай! — вскрикиваю я. — Прекрати.

— Я еще не закончил.

Войдя в свою комнату, он захлопывает дверь и запирает ее. Через минуту музыка снова начинает играть. Сделав два больших шага, Хит достигает кровати и бросает меня на нее. Я приземляюсь на спину и смотрю на него снизу вверх.

— Раздевайся.

Я моргаю, затем огрызаюсь:

— Выкуси.

Он делает шаг вперед, на его лице отражается угроза, но в то же время надежда.

— Не искушай меня.

— Я и не искушаю. Ты забыл? Мы не занимаемся сексом.

— Это уже не актуально.

Я открываю рот и зеваю.

— Не может быть!

— Детка, может. Ты только что сказала, что любишь меня.

— Да, ну, — издевательски выговариваю я, уперев ногу в его грудь, когда он наклоняется ближе. — Я соврала.

Он усмехается.

Я закатываю глаза.

— Мы сделаем это, и это будет жестко и глубоко, потому что я чертовски зол.

— Как и я, — возражаю я. — Даже больше, чем ты.

Его усмешка превращается в волчий оскал. Бог мой.

— Не знаю, с чего бы это, — говорит он, хватаясь за мои пижамные штаны и стаскивая их вниз. — Это ведь ты целовалась с другим мужчиной.

— Ну, прости, что этот мужчина оказался моим мужем, и я поступала правильно, — возражаю я, пиная его ногами, но он обхватывает ладонью мою лодыжку и крепко удерживает меня на месте.

— Затем ты появляешься здесь и кричишь на меня, — бормочет он, отбрасывая мои штаны в сторону, и тянется к моим трусикам.

— Ты заслужил, — говорю я, извиваясь.

— Кроме того, — шипит он, наклоняясь и стягивая мои трусики. — Ты приходишь ко мне в этой чертовски милой пижаме.

— Ну, у меня не было времени переодеться.

Он одним движением освобождает меня от трусиков, и я нервничаю, оказавшись перед ним голой. Он смотрит вниз на мои прелести и издает гортанный рык, прежде чем схватить мои ноги и забросить их себе на плечи.

— В наказание я не дам тебя кончить, пока ты не станешь умолять меня об этом.

— Как хочешь, — говорю я, но голос выдает меня.

Он усмехается и опускается на колени. В следующее мгновение он уже оказывается у меня между ног, а его язык касается моей киски. Я кусаю нижнюю губу, стараясь не закричать, потому что знаю, он этого и добивается. Я прикусываю ее так сильно, что острая боль обжигает мой рот, но не издаю ни звука. Он яростно ласкает мою киску, задевая клитор, а затем перемещается ниже и проникает языком глубоко в меня.

Не шевелись.

О, Боже, это так удивительно.

— Строишь из себя упрямыцу, детка? — бормочет он напротив моей плоти. — Думаю, я мог бы поднять игру на новый уровень.

Он снова находит мой клитор и начинает посасывать чувствительный участок, пока пальцем скользит в меня, сгибает его и находит то самое местечко. Слабый вздох срывается с моих губ, и я быстро сжимаю их, но не раньше, чем слышу его триумфальное хмыканье, пока он жадно впивается в мою плоть. Почему он должен быть так хорош в этом?

Он проникает в меня своими пальцами и ласкает до тех пор, пока это не становится для меня невыносимым. Я стараюсь сдерживаться, но это доставляет мне такое удовольствие. Стон слетает с моих губ, и я кончаю, очень бурно. Все мое тело сотрясает дрожь, когда волны удовольствия накрывают меня с головой. После этого Хит быстро придвигается ко мне, стаскивает джинсы и перемещает мою задницу к краю кровати.

Затем он входит в меня и начинает трахать с бешеной скоростью. У него большой член, который растягивает меня, полностью погружаясь. Он знает, как им пользоваться, знает, под каким углом доставить больше удовольствия — он просто знает, как заставить меня

чувствовать себя так невероятно. Я выдыхаю его имя, даже не пытаюсь больше сдерживаться. Он чертовски зол, и это заводит меня. Все его тело напряжено, мускулы выпирают, вены вздуты и возвышаются над его кожей. Он невероятно сексуален. И от этого захватывает дух.

— Сильнее, — задыхаюсь я.

Он замедляется.

— Черт, Хит, сильнее! — стону я, извиваясь.

— Это было бы слишком просто, — говорит он, тяжело дыша.

— Мудак.

Он замедляется, начиная двигаться в мучительно медленном темпе. Я поднимаюсь на локти и пытаюсь схватиться за что-нибудь, чтобы заставить его увеличить темп, но он стоит, и я не могу дотянуться до него. Я смотрю вниз на его член, который входит и выходит из меня; он блестит от моего возбуждения. Черт побери, это так сексуально. Я задыхаюсь и откидываюсь назад. Несмотря на медленный темп, я чувствую, как приближается оргазм.

Только прежде чем я достигаю его, Хит выскальзывает из меня.

— Хит, — говорю я скрипучим голосом, мое тело горит, а оргазм ускользает.

— Перевернись.

— Но...

— Я сам решу, когда ты кончишь. Переворачивайся, — приказывает он, его член пульсирует напротив его живота.

Я смотрю в его глаза.

— Нет.

Он усмехается, наклоняется и, подхватив меня, переворачивает, прижав руку к середине моей спины, чтобы удержать на месте.

— Кажется, тебе нравится бросать мне вызов, — рычит он и снова входит в меня. — Думаю, это потому, что тебе нравится, когда я доминирую.

Он прав. Мне нравится.

Я сжимаю пальцами покрывало и выгибаюсь, пока он трахает меня жестко и глубоко. Я стараюсь не подавать виду, что почти готова кончить, но он понимает это — он понимает и не дожидается, когда я пересеку финишную черту. Он выскальзывает из меня, тяжело дыша.

— Боже, — задыхаюсь я. — Прекрати это.

— Проси прощения.

— Пошел ты, Хит.

— Давай же.

Черт бы его побрал.

— Прошу прощения, а теперь продолжай.

— С чувством, — он наклоняется и убирает мои волосы с шеи.

— Прости, — говорю я, поворачивая лицо так, чтобы встретиться с ним взглядом. — Прости меня.

Его глаза вспыхивают, и он оставляет быстрый поцелуй на моих губах.

А затем трахает, пока я не кончаю.

Неделю спустя

На этот раз выдалась спокойная неделя.

Хит был занят расследованием, а я работой и встречей с адвокатами. Я посещала книжный клуб и познакомилась с некоторыми прекрасными людьми, которые помогли мне скоротать время. Джерард по-прежнему настаивал на том, чтобы провести расследование, чтобы убедиться, что я не изменяла ему, но, я знаю, Хит хорошо замел следы. Теперь я разговаривала с Джерардом только в присутствии юристов и оборвала с ним все контакты.

— На сегодня хватит, — улыбается моя начальница Эми, когда в субботу вечером заканчивается моя смена.

— Спасибо, — вздыхаю я. — Я очень устала. Был напряженный день.

— Верно. Иди домой и наслаждайся выходными. Ты придешь в понедельник?

Я киваю.

— Конечно. Увидимся.

Сразу после того, как заканчиваю, я переодеваюсь и уйду. Сегодня я планирую ехать мимо склада, потому что хочу повидаться с Хитом. С прошлой недели я видела его не больше, чем несколько минут, и отчаянно хочу большего. По пути к машине я собираю волосы в хвостик. Сейчас я счастлива, беззаботна, и в моей жизни все хорошо.

И поэтому жизнь решает подбросить мне мгновение.

Ведь она еще та сволочь.

Четверо мужчин выходят из переулка, и я сразу же узнаю блондина, с которым встречалась в прошлый раз. Он улыбается мне, но от этого мороз идет по коже.

— Привет, Люси.

Я поворачиваюсь, собираясь сбежать, но один из его приспешников делает шаг вперед и хватает меня, закрывая рукой рот, чтобы я не закричала. Я пытаюсь пнуть его, стоя к нему спиной, но он сильный. Трое других мужчин следуют за ним, когда он тащит меня вглубь переулка. О, Боже, они собираются изнасиловать меня? Я извиваюсь сильнее, борясь и кусаясь, делать все, что могу, чтобы высвободиться. Ничего не работает. Он словно скала.

Паника поднимается в моей груди, когда я перебираю все возможные варианты развития событий. Среди них нет ни одного хорошего.

Мы подходим к белому фургону, и дверь открывается еще до того, как мы останавливаемся. Внутри находятся еще двое мужчин. Без раздумий меня бросают в середину, и я падаю на пол. Я поднимаюсь, стремглав бросаюсь в сторону открытого пространства, но нарываюсь прямо на дуло пистолета. Я кричу и бросаюсь назад, но упираюсь в кучку мужчин. Я окружена, мне некуда идти. Мне не пройти мимо них, даже если попытаюсь.

— Отпустите меня, — кричу я в тот момент, когда дверь захлопывается.

— Сиди спокойно и перестань кричать, — рычит мужчина, в его руках пистолет, — или я тебя убью.

— Что тебе от меня нужно? — сердито кричу я блондину.

— Мне нужен мой брат.

— Прошу прощения?

Он ухмыляется.

— О, он не сказал тебе?

— Кто и что не сказал мне?

Его ухмылка перерастает в улыбку, и это ударяет меня, как чертова кувалда. Я пыхчу назад, внимательно всматриваясь в его лицо. Форма глаз, изгиб скул, ямочки, но главное... улыбка. Я не была с ним знакома, как поначалу подумала, но теперь мне понятно, почему решила, что знаю его.

Этот мужчина похож на Джонни.

И на Танка.

И на Хита.

— Приятно познакомиться с тобой, Люси. Я Джош.

О, Боже. Он четвертый брат.

Нет.

Нет.

Больше я не произношу ни слова. Выглянув в небольшую щелочку между оконными занавесками, я вижу, что мы прибыли к месту, где располагается их секта, в лес. Кажется, я в шоке. Теперь все начало проясняться. По какой-то причине Джош думал, что Хит умер, и теперь он, очевидно, знает, что это не так. Но я хочу знать, зачем ему я и что именно произошло между четырьмя братьями.

Фургон останавливается, и трое мужчин сторожат у двери, пока двое других поднимают меня, держа так крепко, что у меня нет ни единой возможности пошевелиться, мое тело полностью онемело. Голова кружится. Я не знаю где лево, а где право. Я совершенно растеряна.

Дверь открывается, и меня выталкивают из машины. Мы уже за забором, и у меня появляется возможность осмотреться. В центре расположен костер, справа от него — несколько плохо освещенных хижин. Слева находится довольно большой сарай, похожий на здание, и, кажется, меня ведут туда.

Люди повсюду. Молодые, старые — всех рас. Все они одеты в белые халаты, их волосы распущены. Они останавливаются и смотрят на меня с презрением, пока меня тащат за Джошем в сарай.

Как только мы заходим внутрь, я понимаю, что с трудом могу дышать. Здесь много места и все подобрано со вкусом — не то, что я ожидала. Полированные деревянные полы, современная мебель — мы словно очутились в королевских покоях.

Мы заходим в комнату, где меня, наконец, отпускают. Окна зарешечены. И, вероятно, панель у двери — это кодовый замок. Я в плену. Окруженная хоть и небольшой группой, но сильных мужчин, мое сердце колотится, когда я смотрю на мужчину, который явно здесь главный. На мужчину, который является родственником человека, которого я люблю. Как они могут так отличаться друг от друга? Что такого случилось с этим мужчиной, что он стал таким... жутким? То же, что и с Танком? Поэтому он так зол?

— Не могу поверить, что ты его брат, — приглушенно выговариваю я слова, которые терзают мои мысли.

Его взгляд встречается с моим, и он ухмыляется.

— Он рассказал тебе не так много, не так ли?

Я не отвечаю.

— Я подозревал, что он жив, но не мог найти доказательства. Но потом он позволил себе расслабиться, когда вечером в ярости несся от твоего дома.

О, Боже. Это был тот вечер, когда я поцеловала Джерарда.

— Ты следил за мной, — это не вопрос.

— Конечно, следил. Я подозревал, что что-то неладно, и видел тебя с Шелдоном. Так что не потребовалось много усилий, чтобы все понять.

Я подвела его. Я подвела Хита.

— Чего ты от меня хочешь? — шепчу я.

— От тебя — ничего, но я видел выражение на лице моего дорогого братца. Он влюблен в тебя. И придет за тобой.

— И что тогда? — огрызаюсь я. — Что ты получишь от этого?

— В этот раз, — говорит он, в его глазах холод, — я позабочусь, чтобы он действительно был мертв.

Моя кровь холодеет.

Нет.

— Что же ты за монстр?

— Я не монстр; я просто воплощаю в жизнь Божью волю. Мой брат — монстр. Он выбрал неправильный путь, и поэтому будет наказан.

— Но почему именно Хит?

— Потому что из-за Хита они все испорчены. Я верю в то, что без него мои братья обретут свет.

— Боже, ты слышишь себя?

Он смеется.

— Ну, да, слышу.

Болен. Он болен.

— Хит положит этому конец. Он прикончит тебя.

Он запрокидывает голову назад и смеется.

— Пусть попытается. У меня есть вера, которая защитит меня, когда это потребуется.

— Ты сумасшедший.

— Нет, моя дорогая. Это он сумасшедший.

Я закрываю рот. Он просто наслаждается каждой секундой нашей схватки. Ему нравится глумиться надо мной. Пререкаться.

— Ты останешься здесь. Можешь прочесть мои работы, они лежат рядом с твоей кроватью. Может, что-то почерпнешь для себя. Тебя еще можно спасти.

— Я лучше буду гореть в аду, чем присоединюсь к вам.

Он вздрагивает.

Ах, значит, у него есть слабое место.

— Как пожелаешь.

Он выходит первым, остальные мужчины за ним, и через секунду я слышу, как дверь запирают снаружи.

Теперь я точно у них в плену.

Я не вижу и не слышу их всю оставшуюся часть ночи. Обследовав все уголки этой комнаты, я заключила, что выхода отсюда нет и нет ничего, что можно было бы использовать в качестве оружия. Даже лампа возле кровати приклеена к полу. Сама кровать настолько массивна, что я не смогла бы сдвинуть ее, даже если бы попыталась. Рядом с ней стоят прикроватные тумбочки, прибитые к полу, и старый диван. Вот и все.

Возле кровати стоит письменный стол Джоша, но он может катиться к черту, если считает, что я стану читать это дерьмо.

Поэтому я сижу на краю матраса, пока в зарешеченные окна не начинает пробиваться утренний свет. Я пытаюсь выглянуть, но не вижу ничего, кроме деревьев и огромного забора.

Вздохнув, я возвращаюсь обратно на кровать и спрашиваю себя, как, черт возьми, этот мужчина может думать, что убийство своего собственного брата — это Божья воля. По какой причине люди становятся такими? Кто сделал его таким монстром?

Дверь открывается, и солнце прячется за тучей. Входит Джош, за ним следуют трое его людей. Он несет поднос с фруктами и водой и ставит его на пол, когда я хмуро смотрю на него.

— Ты поешь, потом примешь ванну. Мы не терпим здесь грязь. Как и расточительство.

— Я не буду принимать ванну перед вами, гребаные психи, — резко говорю я.

— Тогда мы свяжем тебя и заставим сделать это.

По моей коже бегут мурашки, сердце колотится.

— Вы не посмеете прикоснуться ко мне, иначе пожалеете об этом.

Он улыбается.

— Пустые угрозы.

— Позвольте мне поговорить с ним, — требую я.

— Этому не бывать.

Я скрещиваю руки на груди и смотрю на него. Он улыбается, подходит ко мне и садится на край кровати. Я встаю. Он отвратителен, и я не хочу, чтобы он находился рядом со мной.

— Я когда-нибудь рассказывал тебе историю о том, как мой брат попал в объятия Сатаны?

— Убирайся.

— Он младше меня, но всегда доставлял неприятности. Он никогда не слушался наших родителей и всегда сбивал Джонни и Танка с пути истинного. Каждое воскресенье мы ходили в церковь, но он сопротивлялся. Я встретил там Мэтью, — он бросает взгляд на мужчину, стоящего в дверях, и я тоже смотрю на него. Это он был в торговом центре. — Он многому меня научил. И сразу понял, что я именно тот, кто сможет привести нас всех к воротам Рая.

— Боже, тебе действительно нужна помощь, — бормочу я, скрестив руки.

— Мои родители умерли, и Мэтью забрал нас всех, чтобы спасти от детского дома. Я вел своих братьев по святому пути, когда вмешался Хит. Он был таким злобным. Таким жестоким. Я знал, что для него было уже слишком поздно. Хотя пытался направить его, пытался помочь, но он просто не позволял мне этого. Поэтому я должен был наказать его.

В голове всплывают шрамы на спине Хита, и тошнота подступает к горлу.

— Ты... ты избил его, — выдыхаю я.

— С помощью Мэтью я сделал то, что должен был, чтобы изгнать дьявола из его души. В этот момент вошел Танк и вмешался; Джонни отвернулся от меня. Хит засел в их разумах. Я опоздал. Они исчезли, и я больше их не видел, но они вернулись в город, когда Хиту было почти тридцать. После того, как я увидел его на улице, у меня появилась мечта; просто так случилось, что мы оказались в одном и том же городе. И Бог сказал мне, что пришло время спасти братьев и очистить мир от Хита.

Кажется, меня сейчас стошнит.

— Так что я нанял профессионала, чтобы убить его. Оказывается, мои бедные испорченные братья вступились за него, и киллер сказал мне, что дело сделано. Но что-то не сходилось. Я всегда чувствовал, что что-то не так, я не был полностью удовлетворен, к тому же мои братья так и не вернулись ко мне, хотя предполагалось, что так и будет. Я находился под следствием, люди задавали странные вопросы, и я знал, я просто *чувствовал*, что он еще

жив.

Насколько болен этот монстр?

— Тогда я был занят, пытаюсь вернуться обратно на нашу Священную Землю, пока он не влез и не остановил меня. Теперь я должен прикончить его, пока не стало слишком поздно. Мне велели сделать так, и я воплощу это в жизнь.

— Ты болен! — выпаливаю я. — Ты убил невинных людей.

— Я принес в жертву их души. Все они будут спасены, как только моя миссия будет окончена.

— Тебе нужна помощь! — кричу я, отступая. — Убирайся отсюда.

Он запрокидывает голову назад и смеется.

— Мне нравится, когда бросают вызов.

— Я не бросаю тебе вызов и не хочу иметь с тобой ничего общего, сукин сын. Твои братья сильнее и решительнее. Они прикончат тебя, можешь не сомневаться.

Он делает шаг вперед, и я вытягиваю перед собой руки, как будто это его остановит.

— Я не боюсь смерти, дорогая. Но им следует.

С этими словами он поворачивается и выходит из комнаты, его люди следуют за ним. Он захлопывает и запирает дверь, а я опускаюсь на колени, дрожа всем телом.

Все намного хуже, чем я поначалу предполагала.

Я не ем. Ничто на этой тарелке не вызывает у меня доверия.

Скорее всего, они накачают меня наркотиками, чтобы заставить делать то, что хотят. Готова поспорить, половину из этих людей они держат под воздействием наркотиков, чтобы ими можно было легко управлять. Эта мысль ужасает меня. Интересно, что бы эти люди подумали, если бы их забрали отсюда и прочистили мозги? До сих пор бы верили в эту чепуху или, наконец, осознали бы, что творится у них перед носом?

Позже, в тот же день, дверь открывается и входит человек, которого я совершенно не ожидаю здесь увидеть.

Это Хейли.

У нее в руках поднос, а глаза лихорадочно бегают из стороны в сторону. Я вскакиваю, но замедляюсь, когда подхожу к ней ближе. Не хочу ее спугнуть.

— Хейли, — говорю я мягко. — Рада снова видеть тебя.

Она смотрит на меня, а затем оглядывается назад. Войдя в комнату, она ставит на пол новый поднос с едой и поднимает тот, что мне принесли утром.

— Хейли, — повторяю я снова. — Пожалуйста.

Ее взгляд встречается с моим.

— Я боюсь, — тихо говорит она.

— Знаю. Я знаю, что тебе страшно. Как и мне. Но мне нужна твоя помощь.

Она слегка качает головой, снова оглядываясь назад.

— Я н-н-не могу помочь.

— Можешь. Ты можешь случайно оставить эту дверь открытой. Мне нужно выбраться отсюда. Нужно помочь моим друзьям. Они не заслуживают смерти, а Джош собирается убить их. Понимаешь?

Ее глаза округляются.

— Если он говорит, что это должно произойти, то я не могу послушаться.

— Ты действительно веришь в это?

Она поспешно кивает и бросается к двери.

— У тебя когда-нибудь было нормальное детство, Хейли? — говорю я ей вслед, мое сердце колотится. — Ты когда-нибудь была на пляже? Ела мороженое в уютном маленьком кафе? У тебя был парень, который не годился бы тебе в дедушки? Там, снаружи, прекрасный мир. Джош держит тебя здесь против твоей воли.

Она застывает на месте, и секунду я гадаю, закричит ли она. Ее тело так напряжено.

— Вы когда-нибудь катались на американских горках? — шепчет она так тихо, что я едва ее слышу.

— Да, Хейли, и ты будешь. Если позволишь мне сбежать отсюда, я вытащу и тебя.

— Я н-н-не помню, какая жизнь была там.

— Она удивительна и интересна. Там ты можешь быть обычным ребенком и беспокоиться лишь о таких вещах, как опоздание в школу.

— Я не помню школу, — приглушенно говорит она.

От нетерпения я делаю шаг вперед.

— Хейли, я помогу тебе. Обещаю. И никому не позволю причинить тебе вред; я вытащу

тебя отсюда.

— Нет, — поспешно говорит она. — Нет, я не могу.

— Хейли, пожалуйста.

Мужчина появляется в дверях и смотрит на нее.

— Быстрее.

Она уносится прочь, и я протягиваю руку в пустоту.

Черт побери.

Я почти убедила ее.

Мне нужно выбраться отсюда.

— Вставай!

Я открываю глаза и рывком поднимаюсь на ноги, понимая, что заснула сама того не осознавая. Джош вернулся и теперь стоит возле моей кровати. Моя кожа покрывается мурашками, и я бросаюсь на другую сторону кровати, тело все еще не оправилось ото сна.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я, мой голос хрипит.

— Выйди вперед.

— Отвали нахрен.

Он издает сердитый гортанный рык, и, подняв руку, подзывает кого-то. Двое мужчин подходят ко мне, сжимая кулаки, и я ползу по кровати обратно, оказываясь ближе к нему. Он набрасывается на меня, обхватывая руками мое запястье. Я кричу и делаю мах ногой в его сторону, ударив его так сильно, что он делает несколько шатких шагов в обратном направлении. Развернувшись на четвереньках, я устремляюсь к двери, но не успеваю отойти достаточно далеко. Чья-то рука хватает меня за волосы, заплетенные в хвостик, и тянет вверх. Я кричу, когда боль пронизывает кожу моей головы. Слезы жгут глаза сквозь закрытые веки, но я глотаю их, не желая показывать страх.

— Отпусти меня! — кричу я.

— Наденьте на нее наручники.

Через секунду мои руки оказываются скованными за спиной.

— Сейчас ты пойдешь и посмотришь одну из наших церемоний. Может, чему-то научишься.

Нет.

— Нет, — я начинаю извиваться, но мужчины позади меня крупнее и сильнее. Меня выталкивают из комнаты и тащат через сарай.

Мы выходим на улицу. Сейчас ночь, и вокруг огромного костра стоят около пятидесяти человек в белых халатах. Тошнота подступает к горлу, и я пытаюсь упираться пятками в землю, когда меня тащат по грязи. Даже несмотря на то, что это не помогает, я все равно продолжаю вырываться и бороться с ними. Люди расступаются, и, когда он проходит сквозь толпу впереди меня, они кланяются перед ним. Ненормально. Это ненормально. Когда мы подходим к центру поляны, он разводит руки в стороны и говорит:

— Дети мои, сегодня у нас новый участник.

— Я, блядь, не участник, — огрызаюсь я и слышу несколько вздохов.

— Как вы понимаете, она строптива. У нас было несколько неверующих, но мы сумели направить их на путь истинный. Уверен, вскоре она тоже уверует.

Только в его мечтах.

— Начнем же.

Его руки все еще раскинуты в разные стороны, он закрывает глаза и начинает свое песнопение. Каждый из присутствующих принимается делать то же самое, раскачиваясь из стороны в сторону и закрыв глаза. От этого мне становится дурно, и я пытаюсь отгородиться от происходящего вокруг, но их пение становится все громче и громче, и с каждой секундой они будто погружаются в транс. Даже мужчины, которые держат меня, бормочут непонятные мне слова.

Я хочу остановить это.

— Выводите ее.

Я бросаю взгляд влево, где расступается толпа, и из нее выходит молодая девушка. Она нагая, на вид ей около семнадцати, у нее тускло-светлые волосы, которые длинными волнами ниспадают на ее тело. Я изо всех сил пытаюсь вырваться из сжимающих меня тисков, но ничего не выходит. Нет. Она слишком молода, чтобы участвовать в этом.

— Отпусти ее! — кричу я. — Ты, больной ублюдок. Отпусти ее.

Девушка смотрит на меня; она выглядит напуганной. Она не хочет быть здесь.

— Молчать, — рявкает Джош.

Девушка опускается на колени перед огнем, волосы падают на ее хрупкое тело. Я не могу смотреть на это. И не буду. Я ору и пытаюсь вырваться, тем самым пытаюсь привлечь к себе внимание, насколько это возможно. Я продолжаю делать это до тех пор, пока Джош не бросается вперед, хватая меня за волосы и толкает на землю. Мужчины не дают мне встать, удерживая на коленях. Мои колени оказываются в грязи, голова склоняется, будто я кланяюсь.

— Ты будешь сидеть тихо, или я сделаю то, что тебе не понравится, — шепчет он мне в ухо.

Слезы, наконец, вырываются наружу и катятся по моим щекам.

Он встает и продолжает петь следующий псалом. Я зажмуриваю глаза и больше не открываю их.

Даже когда звуки вокруг меня грозят навсегда врезаться в мой разум.

Я лежу, свернувшись калачиком на кровати.

Не хочу шевелиться.

Чувствую себя отвратительно.

Я хочу домой.

Сейчас немного за полночь. Здесь до жути тихо. Мне не до сна. И вряд ли я вообще смогу заснуть. Интересно, сколько девушек они насильно удерживают в этом месте? Может, эти дети здесь с самого рождения? И где их родители? Может, никто не знает о том, что они приняты в секту? Или они сами вступили в нее? Так много вопросов, и так мало ответов.

Раздается щелчок замка двери, и я прижимаю подушку к груди, в которой бешено стучит сердце. Дверь отворяется, и через секунду появляется Хейли с маленьким фонариком в руках. Я спрыгиваю с кровати и подбегаю к ней.

— Хейли, что ты здесь делаешь?

— Я хочу выбраться, — тихонько говорит она. — Я хочу выбраться.

Мое сердце колотится.

— Хорошо. Хорошо, дорогая. Ты должна показать мне, как сбежать отсюда.

Она кивает. На ее лице отражается такая паника, что я хочу обнять ее и крепко держать так, но не могу. Я сделаю это позже. Сейчас нам нужно с умом распорядиться временем, чтобы вместе спланировать побег. Когда мы выберемся отсюда, я прослежу, чтобы с ней все было в порядке. Я позабочусь об этом.

— Давай же. У нас мало времени, — шепчет она.

Я слеую за ней, и мы выходим из комнаты в сарай, она выглядывает из-за угла, прежде чем махнуть мне рукой. Мы бежим по деревянным полам и выбегаем за дверь. Вокруг нет ни души, но огонь все еще потрескивает, освещая поляну. В палатке, расположенной слева от нас, зажигаются маленькие лампочки и слышатся тихие голоса. Они до сих пор не спят. Хейли останавливается и смотрит в сторону ворот.

— Они могут услышать нас, — говорит она так тихо, что я едва слышу.

— Выключи фонарик

В ее глазах отражается страх.

— Все будет в порядке. Поверь мне, — говорю я, протягивая и предлагая ей руку. — Я не позволю им причинить тебе боль.

Она колеблется, глядя на мою руку, но все же тянется вперед и осторожно принимает ее. Я нежно обхватываю ее пальцами, и она вздрагивает. Бедная, бедная девочка. Я медленно тяну ее к воротам, и мы выходим из лагеря в темноту. Адреналин пульсирует по моим венам, и я вижу выход. Знаю, он близко.

Но затем Хейли передумывает.

Еще одно мгновение, которое определяет наши пути.

Она отпускает мою руку и кричит:

— Я не могу этого сделать. Меня накажут. Я не могу. Прости.

— Хейли, — говорю я тихо. — Пожалуйста, я знаю, ты боишься, но...

— Нет, — вскрикивает она. — ПОМОГИТЕ!

Черт побери.

— Хейли, я не причиню тебе вреда, — говорю я, снова протягивая к ней руку.

— Не трогай меня, — кричит она. — Нет. Прости. Я совершила ошибку.

— Все нормально. Пожалуйста, поверь, я не причиню тебе вреда.

— Кто там? — раздается чей-то голос.

Я смотрю в сторону палатки, освещенной маленькими лампочками, и вижу, как оттуда выходят пятеро мужчин. Затем смотрю на ворота. У меня есть всего несколько секунд. Хейли передумала. Мне нужно выбраться отсюда.

— Я вернусь за тобой, Хейли. Пожалуйста, знай, что ты достойна лучшего, но я не принуждаю тебя. Я просто обещаю помочь.

— Она убегает, — кричит она.

Мое сердце разбивается на части, потому что, я знаю, в глубине души она хочет пойти со мной, но знает, что случается с теми, кто не подчиняется, и это ужасает ее гораздо сильнее, чем страх покинуть это место.

Я поворачиваюсь и бегу.

Я направляюсь к воротам, мое сердце колотится, а тело напряжено. Знаю, они будут закрыты. Добравшись до них, я дергаю их несколько раз и понимаю, что зазор достаточно велик, чтобы протиснуться между ними, но я не могу. Голоса кричат позади меня, можно услышать топот ног. На меня наводят фонарик. Остается только один выход.

Мне нужно перелезть через ворота.

Я подпрыгиваю на забор, и начинаю карабкаться вверх. Кто-то хватается меня за лодыжку, и на секунду я теряю равновесие, понимая, что падаю. Я пинаюсь, крича в отчаянии, когда меня дергают вниз. Нет. Я должна выбраться отсюда. Я снова пинаюсь, на этот раз задев кого-то, и слышу «Охх», а затем глухой звук удара о землю.

Пожалуйста, пусть это будет не Хейли.

Я поднимаюсь быстрее, и голоса позади меня становятся все громче. Я достигаю верхней части забора и долю секунды колеблюсь, глядя на колючую проволоку. Она может нанести мне серьезный вред. Оглянувшись, я вижу троих мужчин, приближающихся к забору.

— Дай ключи, быстрее, быстрее! — кричит самый высокий из них.

Ключей нет.

У меня в запасе еще несколько минут, если повезет.

Я делаю глубокий вдох, тянусь, обхватываю пальцами колючую проволоку, сжимаю ее, а затем снова подтягиваюсь вверх. Боль пронзает мое тело, когда одежда цепляется за нее, и крошечные кусочки проволоки впиваются в кожу. Я кричу, и, стиснув зубы, поднимаюсь все выше и выше, понимая, что, если не сделаю этого сейчас, то по ту сторону меня ожидают последствия гораздо хуже, чем боль, которую я испытываю сейчас.

Я перелажу через колючую проволоку и ощущаю привкус крови на губах, не понимая, откуда она взялась, с моего лица или тела. Мне все равно. Я спускаюсь вниз, но на полпути поскользнулась, потеряв равновесие, и с грохотом падаю на землю. Боль отдается в моем запястье. Из горла вырывается сдавленный крик. О, Боже. Как больно. Я заставляю себя встать на ноги и стараюсь не смотреть вниз на, как мне кажется, сломанное запястье.

Тошнота подступает к горлу, когда я плетусь вперед, голоса позади звучат так близко, что, кажется, они совсем рядом.

Нужно бежать. Но я хочу лишь умереть.

Все тело горит из-за тонких порезов, которые оставил на мне забор, но запястье

вызывает такую боль, которую прежде я никогда не испытывала.

Я делаю два шага вперед и врезаюсь во что-то твердое.

Пронзительный вопль вырывается из моего горла, когда я пытаюсь отпрянуть назад.

— Не убегай.

Этот голос.

Такой знакомый голос.

Я пытаюсь сосредоточить внимание на этом человеке, но ничего не вижу в темноте.

Плечо врезается в мой живот, и я оказываюсь в воздухе.

— Нет, пожалуйста, — хриплю я. Это звучит жалко даже для моих ушей.

— Это Танк. Замолчи.

Танк.

Танк?

Я закрываю рот. Главным образом потому, что, если снова открою его, то на свободу вырвутся пронзительные вопли и неистовые рыдания, которые я сдерживаю из последних сил. Но я не могу позволить этому случиться.

Во всяком случае, пока.

Танк бежит.

Я не знаю, как он это делает, учитывая, что нас окружает кромешная тьма, но он, кажется, знает, куда двигается. Фонари позади нас медленно исчезают вдалеке, в то время как мы ныряем в гущу деревьев. Он несет меня, будто я вешу не больше мешка муки. Сейчас боль настолько сильна, что я не смогла бы убежать далеко, не упав в обморок. Все мои силы уходят на то, чтобы оставаться в сознании.

В поле зрения попадает свет от автомобильных фар, которые находятся в нескольких сотнях метров от нас, и Танк бежит прямо туда. Когда он достигает грузовика, его двигатель заводится, дверь открывается и выходит Шелдон.

— Черт. Я услышал шум, но не предполагал, что ты вытащил ее оттуда.

— Я тут ни при чем, — ворчит Танк, усаживая меня на заднее сиденье. — Она сама себя вытащила.

— Крутая, — говорит Шелдон, но его лицо быстро становится взволнованным. — У нее кровь.

— Она забралась на забор из колючей проволоки, и, сползая вниз, упала и сломала себе запястье.

Я скулю, когда смотрю на опухшую, покрасневшую бесформенную массу, которая раньше являлась моим запястьем.

— Блядь. Я звоню Хиту.

— Нам нужно сваливать отсюда к чертовой матери, прямо сейчас, — говорит Танк. — Позвонишь из машины.

Они оба садятся в грузовик, и Танк отъезжает. Я позволяю себе откинуться на заднее сиденье, голова кружится, боль охватывает все мое тело так, что я с трудом могу дышать.

— Мы вытащили ее.

Кажется, это говорит Шелдон. Но я не уверена.

— Она не в себе. Возвращаемся назад.

Хит?

— Да, брат, плохо. Сломанное запястье, порезы, черт его знает, что еще. Скоро будем.

Мои глаза закрываются, и я вскрикиваю от боли, явно громче, чем предполагала, потому что Шелдон поворачивается ко мне, прижимая телефон к уху.

— Она в порядке, Хит. Остынь. Мы едем.

— Шелдон? — хриплю я.

Он завершает звонок и, потянувшись, обхватывает мою здоровую руку.

— Да?

— Мне больно.

— Знаю. Мы скоро приедем. Потерпи.

Мы наезжаем на бугорок, и в тот момент, когда мое запястье ударяется о сидение, из моего горла вырывается крик.

— Полегче, чувак, — рявкает Шелдон.

— Прости, — бормочет Танк.

— Танк только что извинился? — спрашиваю я заплетающимся языком и начинаю терять сознание от боли.

— Да. Запомни, это больше никогда не повторится.

— Кажется, я ему нравлюсь, — бормочу я, позволяя глазам закрыться.

Танк фыркает.

Шелдон наклоняется и шепчет:

— Думаю, да, и даже очень.

Я теряю сознание с улыбкой на лице.

По крайней мере, мне так кажется.

— Привет.

Я открываю глаза и всего секунду не чувствую никакой боли. Но, когда пытаюсь сменить положение, она снова возвращается, как разъяренный шторм. Я открываю рот, и надрывный вопль срывается с моих губ.

— Черт, вытащите ее из машины.

Кто-то подхватывает меня, поднимает на руки и вытаскивает из машины. Рука. Она так сильно болит. Мне хочется, чтобы боль прекратилась.

— Я сделаю все, чтобы тебе стало лучше, детка.

Хит.

Хит!

— Мне больно, — рыдаю я.

— Знаю.

Свет слепит глаза, когда меня вносят внутрь и кладут на диван. Я пытаюсь сфокусировать зрение, но могу разглядеть только четыре фигуры, парящие вокруг меня, они говорят так быстро, что я не могу понять, о чем речь.

— Тут нужен Джейкоб. Позвони ему, — приказывает Хит, поднимая ножницы.

Мои глаза округляются, и я пытаюсь отодвинуться как можно дальше от него.

— Что ты делаешь? — вскрикиваю я.

— Эй, — говорит он мягким голосом, опуская их, — я просто хочу снять с тебя одежду, чтобы не задеть запястье. У тебя кровотечение. Мне нужно найти и остановить его.

Кровотечение.

Остановить.

— Хорошо, — хриплю я.

— Ладно, сиди спокойно. Обещаю, боль скоро пройдет.

Я вздрагиваю, когда он стягивает с меня рубашку. Она уже немного прилипла к крови, и когда он отрывает ее, каждую рану пронзает острая боль. Наконец, я остаюсь только в лифчике и трусиках.

— Принесите мне воду и полотенца, — приказывает Хит. — Сейчас же.

— Господи, как же ей досталось, — ворчит Джонни. — Блядь.

— Она забралась на забор, как чертов воин, — бурчит Танк. — Ты должен был это видеть.

— Это потому, что она и есть воин, — говорит Хит низким голосом. Он убирает волосы, прилипшие к мокрому от пота лбу. — Разве не так, Люси? — моя нижняя губа дрожит, и он обхватывает ладонями мое лицо. — Ты в порядке, слышишь меня?

— Джош — твой брат.

В комнате повисает тишина.

— Да, — говорит он, его голос напряжен.

— И он сделал тебе больно.

В глазах Хита вспыхивает боль.

— Да.

— Он пытался убить тебя.

— И заплатит за это, — рычит Джонни. — Заплатит за каждую секунду той боли, что причинил нам.

Я смотрю на него.

— Тебе он тоже сделал больно?

— Не совсем, но он причинил вред Хиту, и, черт возьми, задел меня этим.

Я слабо улыбаюсь. Он улыбается в ответ.

— Вот, — говорит Шелдон, ставя миску. — Соленая вода.

— Может быть больно, — говорит Хит, поднимая мягкую белую тряпку и выжимая ее. — Прости.

Я закрываю глаза, когда он кладет ее на рану на моей ноге. С моих губ срывается шипение, но я не плачу. Эта боль ничто по сравнению с той, что пульсирует в моем запястье.

— Прости, детка, — бормочет он, повторяя эту процедуру.

Я закрываю глаза и позволяю ему протереть кровь с моей кожи. Через некоторое время раздается еще один голос.

— И что вы, парни, натворили на этот раз?

Я открываю глаза и вижу довольно привлекательного мужчину, смотрящего на меня сверху вниз. У него длинные каштановые волосы и карие глаза. На вид он милый — не такой пугающий, как остальные. У него добрые глаза, которые заставляют меня проникнуться к нему доверием, несмотря на то, что я даже не знаю его имя.

— Джейкоб, — говорит Хит, вставая и протягивая ему руку. — Спасибо, что пришел.

— Что с ней случилось? Побывала в логове льва? — спрашивает Джейкоб, глядя на меня.

— Взобралась на забор из колючей проволоки.

Он приподнимает брови.

— Даже не буду спрашивать зачем.

— Хорошая идея, — бормочет Хит. — Это Люси, моя девушка.

Его девушка. Мое сердце переполняется счастьем.

Джейкоб смотрит на него.

— У тебя есть девушка?

— Закрой рот, чувак.

Джейкоб усмехается, а затем встает передо мной на колени.

— Привет, Люси, меня зовут Джейкоб. Я врач, так что не переживай за то, что эти неуклюжие засранцы позвали какого-то психа осмотреть тебя.

— Приятно слышать, — хриплю я.

— Давай сначала осмотрим твое запястье, хорошо?

Я киваю, осторожно поднимая руку.

Он бережно берет ее в свои руки, и я вздрагиваю от боли. Я прикладываю все силы, чтобы не отдернуть руку назад, потому что просто хочу, чтобы он отпустил ее.

— Мне жаль, Хит, но, очевидно, здесь перелом. Без рентгена я ничего не смогу сделать. Тебе нужно отвезти ее в больницу.

— Это огромный риск, — хмыкает Хит, проводя рукой по волосам. — Они не знают, что мы здесь. По крайней мере, я так думаю, но будут следить за главными дорогами. По моей вине ситуация вышла из-под контроля, и теперь им известно, что я жив.

— Я отвезу ее, — предлагает Джейкоб. — Никто не знает, как выглядит моя машина.

— Я не могу оставить ее одну, — рычит Хит.

— Эй, — шепчу я, хватаясь за запястье Хита. — Я большая девочка; со мной все будет в порядке.

— Дело не в этом, — ворчит он, не отводя взгляда.

— У меня все будет хорошо.

Он вздыхает.

— Хорошо, отвези ее, но держи меня в курсе всего.

— Ты же знаешь, она в надежных руках, мужик, — говорит Джейкоб. — Давай же.

Помоги мне перенести ее в машину.

Хит опускается вниз и сгребает меня в свои объятия.

— Мне очень жаль, милая.

Я протягиваю руку и прикасаюсь к его лицу.

— Все будет хорошо.

— Блейк, дай ей свой телефон.

Блейк не раздумывает и вручает мне свой телефон.

— Позвони мне, если что-то понадобится.

Я киваю, и Хит втискивает меня в фургон Джейкоба. Он наклоняется, оставляя мягкий поцелуй на моих губах.

— Я покончу с этим, обещаю.

Я тянусь вперед, когда он собирается отступить, и снова целую его в губы.

— Не нарывайся на неприятности, пока меня не будет рядом.

— Ненавижу, когда ты уходишь через несколько секунд после того, как я вернул тебя.

— Со мной все будет в порядке.

— Прости, что позволил им схватить тебя.

— Эй, — шепчу я. — Не делай этого. Мы все обсудим, когда я вернусь.

— Хорошо, малышка.

— Хорошо, красавчик.

Он делает шаг назад и захлопывает дверь, постучав по крыше фургона.

Я прикрываю глаза и снова проваливаюсь во тьму.

— Как ты себя чувствуешь сегодня утром? — спрашивает Хит, осторожно притягивая меня к себе.

— Все еще утро? — хриплю я.

— Да, но ты проспала целый день и ночь.

— Да? — вздыхаю я, принимая более удобное положение.

— Хорошие болеутоляющие, — усмехается он, целуя меня в нос.

Я смутно помню поездку в больницу. После того, как попала туда, мне наложили гипс на руку, которая чертовски болела, промыли раны, которые, к счастью, не нуждались в швах, и отпустили домой. Я заснула по дороге сюда и проснулась только сейчас. Не понимаю, как мне удалось проспать так долго. Я чувствую дискомфорт, и моя рука ноет тупой болью, но именно из-за ран на теле мне трудно принять удобное положение. Так или иначе, ощущается

давление.

— Тебе больно.

Я бросаю взгляд на Хита, после того как несколько раз сменяю позу.

— Не очень, — ворчу я. — Трудно чувствовать себя комфортно, когда все тело в садах.

В его глазах вспыхивает сожаление, и он отводит взгляд.

— Тебе нужно принять душ и поесть. Пойдем, я помогу тебе.

Он вылезает из постели, и мне хочется протянуть руку и вернуть его теплую грудь назад, но я этого не делаю. Приняв сидячее положение, я смотрю вниз на свое искалеченное тело. Я вся покрыта маленькими красными царапинами, некоторые из них глубокие и покрыты бинтами, некоторые — нет. На запястье фиксирующая повязка и бинт, прижимающий мою руку к груди. Ничего не скажешь — горячая штучка.

— Я должен помочь тебе искупаться. Тебе нельзя мочить руку.

Я слабо улыбаюсь.

— Кажется, ты от этого не в восторге.

Он усмехается.

— Так и есть.

Хит помогает мне встать, и мы направляемся в ванную, где он наполняет ванну водой. Я наблюдаю за тем, как он добавляет в воду ароматизированное мыло. После этого он медленно снимает с меня лифчик и трусики, его зрачки становятся все темнее и темнее с каждым мгновением.

— Как ты можешь возбуждаться, когда я выгляжу так, будто побывала в лапах у льва?

Он наклоняется и проводит языком по моей шее.

— Потому что ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел, и неважно, ранена ты или нет.

Он притягивает меня в свои объятия, поднимает и мягко опускает в теплую воду. Это причиняет мне боль, и я шиплю сквозь зубы, на несколько секунд закрываю глаза и жду, когда боль утихнет.

Когда это происходит, я снова смотрю на него. Он поднимает мочалку и аккуратно проводит ею по моему телу.

— Ты так внимателен ко всем своим подружкам?

Он делает паузу, в его глазах вспыхивает искорка.

— Я не завожу подружек.

Я фыркаю.

Но его лицо остается серьезным.

О.

— Погоди, у тебя никогда не было девушки?

— Была, в старшей школе.

— Кажется, мне нужно прямо сейчас выйти из этой ванны и устроить тебе допрос.

Его губы изгибаются в улыбке.

— У меня не было никаких проблем с этим. Просто не хватало времени на отношения.

— Но... То есть... Даже на несколько недель?

Он пожимает плечами.

— Я занимался сексом, не один раз. Если расценивать это как отношения, тогда девушки были.

— Ты грязный, похотливый кобель, — дразню его я.

Он кладет мочалку между моих ног, и я забываю, как дышать.

— Может, я и такой, но хорош в этом, — бормочет он, медленно поглаживая мою киску мочалкой.

— Хочешь трахнуть меня мочалкой? Это было бы очень странно, — шепчу я, вращая бедрами.

— Не похоже, что ты хочешь остановить меня, учитывая, как ты трешься об мою руку.

Я смотрю на него из-под ресниц. Он убирает мочалку и вместо нее начинает ласкать меня своими пальцами, дразня и распалаяя.

— Залезай ко мне, — выдыхаю я.

— Ты ранена.

— Твоя рука у меня между ног, — говорю я.

— От этого ты не получишь еще одну травму, — выдыхает он, зажимая мой клитор между пальцами. Часть боли, которая укоренилась в моем больном теле, мгновенно отходит назад, уступая место удовольствию.

— Это потому, что я хочу, чтобы ты был здесь, и делаю все для этого.

— Тебе здесь не победить. А теперь лежи спокойно и позволь мне выполнять всю работу.

Я открываю рот, чтобы возразить, но его палец скользит в меня. Я задыхаюсь, и откидываю голову назад. Одну руку я держу над водой, чтобы не намочить, а второй держусь за бортик, приподняв бедра, чтобы он смог глубже войти в меня. Хит добавляет еще один палец, и я стону, когда растягиваюсь и обхватываю его. Большим пальцем он стимулирует мой клитор, и это доставляет мне ни с чем несравнимое удовольствие.

— Меня никогда не ласкали пальцами, — выдыхаю я, чувствуя, как глубоко внутри зарождается оргазм.

— Что? — спрашивает он, широко раскрыв глаза.

— Моему бывшему мужу это не очень нравилось, поэтому, когда он это делал, я никогда не кончала.

— Черт. Я знал, что с ним что-то не так. Нет ничего слаще женской киски, сжимающей твои пальцы. Все чувства обостряются. Это невероятно.

Я выгибаю спину, когда он глубже вонзает пальцы в мое тело.

— О, Боже, — выдыхаю я.

— Тебе хорошо? — рычит он.

— Да, — тяжело дышу я. — Да.

— Кончи для меня, детка. Кончи.

Я так и делаю. Я кончаю быстро и бурно, сжимая его пальцы, мое тело мягко вздрагивает в воде. Он ласкает меня своей рукой, пока тело не перестает дрожать, а затем медленно убирает руку.

— Ты прекрасна, — говорит он хриплым голосом.

Я открываю глаза и смотрю на него.

— Если мы не можем быть вместе, могу я хотя бы ощутить твой вкус?

Его глаза вспыхивают.

— Нет.

— Но почему?

— Ты многое пережила за последнее время.

— Все было не так плохо, — говорю я и сажусь. — Я хочу тебя. И если это единственный способ, которым я могу любить тебя, то так тому и быть.

— Люси, — предупреждает он.

— Хит, — говорю я, облизывая нижнюю губу, когда хватаюсь за его джинсы.

— Детка, давай...

— Нет, это ты давай. Расстегивай штаны; я не могу этого сделать.

— Люс...

— Сейчас же, Хит, — приказываю я.

Он встает и расстегивает джинсы, позволяя им упасть на пол. Его напряженный и готовый член находится прямо напротив моего рта, когда я сижу в ванне.

— Ближе, — шепчу я, маня его пальцем.

Он подходит ближе.

Я обхватываю здоровой рукой его основание, затем приближаю свой рот к кончику. Он шипит, когда я раскрываю губы и впускаю его внутрь, дразня языком головку, а затем опускаюсь вниз по его стволу. Его шипение переходит в сдавленные стоны, когда я посасываю его член, одновременно лаская рукой. Он большой. Мои губы горят, когда растягиваются вокруг него, но мне так приятно от того, что он у меня во рту.

— Боже, детка. Не останавливайся, — выдыхает он, обхватывая ладонью мой затылок.

Я сосу сильнее, глубже. Затем отпускаю его ствол и обхватываю рукой яйца, и он толкается вперед со стоном. Через несколько минут он набухает у меня во рту, и я понимаю, что он кончит еще до того, как издаст рык.

— Черт, детка, я сейчас кончу. Отпусти меня.

Ну, уж нет.

Я ускоряю темп, и он громко чертыхается, прежде чем кончить мне в рот. Я принимаю все, каждую каплю, пока он не начинает отступать. Я поднимаю на него взгляд, и он смотрит на меня, пока я вытираю нижнюю губу, чувствуя, как она набухает под кончиками пальцев.

— Черт побери, — рычит Хит. — Разве кто-то может быть лучше тебя?

Я искренне надеюсь, что он всегда будет так думать.

Потому что не хочу, чтобы он когда-нибудь оставил меня.

Я смотрю на любопытные лица пятерых мужчин, направленных на меня в ожидании, когда я расскажу, что же произошло в том месте. Вдруг я начинаю нервничать и ерзать на месте, пытаюсь решить, с чего же начать и какую информацию они хотят услышать.

— Они схватили меня после работы, — осторожно начинаю я. — Отвезли в то место и заперли в комнате. Они догадались, что Хит жив, потому что видели его у моего дома.

Танк ударяет рукой по столу.

— Блядь, я же говорил, что из-за нее они узнают о тебе.

Хит бросает на него такой убийственный взгляд, что даже я вздрагиваю.

— Следи за словами, Танк.

— Мы подобралась так близко. У нас была вся необходимая информация — все было готово, и вот появилась она. Теперь этому ублюдку известно, что ты жив, и мы никогда не сможем подойти к нему достаточно близко, чтобы получить так необходимые нам доказательства.

— Получим, — хмурится Хит, глядя на меня. — Продолжай, Люси.

Мое сердце колотится, и чувство вины растекается по венам, но я продолжаю:

— Он понял, что я тебе небезразлична. Сказал, что увидел это на твоём лице, — тихо говорю я. — Поэтому решил, что схватить меня — это лучший вариант заставить тебя выйти из укрытия, чтобы он мог закончить то, что начал много лет назад.

— Он хочет убить тебя, — рычит Джонни.

— Он думает, что это единственный способ спасти его и остальных братьев. Он сказал, что Бог явился к нему во сне и сказал, что так и должно быть, — говорю я с отвращением.

— Больной ублюдок, — бурчит Блейк.

— Итак, он пытается вернуть тебя обратно, — бормочет Шелдон, проводя рукой по волосам.

— Да, — соглашаюсь я. — Он и правда больной.

— Он был у нас в руках, — рычит Танк, глядя на меня.

— Знаешь что? — огрызаюсь я в ответ на его ненависть. — Закрой свой рот, Танк.

Все за столом замолкают.

— Что ты сказала? — шипит Танк.

— Мне не хотелось, чтобы так вышло. Если бы я знала, в чем Хит замешан, то никогда бы не искала его. Я делала это не из личной прихоти. Ты смотришь на меня, но не видишь ничего, кроме того, что хочешь видеть. Я не плохой человек, и меня уже достало, что ты воспринимаешь меня такой из-за каких-то своих проблем.

Он встает и наклоняется над столом. Хит поднимается со стула, но я останавливаю его, подняв руку.

— Следи за языком, — рычит Танк, глядя прямо мне в глаза.

— Нет, — говорю я, вставая и сталкиваясь с ним лицом к лицу. — Я люблю его. И плевать, нравится тебе это или нет. Плевать на твоё мнение по поводу того, должна ли я находиться здесь или нет. Я здесь, и ты ничего с этим не поделаешь. Если хочешь ненавидеть меня всю жизнь, пусть будет так, но я не буду больше терпеть твои издевательства.

— Так-то, девочка, — улыбается Шелдон. — Выскажи ему все.

— Сядь, Танк, — рычит Хит, хватая мое плечо и усаживая обратно.

Танк отводит от меня взгляд и смотрит на Хита. Затем поворачивается и выметается из комнаты.

Мое сердце бьется с бешеной скоростью, когда я поворачиваюсь к Хиту.

— Прошу прощения, — говорю я, мой голос дрожит. — Не хотела создавать проблем.

— Знаю, — с нежностью говорит он, поглаживая большим пальцем мою щеку. — Он заслужил.

— С этим разобрались, — говорит Джонни, вставая, — что насчет Джоша?

— Он придумает другой способ добраться до нас, но чтобы полиция поймала их за их деяния, им нужны доказательства. Пока это всего лишь слова Люси.

— Они убили людей на стадионе! — кричу я.

— Да, убили. И тех, кто там был, арестовали, но что касается остальных... Нет доказательств их причастности к этому, полицейские не могут арестовать их только за то, что они связаны с людьми, которые совершили это нападение.

Я моргаю.

— Но... Джош стоит за всем этим.

— Да, и он очень умен. Он утверждает, что не давал никаких указаний своим последователям, и они делали это, исходя из своих собственных убеждений. Он просто наставляет их на путь истинный и утверждает, что понятия не имел о нападении.

— Но всем было известно, что секта хотела заполучить эту землю...

— Да, но прямой связи между ним и с этим нападением нет. Опять же, они арестовали людей, захвативших территорию. Джош вышел сухим из воды, сказав, что не давал указаний захватывать стадион, хотя Бог и сказал ему, что он нуждается в той земле. Если полицейские не найдут доказательств против него, то не смогут предъявить обвинение. Люди, которых арестовали, взяли на себя вину. Джош не глуп — он завербовал их, чтобы делать свою грязную работу, и убедил, что после этого их души будут спасены.

— Это несправедливо! — кричу я. — Несправедливо. Он должен понести наказание.

— Закон — дерьмо, детка, — говорит Хит. — Единственный способ арестовать его — представить доказательства его причастности. Без них они всего лишь верующие, которых мы не имеем права беспокоить.

Ненавистные слезы жгут мне глаза. Этот человек совершает одно преступление за другим и избегает наказания.

— Он похитил меня, это разве не считается?

— Считается, но если мы сейчас пойдем с этим в полицию, все пойдет к чертям, прежде чем мы окажемся к этому готовы, и тогда он сбежит и начнет свою деятельность в другом месте. Мы должны быть осторожны.

— Там насилуют девочек, — шепчу я, вытирая слезы. — Понимаете? Несовершеннолетних девочек.

— Знаю. С этим мы надеялись пойти в полицию, но нам нужны неопровержимые доказательства, чтобы он наверняка не смог выбраться из тюрьмы, когда его посадят. Если сделать все наспех, ему все сойдет с рук, и он снова выйдет на свободу.

— Вы говорили с девочками?

Он качает головой.

— С ними нельзя разговаривать без присутствия родителей, даже если на то есть веские

основания. Сейчас есть всего лишь предположение, что их изнасиловали. Полиция делает все возможное.

— Я могу получить доказательства, — говорю я. — Могу.

Все взгляды обращаются ко мне.

— И как ты собираешься это сделать? — спрашивает Хит.

Я тру загипсованную руку.

— Я вернусь туда.

— Нет, — рывкает Хит.

— Это не самая удачная мысль, — бормочет Блейк.

— Думаю, ее нужно выслушать, — осторожно добавляет Шелдон.

— Я поддерживаю Шелдона, — говорит Джонни, не сводя глаз с Хита.

— Он знает, что она со мной и не позволит ей вернуться, не причинив вреда, — говорит Хит, сжав кулаки. — Нет.

— Позволит, если решит, что она хочет присоединиться к нему, — добавляет Шелдон.

Хит смотрит на него.

— Ни за что, черт подери.

— Он следит за мной — всегда следит, — мягко говорю я. — Чтобы войти к нему в доверие, потребуется только чтобы он увидел нашу ссору. Может понадобится некоторое время, но, думаю, он поверит мне. Я заставлю его поверить.

— Даже если и так, — говорит Блейк, — как ты собираешься доказать, что там насилюют несовершеннолетних девочек?

— Я возьму с собой видеокамеру или диктофон. Попробую сблизиться с девушками. Получу признание. Получу все, что нужно, и тогда у нас будут доказательства.

— Ни за что. Это очень опасно, — огрызается Хит. — Этого не будет.

— Сейчас у нас нет другого выбора, брат, — говорит Джонни. — Полицейские не смогут подобраться к нему близко, ты тоже. Ни у кого из нас нет ни одного гребаного шанса, кроме нее.

— Джош не дурак, — рывкает Хит. — Он поймет, что она притворяется.

— Может, какое-то время он и будет что-то подозревать, но если она подыграет, он поверит ей. Он убежден, что может кого-то изменить.

— Джонни прав, — говорю я, протягивая руку Хиту, но он отталкивает ее. — Хит...

— Я не буду рисковать тобой. И точка, — он поворачивается и уходит в свою комнату.

Я вздыхаю и смотрю на ребят.

— Позвольте мне поговорить с ним.

— Убеди его, — говорит Джонни, вставая и хватая пачку сигарет со стола. — Это наш единственный шанс.

Я смотрю ему в глаза и киваю. Он кивает в ответ.

Затем я поворачиваюсь и бросаю взгляд на спальню. *Другого выхода нет.*

— Эй, — говорю я, входя в комнату.

Хит стоит у окна, пристально глядя в него; его руки скрещены на груди, тело напряжено. Я подхожу и кладу руку ему на плечо, наклоняюсь и прижимаю щеку к его спине.

— Люси, этому не бывать, — бормочет он.

— Тебе может это не нравиться, но мы оба знаем, что это наш единственный шанс.

Он оборачивается и пристально смотрит на меня, его лицо напряжено.

— Нет, не единственный.

— Хорошо, назови мне еще хоть один, и я сдаюсь, — возражаю я.

У него начинают ходить желваки на щеках.

— Я просто пойду и прикончу этого ублюдка.

— И отправишься в тюрьму?

Он рычит.

— Или тебя убьют?

— Черт, Люси. Ты просишь меня рискнуть твоей жизнью.

— Он не убьет меня, — говорю я, хотя и не до конца верю в это.

— Пока Бог не скажет ему, что он должен это сделать.

Я поднимаюсь на носочки и обхватываю ладонью подбородок Хита.

— Не убьет, если решит, что я на его стороне.

— Он не поверит.

— *Поверит.*

Хит качает головой.

— Нет, он чертовски умен и не поведется на это.

— Если мы сделаем все достаточно правдоподобно, поверит, Хит.

— Черт, — вздыхает он, проводя рукой по волосам. — Мне это не нравится.

— Со мной все будет в порядке.

— У тебя, черт возьми, сломано запястье. Ты застрянешь там и не сможешь снова так легко выбраться.

— Только в этот раз ты будешь наблюдать за мной.

— Мне это не нравится, — огрызается он.

— Хит, пожалуйста, — тихо говорю я. — Я была там в тот день и видела, как они забирали жизни ни в чем неповинных людей. Я должна сделать это. Должна ради них, ради девушек, которые сейчас находятся там и у которых нет выбора. Я должна.

Он отводит взгляд в сторону, на его лице выражается так много эмоций, что мне больно это видеть.

— Пожалуйста, — шепчу я.

— Черт, детка, — говорит он слабым голосом. — Мне это не нравится.

— Я не спрашиваю, нравится тебе это или нет, — говорю я, обхватывая его лицо и поворачивая обратно к себе. — Но прошу поддержать меня.

Он выдыхает и прижимается щекой к моей ладони.

— У меня нет выбора, верно?

— Верно.

Он обхватывает мой затылок и укладывает мою голову себе на грудь. Я обнимаю его за талию, и мы стоим так несколько долгих минут.

— Хорошо, — говорит он мне в волосы, — но мне это не нравится.

— Знаю, — шепчу я.

— Не позволяй ему причинять тебе боль.

— Не позволю.

Он целует меня в лоб и отстраняется.

— Тогда давай начнем этот спектакль.

— Сначала я должна кое-что сделать, — говорю я, робея.

— Что?

— Завтра мне нужно пройти процедуру примирения с Джерардом.

Он громко выдыхает.

— Черт.

— Да.

— Хочешь, чтобы я что-нибудь сделал?

Я смотрю на него, изучая его прекрасные черты.

— Просто будь собой.

Он улыбается.

— Всегда.

Всегда.

Я на это надеюсь.

— Добро пожаловать, мэм, — приветствует меня посредник. Это пожилой джентльмен с темно-кариими глазами, ему примерно за шестьдесят. Он быстро приветствует меня вежливым рукопожатием и милой улыбкой. — Я Клайв.

Я вхожу в его кабинет и бросаю взгляд на Джерарда и Хизер. У меня сжимается челюсть, но я сохраняю спокойствие. Увидев меня, Джерард вскакивает.

— Что, черт возьми, с тобой произошло?

— Джерард, — говорит Хизер, ее губы напряжены. — Сядь.

Он садится, но на его лице отражается беспокойство.

— Со мной все в порядке. Всего лишь несчастный случай с забором, — признаюсь я.

— Уверена? — спрашивает он.

Я слабо улыбаюсь.

— Джерард, — шипит Хизер.

Он отворачивается и возвращается к Клайву, который изучает всех нас.

— Пожалуйста, садитесь, Люси, — говорит он по-отечески. — С вашей стороны кто-нибудь будет?

Хизер фыркает.

— Ты захватила своего воображаемого друга?

Я хочу ей врезать. Правда, хочу.

— Нет, — говорю я сквозь стиснутые зубы. — Никого не будет.

— Тогда начнем?

Я киваю и избегаю зрительного контакта с Джерардом, когда сажусь напротив него и слушаю.

— Мы собрались здесь для того, чтобы предотвратить неприятный развод и не тратить лишнее время в суде. Моя задача — помочь вам высказаться, чтобы мы смогли прийти к консенсусу и сделать так, чтобы вы оба оставили прошлое позади как можно скорее. Начнем с дома?

Я киваю.

Джерард кивает.

— Люси, что вы об этом думаете?

Я смотрю на Клайва, оценивая его. Он кажется довольно искренним и справедливым.

— Сначала я хотела оставить дом, но недавно приняла решение продать его.

Я очень долго размышляла над этим вопросом и пришла к выводу, что жить в доме, который все эти годы делила с Джерардом, как-то... *неправильно*.

— И вы готовы разделить выручку от продажи с Джерардом?

— Конечно, она готова. Обязана, — огрызается Хизер.

— Мэм, — говорит Клайв. — Пожалуйста, воздержитесь от комментариев до тех пор, пока вам не дадут слово.

Ха. Так-то, сучка.

Она закрывает рот и смотрит на меня.

— Конечно, согласна, — говорю я. — Это и его дом тоже.

— Если нет детей, выручку делят обычно поровну.

— Ее родители помогли приобрести дом, — говорит Джерард. — Думаю, она должна получить шестьдесят процентов.

— Джерард! — резко вскрикивает Хизер.

— Так будет честно, — бормочет он, не глядя на нее.

— Вы согласны, Люси? — спрашивает Клайв.

— Да, — говорю я, изучая свою руку.

— Отлично. Далее мы обсудим, кому ойдет остальное ваше имущество — вещи, машины и тому подобное.

— Я забрал все свои вещи, — говорит Джерард.

— И вы не против того, что он взял? — спрашивает Клайв.

— Не против, — говорю я монотонным голосом.

— А машины? — продолжает он.

— У нас были разногласия по этому поводу, — наконец говорю я, наблюдая за Джерардом, который меня изучает.

— Объясните, пожалуйста? — подсказывает Клайв.

— Это его машина, — говорит Хизер.

Боже. Ее просто невозможно заткнуть.

— Это так? — спрашивает Клайв Джерарда.

— Да, это моя машина, но у меня есть рабочий автомобиль, поэтому я оставил ее Люси.

— Но позже попытался забрать, — бормочу я.

— Потому, что его рабочий автомобиль может прослужить недолго, а ему нужно что-то еще, — бросает мне в ответ Хизер.

— Боже, — рычу я. — Ты можешь помолчать?

— Зачем? Ты боишься того, что я могу рассказать? — огрызается она в ответ.

— Нечего рассказывать!

Она смотрит на Клайва.

— До развода у нее был роман.

— Это, конечно, меняет дело, — говорит он, глядя на меня. — Это правда?

— Нет! — заявляю я решительно. — Это не так.

— Она врет. Кроме того, она психически неустойчива, потому что утверждает, что видит того, кого на самом деле не существует. Думаю, необходимо запросить ее полный психологический портрет, прежде чем что-либо будет подписано.

— Спасибо за ваш вклад, Хизер... — начинает Клайв, но я прерываю его.

— Я не сумасшедшая. У меня не было романа. И меня до смерти достало то, что ты постоянно вмешиваешься туда, куда не следует.

— Ты сошла с ума! — кричит она.

— Дамы...

Раздается стук в дверь. Мы все затихаем.

— Да? — говорит Клайв усталым голосом.

— Извините, что побеспокоила вас, — говорит секретарша, кивая головой. — Здесь мужчина. Из полиции. Он утверждает, что это очень важно и непосредственно касается этого разговора.

— Что? — вздыхает Хизер. — Почему здесь полицейский?

Да, почему здесь полицейский? Мое сердце колотится.

— Впустите его.

Я смотрю на дверь, и у меня начинает кружиться голова, когда входит Хит, выглядя одновременно как рай, ад и все прекрасное в этом мире. Моя нижняя губа дрожит, когда его взгляд встречается с моим. Затем он подходит к столу и останавливается, глядя на Хизер и Джерарда.

— Извините, что помешал, — наконец начинает он, глядя на посредника. — Но, как бывший представитель закона, я обязан вмешаться и проинформировать вас о своей роли в этом деле.

— Кто вы, черт возьми, такой? — отрывисто спрашивает Хизер.

Хит переводит на нее взгляд.

— Я Хит, воображаемый мужчина, которым вы последние несколько месяцев попрекали Люси.

В комнате становится настолько тихо, что можно услышать сверчков.

— Поймите меня, но мне нужно знать, кто вы, — говорит Клайв.

Хит вытаскивает свои документы и передает ему.

— Я был с Люси в день нападения на стадион и вытащил ее оттуда. Могу сказать, что я работал под прикрытием и был в программе защиты свидетелей, поэтому не мог заявить о себе. Эти люди мучили ее и называли сумасшедшей. Муж ее бросил. У нее не было романа, и если вы спросите об этом частного детектива, которого они наняли, он подтвердит мои слова.

Рот Хизер открывается, затем закрывается. А Джерард, кажется, вот-вот потеряет сознание.

— Спасибо, что нашли время приехать сюда и все прояснить, мистер Уокер. Могу я связаться с вашим участком, чтобы проверить эту информацию?

Хит кивает.

— Здесь все, что вам нужно, — Хит вручает ему визитку, а затем смотрит на Джерарда и Хизер.

— Тебе, — он указывает на Хизер, — следует научиться держать свой рот на замке, иначе попадешь в неприятности, а тебе, — он указывает на Джерарда, — должно быть стыдно за то, что бросил жену, когда она нуждалась в тебе больше всего, и за то, что заставил ее пройти через все это. Но главное за то, что позволял этой злой сучке так разговаривать с ней. Всего несколько месяцев назад эта женщина была беременна твоим ребенком. Она была твоей женой, а ты вот так относишься к ней.

Джерард открывает рот.

Хит поднимает руку.

— Ты упустил свой шанс. И знаешь, ты так много потерял. Она лучшее, что когда-либо случалось с тобой, а ты упустил ее. Посмотри на нее внимательно. И запомни, что потерял ее, потому что теперь она моя, и знаешь... — он наклоняется вперед, положив руки на стол. — Никто и никогда не отнимет ее у меня, и я никогда ее не потеряю, потому что у меня голова на плечах, а не так глубоко в заднице, что я не могу увидеть то, что происходит прямо у меня перед носом.

Джерард закрывает рот, его взгляд устремляется ко мне.

— Люси?

Я не отвечаю. Лишь встаю с кресла и поворачиваюсь, бросаясь в объятия Хита, слезы катятся по моим щекам.

— Я должен был сделать это раньше, — бормочет он мне в волосы. — Мне так жаль,

малышка.

— Я люблю тебя, — шепчу я.

— Я тоже чертовски сильно тебя люблю.

— Это возмутительно! — кричит Хизер, вскакивая.

— Сядьте! — рывкает Клайв. — На сегодня все. Когда я проверю все то, что Хит мне здесь рассказал, я позвоню и мы определимся с новой датой встречи. И, Джерард, предлагаю вам в следующий раз оставить свою сестру дома.

Джерард смотрит на меня и Хита. Он выглядит оскорбленным. Но больше сердитым.

Затем он поворачивается к Хизер.

— Не волнуйтесь. Так и сделаю.

— Джерард! — вскрикивает она, когда он встает и подходит к нам, протягивая руку для пожатия. Хит принимает ее.

— Спасибо, что дал ей то, чего я не смог, — говорит Джерард, его взгляд переходит от Хита ко мне. — Прости меня, Люси. Желаю вам счастья.

Затем он поворачивается к Клайву.

— Дайте ей то, чего она хочет; я все подпишу. Не нужно обращаться в суд.

Клайв кивает, и Джерард выходит из комнаты.

— Это еще не конец! — кричит Хизер, взглянув на меня, прежде чем броситься вслед за Джерардом.

— По этой женщине плачет пуля, — бормочет Клайв.

Мы с Хитом смеемся.

Да, так и есть.

— Ты удивительный, — выдыхаю я, вращая бедрами, чтобы еще глубже принять член Хита в себя.

— Черт, я бы сделал это раньше, если бы знал, что тебе будет так приятно, — стонет он, его руки лежат на моих бедрах.

Мы в его грузовике, припаркованном на безлюдной дороге, и я сижу на его коленях. Его член глубоко внутри меня, и мы трахаемся, медленно и глубоко.

— Я хочу кончить, — стону я, схватившись за его плечо здоровой рукой.

— Тогда кончи для меня, детка. Давай же.

— Я хочу, чтобы это продолжалось дольше, — в следующий момент говорю я, когда откидываю голову назад и выдыхаю его имя.

— Если ты не кончишь, это сделаю я, — рычит он, наклоняясь и кусая меня за шею.

Я стону и вонзаю ногти в его плоть, выгибаю спину и, наконец, мое тело взрывается от удовольствия. Приглушенный крик покидает мое горло, и это потрясающе, чертовски потрясающе. Через несколько секунд Хит шепчет мое имя мне в шею, а его член дергается внутри меня.

Блаженство.

— Кажется, нам нужно съезжать с этой дороги, — говорит он через несколько минут.

— Еще минутку, — говорю я, утыкаясь ему в шею и пробегая по ней языком, чтобы почувствовать вкус его пота.

Он поворачивается ко мне, и наши губы встречаются.

— Ты прекрасна, — говорит он, его глаза прикрыты от удовольствия.

— Как и ты, — выдыхая, говорю ему я.

— Нам следует убраться отсюда сейчас же, — он осторожно приподнимает меня и пересаживает на мое место, натягивая свои джинсы, а затем поворачивается и смотрит на меня.

— Ты в порядке?

— Как никогда, — одариваю я его искренней улыбкой.

— Рад видеть, что улыбка коснулась твоих глаз, малышка Люси.

— Это твоя заслуга.

— Рад это слышать.

Я улыбаюсь.

Он улыбается в ответ.

— Ты готов приступить к разработке плана? — спрашиваю я.

Он фыркает и заводит грузовик, пока я выпрямляюсь.

— Не совсем.

— Чем раньше мы покончим с этим, тем лучше, — подчеркиваю я.

— Знаю. Но это не означает, что мне это по душе.

Я тихонько смеюсь.

— Эй, Хит?

— Ммм?

— Что мы будем делать, когда все закончится?

— Я думал, все и так ясно?

Я прищуриваюсь, изучая его.

— Что?

— Мы вместе пережили столько мгновений, поэтому, мне кажется, это очевидно.

— И что же? — спрашиваю я.

— Все просто, Люси, — говорит он, протягивая мне руку. — Мы будем создавать еще больше таких мгновений. Всю жизнь.

Мы будем создавать еще больше мгновений.

Всю жизнь. О, да.

— Уверена? — спрашивает Хит, когда мы садимся в его грузовик.

Я сглатываю и бросаю взгляд на ребят, уставившихся на меня.

— Да.

— Мне это не нравится, Люс.

— Знаю.

— Эй, — говорит Шелдон, подходя к окну. — Ты должна, прежде всего, позаботиться о себе и делать все, что мы тебе сказали.

Я киваю.

— Так и сделаю. Обещаю.

— Ничего не оставляй на волю случая, дорогая, — говорит Блейк, отталкивая Шелдона с дороги. — Доверься своей интуиции.

Я киваю, пытаюсь проглотить страх, застрявший в горле.

— И если будет нужно, борись, — говорит Джонни, подходя к Блейку. — Борись.

— Спасибо, парни.

— Удачи, — говорит Шелдон, и они все расступаются.

Хит собирается отъезжать, когда Танк подходит к окну. Все молчат.

— Я ошибался, — говорит он грубым голосом. — Спасибо, — после этого он поворачивается и исчезает в доме.

Мое сердце немного болит за него.

— Готова? — спрашивает Хит.

— Готова.

Мы выезжаем и едем в город, направляясь ко мне домой. Приехав, мы оба идем внутрь, и как только заходим, принимаемся за работу. Хит дает мне крошечную камеру, которая может записывать видео и звук. Она достаточно мала, поэтому я засовываю ее в свои трусики, чтобы никто не догадался о ней. Она размером с USB-накопитель. Кроме камеры, у меня больше нет других устройств.

Прошла целая неделя с тех пор, как мы решили это сделать, поэтому большинство ссадин на моем теле зажили, но рука все еще в гипсе. Джонни решил, что это может только сыграть нам на руку, если вдруг потребуется ударить кого-нибудь по голове. Последнюю неделю ребята рассказывали мне все о Джоше, секте и обо всем остальном, что мне необходимо знать.

Мне страшно.

— Давай разберем все еще раз, — говорит Хит, плюхнувшись на диван.

— Хит, мы это уже обсуждали. Я просто хочу побыть пять минут с тобой.

Он притягивает меня к себе, и я усаживаюсь на его колени.

— Если с тобой что-нибудь случится... — говорит он, его голос напряжен.

— Не случится.

— Я не могу быть в этом уверен.

— Со мной все будет в порядке.

Я нахожу его губы и целую, сначала медленно, затем глубже, до тех пор, пока не остается ничего, кроме наших языков и губ, а наши тела не становятся единым целым.

В течение следующего часа мы только и делаем, что целуемся и обнимаемся. После мы оба понимаем, что время пришло.

— Люси, — говорит Хит, когда я подхожу к двери.

— Да?

— Я так люблю тебя, детка.

— И я тебя.

Он сжимает мою руку, и я понимаю, что не могу бороться со своими слезами, потому что знаю, они понадобятся мне. Я позволяю им катиться по моим щекам, когда Хит достает свой телефон и звонит Шелдону.

— Он следит за нами? — резко кивнув, Хит вешает трубку. — Он следит. Давай сделаем это.

Я киваю, слезы катятся по моим щекам и, повернувшись, я выбегаю из дома, позволяя гневу и ярости от того, что девушки застряли в том месте, подпитывать мои действия.

— Не ходи за мной, Хит! — кричу я.

— Блядь, ты сошла с ума. Что бы он тебе ни сказал, это ложь, — рывкает он в нескольких шагах от меня.

— Если это ложь, почему ты так сильно настроен против меня с тех пор, как я побывала там?

— Потому что он испортил тебя.

— Я тоже так думала, — кричу я. — Пока не вернулась домой, и ты не обошелся со мной вот так. Может, он был прав. Может, ты плохой человек.

— Он полный псих, Люси. И пытается извратить твои мысли.

— А что насчет тебя? Что ты пытаешься сделать?

— Он должен заплатить.

— Он пытался помочь тебе, — кричу я так громко, что даже Хит вздрагивает. — Пытался помочь, а ты настроил его семью против него. Я понимаю, почему он сделал то, что сделал.

— Он заслуживает того, чтобы умереть, — говорит Хит.

— Кто ты, черт возьми? — задыхаюсь я, прижимая руку к груди. — Ты монстр.

— Это он монстр. Если ты сейчас уйдешь, между нами все кончено. Слышишь?

Я готовлюсь к тому, что будет дальше, потому что знаю, что это произойдет. Мы репетировали это, но мне все равно больно. Хит делает шаг вперед, хватая меня за плечо и так сильно дергает вперед, что я теряю равновесие.

— Отпусти, — кричу я.

— Ты не слушаешь меня. Он монстр и пудрит тебе мозги.

— Отпусти меня, — реву я, пытаюсь отступить.

— Прости, — беззвучно говорит Хит, перед тем как отпустить, и я падаю назад и приземляюсь на задницу.

Я переворачиваюсь и, встав на ноги, бегу вниз по тропе. Мое сломанное запястье ударяется о ребра, и от этого по всему телу проходит боль. Но так и задумано.

— Вернись! — кричит он.

Я не останавливаюсь. Слезы с легкостью текут по моим щекам, и хотя я знаю, что все понарошку, мне все равно очень больно.

Завернув за угол, я отпираю свою машину и залетаю внутрь, а затем уезжаю.

Я еду в близлежащий парк.

И жду.
Потому что знаю, он придет за мной.
Просто знаю.

Я оказалась права.

Через пять минут подъезжает белый фургон, из него выходит Джош, а за ним некоторые из его прихвостней. Я делаю вид, что не замечаю их, а продолжаю сидеть и, обняв голову руками, рыдать. Я чувствую записывающее устройство, которое спрятано в моих трусиках. Сейчас для него это единственное безопасное место.

Их шаги приближаются, но я не поднимаю глаз.

— Я говорил тебе, что это за человек, — голос Джоша мягкий, успокаивающий, и на секунду я понимаю, почему люди доверяют ему.

Я смотрю на него, мое лицо все в слезах.

— Убирайся отсюда.

— На самом деле ты не хочешь этого. Я видел, что он только что с тобой сделал.

Я отворачиваюсь. Школьные уроки актерского мастерства не прошли даром.

— Он монстр, Люси. Я говорил тебе это. И знаю, ты тоже это понимаешь.

— Он всего лишь рассердился, — говорю я, немного защищая Хита, как мы и договаривались.

— Он не выносит, когда теряет над собой контроль.

Я поднимаю глаза и встречаюсь с ним взглядом.

— Кого-то он мне напоминает, — огрызаюсь я.

Джош становится на колени рядом со мной.

— Мне нравится все контролировать, но я не такой монстр.

Да, ты такой.

— Ему просто больно и...

— Он хочет причинить тебе боль. Знаю, он это сделает. Он заставит тебя страдать за то, что ты защищала меня.

— Я не защищала тебя, — огрызаюсь я, нацепляя на себя маску понимания, как и репетировала. — Я не...

— Все в порядке, — успокаивает меня он. — Нет ничего плохого в том, что твои чувства ко мне отличаются от первоначальных.

— Ненавижу тебя, — я предпринимаю еще одну попытку, на этот раз немного слабее.

— Нет, не ненавидишь, потому что знаешь: то, что я говорил тебе о нем, правда, не так ли, Люси?

Снова в черед идут слезы.

— Я люблю его, — рыдаю я.

— Но он не любит тебя. Ты просто игрушка в его игре.

— Но, может... — возражаю я.

— Ты знаешь, что я прав. Пойдем со мной; побудешь с нами несколько дней. Я отвечу

на любые твои вопросы о нем.

Я смотрю на него. *Не сдавайся слишком легко. Он поймет, что ты врешь.*

— Я тебе не доверяю, — говорю я, мой голос тверд.

— Это придет со временем. Пойдем, останешься на ужин. Я накормлю тебя, и мы сможем поговорить. Если захочешь утром уйти, уйдешь.

— Не верю. Ты похитил меня, — говорю я, отодвигаясь.

— Для твоего же блага. И ты поймешь это, если пойдешь со мной.

Я смотрю мимо него, надеясь, что у меня на лице выражается смущение и беспокойство.

— Я не... не знаю.

— Поверь, Люси. Я не причиню тебе вреда.

Лживая свинья. Я оглядываюсь назад.

— Я...

— Пошли, ты замерзла и расстроена.

— Но...

— Пойдем.

Он берет меня за руку, помогает выйти из машины и встать на ноги. Затем поспешно закрывает за мной дверь. Я еще немного упираюсь, медлю, заставляя его подталкивать меня к фургону. Когда мы достигаем двери, я останавливаюсь и устало говорю:

— Не знаю...

— Я не причиню тебе вреда, — говорит он, и если бы я не знала его, то поверила бы. Он так хорош.

— Ладно, — шепчу я, садясь в фургон, но в этот момент замечаю его триумфальный взгляд, который он бросает на мужчину рядом с собой.

Попался. Он верит мне.

Что ж, начнем.

Всю дорогу никто не произносит ни слова.

Я стараюсь выглядеть смущенной и немного растерянной, когда напряженно смотрю в окно. Не хочу слишком легко сдаваться. Братья правы: Джош не дурак и поймет, если я совершу ошибку.

Мы приезжаем на место, и трое мужчин выходят раньше меня, открывают дверь и с выжиданием смотрят в мою сторону. Я нерешительно вылезая, обхватив себя одной рукой, и смотрю на группу мужчин, изучающих меня. Смесь шока, гнева и, как ни странно, сострадания отражается на их лицах.

— Я должен спросить, у тебя с собой телефон? — спрашивает Джош, шагая рядом со мной, когда мы приближаемся к большому сараю.

— Нет, я не взяла его, когда выбегала из дома. Только ключи.

— Ладно. Просто хочу, чтобы ты знала, что в этом месте ни у кого нет телефона, и мы все очень этим гордимся.

Я ничего на это не отвечаю, просто киваю.

— Не нужно бояться, — продолжает он. — Я не буду закрывать дверь. Это всего лишь на одну ночь, помнишь? Никто не собирается удерживать тебя здесь силой.

Он мерзкий лжец, но если так я смогу попасть туда, куда мне нужно, я подыграю ему.

Не подумав, я киваю.

— Ступай, прими душ, а затем присоединяйся к нам за ужином, — говорит он, провожая меня в комнату, в которой держал раньше.

Я смотрю на свои руки, когда он говорит, что в шкафу лежит свежая одежда, а душ только внизу. Со мной обращаются гораздо лучше, чем в прошлый раз. Я не произношу ни слова; просто сажусь на край кровати, ожидая его ухода.

— Знаю, сейчас это прозвучит странно, но я могу заверить тебя, что как только ты выбросишь из головы моего брата, боль пройдет. Если ты доверишь нам заботу о себе, то обязательно это поймешь.

Заботу о себе.

— Спасибо, — бормочу я, глядя на руки.

— Я вернусь через час, чтобы проводить тебя на ужин. Не впускай его в свои мысли; сначала ты должна перестать думать о нем, чтобы забыть то, что он с тобой сделал.

Я ничего не говорю на это.

Наконец, он уходит.

Пришло время привести план в действие.

Первое, что я делаю, это проверяю комнату на наличие камер. Шелдон знает все об искусстве скрывать их и рассказал мне обо всех возможных местах, где они могут быть. Как

бы невзначай я обхожу комнату, будто просто осматриваюсь, беру книги и открываю их. И нахожу две камеры. Я не смотрю в их направлении, но совершенно точно буду на видео смущенной и очень расстроенной.

Прямо перед тем как войти в душ, я замечаю одну из них, но внутри душевых кабинок их вроде нет. Тем не менее, я не верю, что это так. Они не должны знать, что у меня есть камера, поэтому вместо того, чтобы принимать душ, я делаю вид, что нервничаю и даже успеваю всплакнуть, прежде чем мчусь обратно в комнату. Это своего рода проверка, потому что я знаю, если он наблюдает за мной, то придет посмотреть, что не так.

Он пришел.

Это говорит о том, что камер больше, чем я могу увидеть.

Следует быть очень осторожной, когда буду доставать ту, которую прячу.

— Мы собираемся на ужин. И я просто подумал, а не зайти ли и не проверить, как у тебя дела, — говорит Джош, заходя ко мне в комнату. — Вижу, ты не принимала душ.

Он не мог этого знать, потому что я переделалась в платье, которое он мне дал. Теоретически, я могла принять душ. Он бы не понял этого, если бы не наблюдал за мной.

— Просто... я очень расстроена и растеряна. Не знаю, должна ли быть здесь.

— Как насчет того, чтобы пойти и поесть, а затем мы сможем больше поговорить об этом?

Я смотрю на него.

— Ты похитил меня. Я тебе не доверяю.

Его улыбка становится теплой, но пугающей.

— Понимаю. И не прошу доверять мне; просто прошу поесть. Ты, должно быть, проголодалась.

Я смотрю на него со скептическим выражением на лице, затем вздыхаю.

— Да.

— Тогда пойдем.

Он ведет меня к костру, и я натываюсь на обжигающие взгляды, которые несколько человек бросают в мою сторону.

— Думала, вы все прощаете людям? — бормочу я.

— Так и есть, — говорит он, бросая взгляд на хмурящихся людей, у которых тут же меняются выражения лиц. Они мгновенно перестают хмуриться и начинают улыбаться.

Боже. Он имеет над людьми огромную власть.

— Пожалуйста, присаживайся у огня и погрейся. Я принесу немного еды.

Я сажусь на бревна у огня и наблюдаю за тем, как он подходит к длинным столам с едой, которые обслуживают несколько женщин. Для любого, кто не знает всей истории, они выглядели бы, как нормальная семья, которая живет без современных устройств. Что они просто любят мир и природу.

Но это так далеко от истины.

— Вот.

Он вручает мне тарелку, и я смотрю на содержимое. На ней нет мяса, только овощи и зелень, но выглядит чудесно. Я бормочу слова благодарности, беру ее и ставлю себе на колени. Джош садится рядом, и я осмеливаюсь задать вопрос, ответ на который хочу узнать с тех пор, как приехала сюда.

— Где Хейли? Я хотела бы извиниться за то, что она попала из-за меня в беду.

Лицо Джоша не меняется, в отличие от обстановки вокруг нас. Она становится

напряженной, веет опасностью.

— Хейли ненадолго покинула нас. Она совершила непростительный поступок.

Мое сердце колотится, но я знаю, что должна держать себя в руках. Проходит несколько секунд, прежде чем я могу восстановить свой голос, чтобы сказать:

— Непростительный поступок?

— Она помогла тебе сбежать.

— Нет, я заставила ее думать, что там ей будет лучше. Это не ее вина.

— Но она сделала это, — только и говорит он. — Ей известно о наших правилах и убеждениях.

— Значит, она уехала с семьей?

Он не отвечает, и мной овладевает страх.

— Расскажи о себе, Люси. Мне так хочется понять, что в тебе привлекло моего брата?

Я вздрагиваю, но не из-за упоминания Хита, а из-за того, как ловко он может менять тему, и из-за растущего в моем горле кома страха за Хейли.

Он воспринимает мое вздрагивание как реакцию на Хита.

— Прости, конечно, ты не хочешь говорить об этом.

— Не хочу, — бормочу я.

— Может, ты хочешь спросить меня о чем-то?

— У меня есть один вопрос, — соглашаюсь я.

— Пожалуйста, задавай, — он жестикулирует своей рукой. — Спрашивай о чем угодно.

— По-твоему, то, что Хит толкает или грубо обращается со мной — это насилие, хотя я знаю, что и ты способен на это, но когда это делаешь ты — это нормально. Почему?

На секунду он замолкает, и я опасаясь за то, что он разоблачил меня, но когда он отвечает, его голос спокоен и собран:

— Такие, как Хит, используют свою силу для получения власти. Я — нет. Я делаю только то, что мне велит Бог, хоть и иногда это может показаться неприятным, но делается только потому, что эти люди идут наперекор с Его желаниями. Все неправильные поступки влекут за собой наказание; и так за годом год. Я просто выполняю Его волю.

— Как Бог говорит с тобой?

Он улыбается мне.

— Если скажу, то придется тебя убить.

Я вздрагиваю.

— Бог говорит со всеми, Люси. Ты просто не слушаешь.

Он не велит им убивать людей.

— Я все еще не понимаю, почему Он попросил тебя убить людей.

— Наши тела — всего лишь сосуды. Я не могу забрать оттуда душу; не могу убить ее. Я просто забираю зло, которое поселилось в ней. При этом все души возвращаются туда, где они и должны быть, — в руки Богу.

Кажется, меня сейчас стошнит.

Я смотрю прямо перед собой.

— Еда прекрасна.

Он улыбается.

— Мы делаем все, что в наших силах, чтобы выращивать еду.

— Вам, должно быть, нелегко, — говорю я, пытаюсь успокоиться, потому что мои мысли вот-вот вырвутся наружу и выдадут меня.

— Жизнь требует жертв, — у мистера Совершенство есть ответы на все вопросы. — Ах, смотри, начались танцы.

Я поднимаю взгляд и вижу группу молодых женщин, которым немного за двадцать, танцующих вокруг огня. Несколько пожилых мужчин похотливо смотрит на них, и все мои силы уходят на то, чтобы не побежать туда и не повыбивать зубы из их грязных ртов. Я заставляю себя просто смотреть, делая вид, что мне интересно, хотя на самом деле все, что я хочу сделать, это бежать отсюда и поджечь все это место.

— Видишь, как счастливы эти женщины? Как свободны? Как блаженство наполняет их тела? — спрашивает Джош.

— Да, вижу, — говорю я, и это не ложь.

Я вижу, что они на самом деле так считают. Они просто не понимают, что им запудрили мозги.

— Тебе следует присоединиться, поговорить с некоторыми из них. Они могли бы помочь. Большинство из них пришло из неблагополучных мест, как и ты.

Вначале мне хочется отказаться, но затем я понимаю, что общение с этими женщинами — это именно то, для чего я пришла сюда, поэтому киваю и встаю, нервничая.

Я направляюсь к группе танцующих женщин, и они весело кружатся вокруг меня, их волосы развеваются на ветру. Я потираю свою сломанную руку, пока одна из них подходит ко мне, останавливается и улыбается. Она словно лучик света. Честно говоря, она одна из самых красивых женщин, которых я когда-либо видела, у нее светлые волосы и голубые глаза, бледная кожа и белоснежное платье. Она словно ангел.

— Добро пожаловать, — улыбается она. — Я Вера. А как тебя зовут?

— Люси, — бормочу я.

— Пойдем, Люси. Не бойся. Насладись танцем.

— Ах, хорошо.

Она берет меня за здоровую руку и тянет в сторону толпы, кружась вокруг. Я изо всех сил стараюсь делать вид, что вписываюсь сюда, но мне никогда в жизни не было так некомфортно.

Примерно через десять минут я извиняюсь и снова сажусь, подальше от Джоша. Я мельком оглядываю мужчин, рядом с которыми сидят молодые женщины, а возле некоторых девочки, которым на вид нет и тринадцати. Мое сердце сжимается, но я не подаю вида.

— Привет.

Я поворачиваюсь налево и вижу молодую девушку, на вид лет семнадцати, сидящую рядом со мной. Ее волосы цвета воронова крыла, а глаза голубые. Она великолепна.

— Привет, — улыбаюсь я.

— Меня зовут Сарифина. А тебя?

— Люси.

— Добро пожаловать, Люси. Я знаю, что ты новенькая.

Я киваю.

— Не тревожься. Это может показаться пугающим, но ты устроишься и тоже научишься любить это место.

— Тебе здесь действительно нравится? — мне искренне любопытно, так что мой вопрос звучит совсем неподозрительно.

— Да. Джош спас меня от мужа, который избивал меня. Такая жизнь приносит мне покой.

Как ей удалось обрести здесь покой?

— Значит, здесь ты не замужем?

Она откидывает голову назад и смеется.

— Здесь никто не женат. Мы все можем любить тех, кого хотим. Любовь не преступление, не грех.

— Правильно, — бормочу я.

— Ты замужем, Люси?

— Нет, мой муж, ах... ушел от меня.

Ее лицо смягчается.

— Тогда ты на правильном пути. Бог укажет путь. Учитель Джош возьмет тебя за руку и проведет через золотые ворота.

Серьезно?

Я сохраняю беззаботное выражение лица, обдумывая ее слова.

— Интересно, а где сегодня Хейли? Я уже знакома с ней и хотела бы поздороваться.

Ее лицо бледнеет.

— Хейли наказана за свои грехи.

Я моргаю.

— Грехи?

— Да.

— С ней... все в порядке?

Она отводит взгляд.

— Мы не спрашиваем о наказании.

Краем глаза я замечаю, как двое мужчин встают и берут с собой двух молодых девушек, исчезая в палатках в дальнем конце поселения. Я встаю и улыбаюсь Сарифине.

— Мне нужно в ванную. Где я могу ее найти?

Она машет рукой.

— Мир — это твоя ванная.

Конечно, так и есть.

Чем скорее я выберусь отсюда, тем лучше.

Я провожу несколько часов, не отходя от Джоша. Он, должно быть, что-то подозревает или, в крайнем случае, немного насторожен со мной, потому что не отходит от меня и ведет разговор ни о чем. Мне приходится подыграть, потому что не хочется поднимать тревогу. Наконец, к нему подходят несколько мужчин, и мне удается ускользнуть. Не уверена, что пожилые мужчины до сих пор с молоденькими девушками, но я решаю узнать это наверняка.

Проскользнув за палатки, в темноту, я вытаскиваю камеру из трусиков, где та была надежно спрятана, затем активирую ее и зажимаю в ладони, готовая в любой момент нажать на кнопку записи, когда направляюсь обратно к палаткам. Долгое время я ничего не слышу, и у меня замирает сердце. Что, если все сейчас за пределами базы, а здесь ничего ужасного не происходит?

Кто-то выходит из палатки, и я прячусь за деревом.

— Эй?

Я задерживаю дыхание и прижимаюсь как можно ближе к стволу, стараясь не издавать ни звука. Появляется фонарик, и человек с ним проходит мимо меня, затем я слышу отдаляющиеся звуки шагов. Я выдыхаю и продолжаю брести к палаткам, которые странным образом удалены от основного лагеря. Это может только подтверждать мои опасения. Тем не менее, я не могу быть уверена в этом, пока не подберусь ближе.

Хорошо, что сейчас здесь темно и тихо, единственный свет исходит из палаток. Я подхожу к первому их скоплению и внимательно прислушиваюсь, но ничего не слышу. Перехожу к следующему, также ничего не слышу. И только когда уже отхожу, замечаю слабые всхлипы. Я останавливаюсь и наклоняю голову, прислушиваясь в том направлении, откуда они исходили. Всхлипы настолько слабые, что я едва могу их расслышать, но они есть.

Я поворачиваюсь и начинаю осторожно двигаться к палатке, из которой они доносятся, нажимаю кнопку записи на своем устройстве и осторожно подхожу к палатке. Я слышу шаркающие звуки, и всхлипы становятся все громче и отчетливее. Сделав глубокий вдох, я молюсь, чтобы эта штука снимала видео так же хорошо, как и записывала голос, и заглядываю в щель в палатке. Поначалу я не замечаю ничего необычного, но затем мой взгляд падает на самое страшное зрелище, которое я когда-либо видела.

Я была права.

Как и Хит.

Все были правы.

Тошнота подступает к горлу, слезы обжигают мои веки и бегут по щекам. Я поднимаю камеру и записываю то, что является самым тошнотворным зрелищем в моей жизни. Чудовищнейшее проявление изнасилования. Я записываю все это только несколько минут, и больше не могу смотреть на это. Затем засовываю камеру в карман и прикрываю ладонью рот, чтобы не разрыдаться.

Я мчусь обратно к деревьям, но в темноте падаю на колени и плачу. Бедные девочки. Бедные, невинные, прекрасные девочки.

Я беру себя в руки и встаю на ноги, мне нужно выбраться из этого места и молиться, чтобы у меня имелось достаточно доказательств. Когда я прохожу мимо первой группы

палаток, до меня доносится рыдание. Оно такое тихое, и на секунду или две мне кажется, что оно принадлежит мне, что я себе все только вообразила, но когда оно снова звучит в тихом ночном воздухе, я понимаю: оно не мое. Я бреду к палаткам, следуя за звуком.

Палатка, из которой доносится рыдание, находится прямо в центре, и я медленно двигаюсь к ней, протискиваясь сквозь узкие проходы. Эти палатки огромные, белые, большой треугольной формы, которые легко вмещают в себя кровати царских размеров и диваны, как и те, что я видела до этого. Многовато места для тех, кто старается быть ближе к земле. Я всматриваюсь в темноту, потому что в этой палатке нет света, и шепчу:

— Эй?

Рыдание не смолкает.

Я ощупываю все вокруг, пока не нахожу небольшую лампу, и осторожно включаю ее.

И когда передо мной предстает вся картина, я теряю способность дышать.

Хейли лежит на животе на кровати. Кругом засохшая кровь, ее спина обнажена, а на спине такие же отметины, как у Хита, только свежие и кровоточащие. Мои слезы снова текут, когда я подбегаю к ней и ласково убираю волосы с ее лица.

— Хейли, эй, это Люси. Ты в безопасности.

Она смотрит на меня, ее глаза красные и опухшие от слез.

— Люси? — хрипит она.

— Мне так жаль. Это все по моей вине. Давай я тебе помогу.

— Помоги мне, — всхлипывает она. — Пожалуйста, помоги. Прости меня.

Я глажу ее потные влажные волосы.

— Не стоит. Ты можешь идти?

— Нет, — рыдает она. — Мне слишком больно.

Проклятье. Я не могу так просто вытащить ее отсюда, но ужасно боюсь снова оставлять одну.

У меня нет выбора.

— Хейли, ты мне доверяешь?

Ее взгляд встречается с моим; она выглядит такой разбитой.

— Я не... Я не знаю.

— Мне нужно, чтобы ты кое-то сделала, хорошо? Я вытащу тебя отсюда, обещаю. Мне просто нужно, чтобы ты осталась здесь, и притворилась, что никогда не видела меня, и тогда, клянусь, я вернусь через несколько часов. Ты мне веришь?

Ее глаза такие потухшие, такие испуганные, но она кивает.

Я наклоняюсь и целую ее в лоб.

— Я вернусь за тобой. Будь сильной, дорогая.

Я поворачиваюсь и несусь прочь, обратно к деревьям. Джош уверяет, что отпустит меня, но не думаю, что он так просто это сделает. Я бегу, пытаюсь найти способ выбраться отсюда, не поднимая тревоги. Мой взгляд падает на темные деревья; я не могу лезть на забор, не со сломанным запястьем. Может, стоит подойти ближе к забору и позвать того, кто ждет меня снаружи, или просто попросить Джоша отпустить меня?

Не знаю.

Боже.

Я не знаю.

Я возвращаюсь в лагерь и незаметно присоединяюсь к группе, которая собралась вокруг костра. Джош, кажется, не заметил, что я вернулась, и я рада этому. Через пять минут его

взгляд падает на меня, и он улыбается. Мне хочется выцарапать ему глаза и ударить по лицу, но вместо этого я заставляю себя улыбнуться и слабо машу ему, а затем снова исчезаю в толпе. Если пойти к воротам, смогу ли я выбраться отсюда?

Нет. Они будут заперты.

Хит сказал, что снаружи всегда кто-то будет. Кажется, это мой единственный шанс. Я возвращаюсь к деревьям и иду так далеко, как только могу, пока не натыкаюсь на забор, а затем с помощью здоровой руки, направляюсь вдоль него, пока не оказываюсь достаточно далеко от музыки и танцев, понимая, что выход близко. Я продолжаю двигаться, мои пальцы путаются в проволоке. Я замечаю небольшой просвет на пятнадцать метров впереди и молюсь, чтобы это были они.

— Эй? — кричу я так громко, как только могу, но этого недостаточно.

Они слишком далеко и не слышат меня.

Проклятье.

— Что ты делаешь?

Я вздрагиваю и, повернувшись, вижу Джоша позади себя. Я не слышала, как он подошел. У него в руке фонарик, но он такой тусклый, что я почти не замечаю его. Проклятье. Черт.

— Я искала выход...

— Зачем? — спрашивает он, подходя ближе.

Мое сердце колотится. Это не к добру.

— Я... хочу домой.

— Сейчас середина ночи.

— Я просто... устала и...

Он смотрит мимо меня, прищурившись.

— Они там? Это какая-то ловушка?

— Что? — выкрикиваю я. — Нет.

— Тогда что это за свет вдалеке? — рычит он.

О нет.

Нет.

Я тянусь в карман за камерой и сжимаю ее в кулаке. Не могу сказать ему, что она у меня. Я должна сейчас же что-то придумать. У меня на запястье широкий браслет, который сделан из кожи и хлопка и нескольких цепочек. Я завожу руку за спину и начинаю осторожно его снимать до тех пор, пока он не оказывается в моей руке.

— Ну? — рявкает Джош.

— Пожалуйста, я не знаю. Я просто хотела выйти.

— Ты лживая сука! — рычит он, хватая меня за руку. — Ты врешь. Это какая-то ловушка.

— Нет, — умоляю я, отдергивая руку из его хватки и прижимаясь спиной к забору. Я заматываю камеру в браслет и просовываю через проволоку. Она висит на нем, и я могу только надеяться, что она будет держаться так и дальше, потому что когда я сделаю то, что собираюсь, это привлечет внимание к этому месту, и они его найдут.

Затем я делаю глубокий вдох и ставлю на кон все:

— Помогите! — кричу я громко и пронзительно.

Джош поднимает руку и наносит удар по моей правой щеке так сильно, что я теряю сознание.

Я просыпаюсь, лежа на кровати лицом вниз, руки связаны за спиной. Сразу же поняв, где нахожусь, я осознаю, в какую передрыгу попала. Осознаю всей душой. Я стараюсь сдвинуться с места, но не могу — просто не могу. Слезы наворачиваются на глаза, и, повернув голову в сторону, я замечаю Джоша, который сидит у кровати и смотрит на меня. Один мой глаз заплыл, и я не могу его открыть, голова нестерпимо болит, напоминая о его сильном ударе.

— Ты совершила огромную ошибку.

Я проглатываю слезы и хриплю:

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Почему они прислали тебя сюда? — требовательно спрашивает он.

— Они этого не делали, — протестую я.

— Делали! — кричит он. — Зачем?

— Они просто хотят знать, чем ты занимаешься.

— Я обыскал тебя. Где записывающее устройство?

Мое сердце колотится, но я не подаю вида.

— Какое устройство?

— Они бы не отправили тебя без него.

Я прищуриваюсь.

— Отправили.

— Чертова ложь.

— Ладно, если ты уже обыскал меня, то понял, что у меня его нет.

— Из тебя плохая лгунья.

— Я не лгу.

Он встает и хлопает рукой по тумбочке рядом со мной.

— Где оно? — кричит он.

— У меня его нет.

Наклонившись, он зажимает мои волосы в кулак и дергает мою голову назад. Я вскрикиваю от сильной боли, когда мое тело принимает положение, причиняющее боль.

— Где?

— Не знаю, — кричу я. — У меня ничего нет.

— Ты заплатишь за это, — рычит он, наклоняясь ближе. — Ты будешь страдать из-за своей ошибки.

— Я ничего не делала, — говорю я снова, но сама не верю своим словам.

Он поднимает руку и щелкает пальцами.

— Мэтью, позови восьмерых мужчин. Эта девушка нуждается в очищении.

Очищении? Что, черт возьми, это значит?

— Отпусти меня, — кричу я, пытаюсь подтянуть колени под себя.

Кто-то хватается меня за ноги, дергая, затем привязывает их к кровати. Джош вжимает мое лицо в подушку так сильно, что я с трудом могу дышать, а затем задирает мое платье

выше талии. *Нет. Боже. Нет.*

— Нет, — кричу я в подушку. — Нет, пожалуйста.

Его рука так сильно обрушивается на мою задницу, что звук удара разносится по всей палатке. Я кусаю подушку, чтобы заглушить болезненный крик, и продолжаю бороться, извиваясь всем телом, но ничего не получается — я не могу сражаться, когда связана. Джош возвращает руку к моим волосам и снова дергает за них.

— Ты пожалеешь, что не сделала этого. Мэтью, ты можешь быть первым.

Быть первым.

Нет.

— Пожалуйста, — умоляю я. — Пожалуйста, не надо.

Страх застревает у меня в горле. Мне никогда в жизни не было так страшно. Я не могу дышать. Не могу думать. Не могу шевелиться. Я беспомощна, полностью в его власти. Мне хотелось бы никогда не приходить сюда. Хит был прав — это была ужасная и глупая идея. Как я посмела подумать, что способна на это? Кого хотела обмануть? Слезы текут по моим щекам, стекая на постель, и я снова и снова умоляю их остановиться.

Они не слушают.

Кто-то касается моей спины и проводит мозолистой рукой вдоль нее прямо к ягодицам. Я прошу и умоляю, мой голос охрип, но он мне ничем не может помочь — кажется, будто они меня не слышат. Я слышу, как расстегивается пряжка на ремне, и чувствую, как его штаны касаются моих ног, когда падают на пол. Тошнота подступает к горлу, от страха волоски на моей коже встают дыбом, и я мысленно молюсь, чтобы произошло чудо, чтобы кто-то пришел и остановил этот ужасный, драматичный момент в моей жизни.

И мои молитвы оказываются услышаны.

Вдалеке раздаются крики, и мерзкий мужик позади меня исчезает. Мне холодно, я обнажена, вокруг слышны безумные голоса — в основном Джоша. Я слышу слово «полицейские», а затем «Хит», прежде чем они все исчезают из палатки, оставив меня здесь одну, связанную.

— Вам нужен ордер! — слышу я чей-то крик. — Это частная территория.

Сирены заполняют пространство, и мои слезы превращаются в частые всхлипы.

Полог палатки открывается, и знакомый голос произносит:

— Господи Иисусе.

— Танк? — хриплю я.

— Сейчас я прикрою тебя, — говорит он, его голос твердый и ледяной. — Прости.

Он быстро опускает мое платье, прикрывая меня, а затем с легкостью развязывает путы. Через секунду я встаю и бросаюсь в его объятия. Он прижимает меня к себе. Кажется, он от этого не в восторге, но у него нет выбора, потому что я уже в его объятиях. Рукой он обнимает меня за талию, и я прижимаюсь лицом к его груди.

— Ты пришел.

— Прежде чем сделаем что-нибудь еще, ответь на один вопрос, — говорит он, и его голос такой сердитый, что я вздрагиваю. — Они причинили тебе боль?

— Нет, — шепчу я. — Не ту, о которой ты подумал — ты как раз вовремя, — я отстраняюсь и смотрю на него.

Он чертыхается, когда дотрагивается до моего лица.

— Кто это сделал?

— Джош.

— Я убью его. Убью, черт возьми.

Он подхватывает меня на руки и выносит из палатки.

Прямым в хаос.

Мгновения удивительны тем, что сменяются так быстро.

В одно мгновение я была близка к тому, чтобы моя жизнь бесповоротно изменилась, а в другое меня вытащил из палатки мужчина, которому я даже не уверена, что нравлюсь.

Полиция повсюду, они заковывают в наручники любого, кто встает на их пути. Два офицера сгоняют испуганных женщин в группу. Я сочувствую им, потому что, к сожалению, они верят, что прямо сейчас весь их мир перевернут с ног на голову. Они действительно не понимают, что сейчас происходит, что спасают их жизни, потому что любят этот мир и искренне не хотят, чтобы что-то менялось.

Джоша нигде не видно. Хита тоже, и это меня пугает.

— Поставь меня, — говорю я Танку.

Он делает то, что я прошу, опуская мои ноги на землю.

— Подойди к полицейским; с ними ты будешь в безопасности. Мне нужно узнать, смогу ли я чем-нибудь помочь, — приказывает он, а затем исчезает.

Я прячусь за палатку и поправляю свое платье, после чего приседаю и перебегаю от одной палатки к другой в поисках Джоша. Он сбежал? Или его уже схватили?

Я оглядываюсь назад и вижу, как Танк осматривается по сторонам, он в отчаянии. Могу только предположить, что Джош все еще где-то рядом. Услышав шелестящие звуки, доносящиеся с левой стороны от меня, я поворачиваюсь и начинаю вглядываться в чащу деревьев. Повернувшись, я понимаю, что они исходят из леса неподалеку от меня.

Я мчусь туда и останавливаюсь, когда замечаю Хита с Джошем, дерущихся на земле. Летят кулаки, везде кровь, они дерутся не на жизнь, а на смерть. Мое сердце бешено колотится, я осматриваюсь вокруг, пытаюсь найти хоть что-нибудь, что поможет мне остановить их. Помимо нескольких крупных бревен, поблизости ничего нет. Джош сидит верхом на Хите, и словно в замедленной съемке я наблюдаю за тем, как он хватается его за рубашку и вытаскивает нож.

— Нет, — кричу я, мчась вперед.

Он собирается ударить его, когда я врезаюсь в его бок, принимая всю силу удара на свой живот. Боль, отличающаяся от всего того, что я когда-либо испытывала в жизни, стремительно охватывает все мое тело, и я отступаю назад, открыв рот в безмолвном крике, застывшем на губах. Хит рычит, но затем появляются полицейские, и трое из них бросают Джоша на землю. Я не могу пошевелиться. Не могу дышать. Не чувствую даже свое тело.

— Люси, нет, — выдыхает Хит, подползая ко мне и взяв мою голову в свои руки. — Малышка, скажи что-нибудь. Пожалуйста, скажи что-нибудь.

— Мы схватили его, — я задыхаюсь, из моего горла вырывается бульканье. — Схватили. Затем я позволяю тьме окутать себя.

— Почему она не приходит в себя?

— Она очнется, когда будет готова.

— По словам врача, она уже должна была очнуться.

— Она скоро очнется. Прекратите.

— Вы оба, перестаньте нервничать. Дайте ей отдохнуть.

Слабые голоса мамы, папы и Хита проникают в мой разум, пока тело начинает медленно осознавать, что происходит вокруг. Я слышу звуковые сигналы и чувствую запах, напоминающий какое-то лекарство. Проходит еще несколько минут, прежде чем я обретаю способность двигаться, и сжимаю пальцы, чтобы убедиться, что это не сон.

— Люси?

Это не сон.

Я сосредотачиваюсь на том, чтобы открыть глаза.

И открываю их.

— Она очнулась. Позовите врача.

— Маленькая Люси.

Хит.

Я смотрю в направлении, откуда слышу его голос, и он постепенно появляется в поле зрения.

— Привет, — хриплю я.

На его лице отражается боль, но он улыбается.

— И тебе привет, дорогая.

— Что... что случилось?

Он прищуривается.

— Ты не помнишь?

На мгновение я прикрываю глаза, в голове мелькают расплывчатые фрагменты воспоминаний. Я открываю глаза и смотрю на него.

— Джош... Он... Он?..

— Он арестован, ему предъявили обвинение, которое не позволит ему выбраться из тюрьмы.

— А все остальные?

— Будем надеяться, что получат помощь, в которой нуждаются, однако их нельзя заставить сделать это. По крайней мере, теперь они свободны от его внушения.

— Хейли, — хриплю я.

В его глазах появляется печаль.

— Она в порядке. В ужасном состоянии, но все в порядке. Она здесь, так же, как и некоторые другие девушки.

— Могу я увидеть ее?

— Я узнаю.

— С ней все будет в порядке? — спрашиваю я, взглядом умоляя его сказать, что все так и будет.

— Честно говоря, не знаю, но о ней будет заботиться прекрасная пожилая пара, у которой большой опыт работы с детьми, получившими травму. Думаю, все будет хорошо.

— А все остальные дети?

— Попали в службу защиты детей. Это все, что я пока узнал.

Я киваю, проглатывая огромный ком, застрявший в горле.

— Но, что я знаю точно, так это то, что, если бы не ты, никто из них не оказался бы там, где сейчас, и они все еще подвергались бы тому кошмару. Ты спасла их, прекрасная девочка.

Слезы катятся по моим щекам.

— Я был так напуган, когда увидел, как нож входит в тебя. Я думал...

— Эй, — шепчу я, касаясь его щеки. — Я в порядке.

Хит кладет руки по обе стороны моей головы и прижимает свой лоб к моему.

— Я люблю тебя, Люси. И хочу, чтобы ты знала, как сильно. Я так горжусь тобой, и безумно благодарен за то, что ты есть в моей жизни.

Он вытирает слезу своим большим пальцем, и некоторое время мы смотрим друг на друга, пока не слышим за спиной рыдания моей матери.

— Они такая красивая пара.

Хит усмехается и бормочет:

— Кажется, она ждет своей очереди.

Я слабо улыбаюсь ему.

— Она может подождать еще немного.

Затем я притягиваю его ближе и прижимаюсь к его губам.

Потому что никогда не отпущу этого мужчину.

— Привет, — шепчу я, когда вхожу в палату к Хейли. — Помнишь меня?

Она смотрит на меня, ее темные волосы падают на лоб и рассыпаются по щекам. Ее глаза не такие темные, как я помню, а щеки не такие бледные. Рядом с кроватью сидит пожилая пара, они улыбаются мне, когда я вхожу. Я пробыла в больнице неделю, и сегодня меня выписывают. Это первый раз, когда я могу прийти и увидаться с Хейли. До сегодняшнего дня ее не разрешали навещать всем, кроме приемной семьи.

— Люси, — произносит она тихо. — Конечно, помню.

— Могу я войти?

Она кивает, и я вхожу в палату, останавливаясь возле ее кровати, а затем смотрю на нее.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я.

Она слабо пожимает плечами.

— Не знаю.

Я понимающе улыбаюсь.

— Потребуется время. Я слышала, ты возвращаешься домой с милой парой.

Она едва заметно улыбается и поворачивается к пожилой паре.

— Это Маргрет и Джон.

— Приятно познакомиться, — говорю я им обоим.

— И нам, дорогая, — говорит Маргрет, взгляд ее добрых карих глаз встречается с моим. — Мы слышали, вы совершили очень смелый поступок, вытащив этих девушек.

Я слегка пожимаю плечами.

— Я сделала то, что должна была.

— Ты спасла им жизни, — говорит Джон. — Не каждый осмелился бы на такой поступок.

Я оглядываюсь на Хейли.

— Я бы сделала это снова.

Я протягиваю ей руку. Она слегка вздрагивает, но позволяет мне взять ее.

— Спасибо, — хрипит она, — что помогла мне. Не только за то, что помогла выбраться оттуда, но и понять, что те чувства, которые я испытывала, были правильны, а то, что происходило вокруг, было плохим.

— Ты всегда должна доверять своим инстинктам, Хейли, что бы ты ни делала, потому что они всегда будут указывать тебе правильный путь.

— Спасибо.

— Я оставлю свой номер Маргрет. Когда тебе станет лучше, позвони мне, если захочешь.

Она улыбается, и это делает ее еще красивее.

— С радостью.

— Мы могли бы пойти и поесть мороженое вместе.

Ее глаза загораются.

— Было бы здорово.

— Я тоже так думаю.

Маргрет улыбается, когда я даю ей номер Хита, чтобы она смогла связаться со мной.

Она берет мою руку в свою и сжимает ее, и я понимаю, что так она выражает свою благодарность.

— Мне пора, — говорю я, улыбаясь Хейли. — Береги себя.

— Обязательно, — мягко произносит она.

— До скорого, Хейли.

Я выхожу из палаты и прижимаюсь спиной к стене, смотрю в потолок и улыбаюсь, делая глубокий вдох. У меня такое чувство, будто я не дышала с тех пор, как это все началось. Через несколько минут я отрываюсь от стены и иду по коридорам, пока не прохожу мимо стойки регистрации.

И тут замечаю его.

Хит. Он стоит там, дожидаясь меня. Выглядит великолепно и идеально, так, как и должен мужчина. Он улыбается, когда видит меня, и я впитываю каждую его частичку в себя — его ямочку, серебристые глаза, то, как светится его лицо, и в безмолвной молитве благодарю того, кто привел его в мою жизнь. Глядя на него, я понимаю, что некоторые мгновения бывают хорошими, некоторые плохими, но все они, так или иначе, важны.

Даже когда мы этого не осознаем, даже когда думаем, что хуже быть не может, жизнь преподносит нам мгновение, которое неожиданно вносит смысл в происходящее. Мгновение, которое объединяет все кусочки головоломки воедино и предоставляет новую перспективу, и вы удивляетесь, как могли желать чего-то другого.

Когда смотрю на Хита, я понимаю, что он был моим мгновением. Он появился в моей жизни именно тогда, когда я больше всего нуждалась в нем. Это не просто любовь. Он помог мне понять, кто я, и делал это каждую секунду с того момента, как появился в моей жизни. Он помог мне возродиться. Сделал меня лучше. Исправил то, что я даже и не подозревала, что нужно исправлять.

Он мой мужчина.

Моя любовь.

Мое мгновение.

*** КОНЕЦ ***

Больше книг на сайте - Knigolub.net